

СМЕНА

№ 3 апрель 1980

**ХУДОЖНИК ВЕНЕЦИАНОВ:
НАРОДНОСТЬ РЕАЛИЗМА**

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

Фестиваль поэмы

СЕВЕРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Героика освоения богатств Западной Сибири вызывает острый, напряженный интерес литераторов страны. Предлагаемая читателям поэма томского писателя Сергея Заплавного — об одном из эпизодов этого освоения.

...Что такое Васюганье? Это огромный край болот Томского севера, кладовая нефти. Время поставило перед сибиряками

сложную задачу — в сжатые сроки по топям и трясинам провести временную дорогу от речного рейда притока Васюгана Катильги до базового поселка нефтяников Пионерный. Ее сооружение стало ударной комсомольской стройкой. Мужественная работа молодых строителей открывает путь грузам на буровые вышки Васюгана...

ПОБРАТИМЫ

Над коричневой глубиной клубится туман. Время плещет в падун-берега. И вздыхает простуженно Мамонт-река, сын Обь-доры-реки, Васюган.

Вечный странник, он брел между гиблых болот, чтоб живую водой напонтъ всех, кто в дебрях таежных от века живет, жил и дальше упорствует жить.

Стали темными снежные воды его. Донных трав прохудилась парча. Слово мощные руки, коряво торчат корни серые из берегов.

Велико Лукоморье, земля сибирян. Лик источен морщинами рек. Путь сквозь время упрямо горил Васюган. Рядом путь пробивал человек.

Как ребенок доверчив, как зверь терпелив, как трава-самосейка живуч, перенял у реки он тягучий мотив с птичьим криком у глинистых круч.

Научился у рыси выслеживать дичь. Обучился искусству бобра. Довелось ему позже иное постичь на скрещении зла и добра.

Он выслеживал в дебрях таежных врага. Разрушал, чтобы строить опять. И сгорали в воде ледовитой снега, опускаясь на тусклую гладь...

Побратались в дороге совместной своей человек и река-великан. Только путь человека гораздо длинней, чем суровый седой Васюган.

Только путь его дальний гораздо сложней, как сложней и порожистой жизнь... Разошлись на изломе стремительных дней две дороги. И снова сошлись.

Быль и небыль хранит в своем сердце тайга — много скоплено тайн у тайги... Не забыть, как пришла нефтяная река во владения Мамонт-реки.

Не забыть, как она из-под толщи земной начинала крылатый разбег. Как непросто для грузов — дорогу домой вел по этим местам человек.

ЛЕЖНЕВКА

Ручная пила суетлива, отдышлива... Вон как тела таежных деревьев горделивых срезает электропила.

Она их бросает умело на панцирь промерзших болот. И каждое новое тело, как шаг, как полшага вперед.

Вперед — в неизбывную стужу, Сквозь гнущий к земле ураган, Туда, где тревожную службу Несет нефтяной Васюган.

Весной, в надлежачие сроки, Болота разжижятся враз. Лежневка — фундамент дороги, Ее многотрудный каркас — Пройдет сквозь зловонные топи. Потом необычный понтон Возьмет на себя многотонно Слой глины, песок и бетон.

И двинутся мощные КраЗы, «Уралы» и «Татры» пойдут От порта разгрузки, от базы, Что люди Катильгой зовут,

Пойдут к промысловым площадкам, К поселкам на тысячи мест. Запахнут тревожно и сладко Аир и вербейник окрест.

От Катильги, внучки Обь-доры, Что значит Медвежья река, Прорежет лежневка просторы, Пронижет лежневка века.

И жаль, если будет забыто, Что этот дорожный настил Шумел по тайге домовито, Когда еще хвойником был.

МИША

Зорко выглядевший добычу На одной из дальних барж, Миша снизился, По-птичьи Сделал медленный вираж.

Снял с платформы трактор ловко, Взмыл до нужной высоты И понесся вдоль лежневки, Тенью метя зыбуны.

Метя верети и колки За кедровою стеной, Где таежные светелки Поросли слезун-травой.

До гнездовья путь неблизкий — Километров шестьдесят. Но летит упрямо Миша... Вслед дорожники глядят.

Отрываясь от работы, Машут дружески рукой Грузовому вертолету... Миша — это «Миш-шестой».

Бездорожье к Мамонт-нефти Подступиться не дает. И тогда ведет по небу Трассу помощи пилот.

Он строитель и старатель, Грузчик, возчик и связной. На вопрос: «Куда, приятель, Груз?» Ответствует: «Домой».

Дом его на Пионерном. На Оленьем тоже дом. Поспевает всюду первым Он, не думая о том.

«От винта!» Летит дорога. Вместе с нею ты летишь... Оттого, наверно, много В Васюганье «МИ» и Миш.

ДОРОЖНИКИ

Темь таежная белеса. Влажный воздух недвижим. А в Налимке по-за плесом Тихо хлопает налиим.

Свет костра его тревожит, Шум моторов, голоса. Палит рыба осторожно На дорожников глаза.

А они, намявшись за день, Чай смородиновый пьют. Братству северному рады, Песни тихие поют.

Молодые чище лица, Без печали, без морщин... Задремало у водицы Стадо грозное машин...

Все в диковинку налиму: Сколько зим отзимовал, Сколько лет промчалось мимо, А такого не видал.

Тени бродят по раскату, Тонут в серых тальниках. Притаилась рыба рядом, Пересиливая страх.

Под дорогой, словно в шлюзе, Плещет звонкая вода... Лишь вчера привел Кутузов Свое воинство сюда.

Шеф дорожного участка, Он задорен и горяч. Путь его тернист, неласков Через хлеба и нельмач.

Но светло ему поется У веселого огня. Не потомок полководца, Только все-таки Родня.

И по слову, и по нраву, По неспрадным делам... Он свою добудет славу, А когда — не знает сам.

...Исхлестано небо дождями. Прогнозы из центра плохи. Съезжают в застойные ямы Болотные салоги.

Колеса врезаются в глину, По ребрам лежневки скребут. Цветными кругами трясина Наверх извергает мазут.

Утрами холодными будит Дорожников дождь проливной. И, кажется, нет и не будет На свете погоды иной.

И, кажется, нет и не будет Иных, недорожных, забот. Устали машины и люди Ползти, продвигаясь, вперед.

И если край света взаправду В пределах каких-нибудь есть, То он начинается, право, Не где-то, а именно здесь...

Комар отошел. За мошкой Настала пора мокреца... И нет у ненастья простоя, И нет у дороги конца...

ЛЕГЕНДА О СПРАВЕДЛИВОМ ОГНЕ

Под кровлею кедра, Как тайну, Наивностью доброй светясь, Хантыйская девушка Найне Повелада памятный сказ.

Пусть прошлое к нам донесется, Как эхо далеких времен... Пусть светит домашнее солнце По имени Властный Огонь.

Пусть Властный Огонь обогреет Охотничьи чумы зимой. Он — князь, Все на свете имеет. Бывает и добрый и злой.

Однажды покой его сытый Нарушил ребенок. И вмиг Озлился Огонь и сердито В глаза его искрой проник.

Тайга задрожала от крика, На землю обрушился гром — То Мать, обезумевши, дико, Рубила Огонь топором.

А тот бушевал и метался, Но вот, обессилев, угас. И холод в жилища ворвался. Студеным туманом клубясь,

Ворвались болезни и горе, Казня всех подряд, без вины... И люди пошли к Нуми-Торум, Хозяину Верхней Страны.

— Твой воин велик, но коварен, — Сказали посланцы племен, — Умрем, если будет подарен За то Справедливый Огонь.

Свел брови к глазам Нуми-Торум, Ответ его тверд и суров: — Живите... с одним уговором: Виновный прольет Свою кровь.

И Мать, пожалев властелина За злую его слепоту, Ушла добровольно от сына В кровавую темноту.

И капли живые проникли Под толстую кожу болот. И грянули грозные вихри. Ударила нефть в небосвод.

Она — продолжение сказа, Похожего очень на сон... В дорогу народом не сразу Был взят Справедливый Огонь...

Уходят раскрытые тайны. Уже чуть слышны их шаги... Умолкла задумчиво Найне Под ласковый шепот тайги.

Умчались пчелиные трассы В густой медоносный кипрей. И долго над хвойной террасой Мерцала волна лебедей.

НАДПИСЬ

У насыпи — щит из фанеры. Веселая надпись на нем: «Увольте меня в пионеры. Когда в Пионерный дойдем!»

Внизу резолюция: «Стоит!» Совет: «Хватит ваньку ломать!» Догадка: «Дорогу построить — Да это же мир повидать!»

Такая, наверно, эпоха: Из теплых краев и квартир Бросается юность в дорогу На север — осваивать мир.

Вдали от домашней опеки, Средь избранных делом людей, Она припадает к истокам Земли материнской своей.

Она прикипает к работе. Суровой, как эта земля. Где самая главная льгота — Проверить на прочность себя.

Проверить, добраться до сути, Почувствовать прочность корней... В тайге — из ее малолудья — Все в мире намного видней.

Рисунок Владимира РОДИНА

Ясней и понятней все в мире —
Что было и что впереди...
Могучее сердце Сибири
Забилось у многих в груди.

Поэтому, право же, стоит
Припомнить и верно понять
Ту надпись: «Дорогу построить —
Да это же мир повидать!»

ЛОСЬ-ТРОПА

Болота гудят от мороза.
Настала пора перемен...
Дорога бежит под колеса
Меж хвойно-березовых стен.

Бежит, пропадает из вида,
Как будто река подо льдом...
Спешит по тайге деловито
Машина — кочующий дом.

А в нем, по-семейному тесно,
Рабочие люди сидят.
Любому, конечно, известно,
О чем они там говорят:

О женских капризах погоды.
О жизни своей кочевой.
О том, как вернуться в субботу
На «МИ»
Отдыхать в Стрежевой.

И сразу — в парное хозяйство:
Смыть вахтою выбитый пот...
Ругают себя и начальство
За то, что порядок не тот...

Хозяев на трассе немало,
Все входят в дорожный совет.
Да время такое настало,
Что второстепенного нет.

В подобной учить обстановке
Непросто сейчас молодежи.
Не терпит она пробуксовки,
Все время торопит: «Давешь!»

Влюбляется крепко и сразу,
Охотно выходит на спор...
И длится нелегкая трасса —
Острой, горячей разговор.

И вдруг — на бегу — остановка.
Паденье вперед и назад...
У снегом засыпанной бровки
Возникли фигуры лосят.

Не страх, а скорей удивленье
Сковало ребячливый бег...
И начали тихо сближенья
Природа
И человек.

О, как ненасытно желанье
Увидеть друг друга в упор...
Лосята глушили дыханье.
Дышал затаенно мотор.

И тут — настороженно, тихо —
На этой дороге лесной
Внезапно возникла лосиха.
Поддела брезент головой.

На миг отступила к лосятам
И снова рванулась вперед...
Несильный толчок в радиатор.
Второй... Следом третий заход...

Водитель не выдержал:
— Хватит!
Уйди от греха, говорят...
А сам торопливо попятил
Махину стальную назад.

— Потом расскажи — не поверят...
Ну, хоть бы с рогами была...
Дорогу размашисто меря,
Лосиха машину гнала.

Смешно, голенасто ступая,
Спешили лосята за ней...
Шумела тайга вековая.
Роняла сугробы с ветвей.

Кричала сердито сорока,
Над странным движеньем кружа...
В тот день, говорят, у дороги
Родилась душа.

ИНТЕРВЬЮ

Улыбнулся Караваяев
Журналисту:
— Наша ЛЭП
На текущий день, считаю, —
Тот же хлеб.
В небе светлая дорога —
Электричества поток.
Правда, сделана высоко —
Двадцать метров потолок.

Закольцуем север скоро.
Станет раньше тут светать...
Нашу «насыпь» по опорам
Далеко в тайге выдать.

Жизнь — сплошное ускоренье.
Счет ведем — один к пяти...
Эта ветка на Олень —
Продолжение пути.

Достается он несладко.
Тут слова не подобрешь...
Поднимаем сто двадцатку,
Закрепляем и... хорошо.

Жизнь у нас, как у саперов, —
Без повторов, без прикрас.
Потому что на опоре
Оступаются лишь раз.

Нам дается все однажды,
Но сполна, как ни крути...
Путь построить — очень важно.
Но важнее впереди
Свет зажечь...

— И зажигаем! —
Подтвердил строитель ЛЭП.
Пошутил:
— А Караваяев —
Тоже ведь от слова «хлеб».

ПУТЬ НА ВАСЮГАН

Построена в сжатые сроки,
Как это бывало не раз,
Дорога — не просто дорога,
Людей неразрывная связь.

На карты попасть не успела,
Но в судьбы навечно легла.
Кого-то она обогрела,
Кому-то она помогла.

Такое забудешь едва ли —
Проверка на полный накал...
Ей лэповцы путь освещали.
Ей «Миша» с небес помогал.

Речными путями спешила
Отправить ей грузы страна.
Сюда свои лучшие силы
Не раз посылала она.

Душа здесь родилась с душой.
Судьба здесь сплеталась с судьбой.
Здесь нету отдельных героев,
Поскольку здесь каждый — герой...

Сегодня бетонную трассу
Осились за сорок минут.
Не БАМ, но такого же класса
Для этого края маршрут.

В нем радости и тревоги
Особых людей — северян.
А все это вместе — дорога,
Дорога на Васюган.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1265) ФЕВРАЛЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина
художника
Алексея
ВЕНЕЦИАНОВА
«ЖНЕЦЫ».
К 200-летию
со дня рождения

1 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ. Сергей ЗАПЛАВНЫЙ. «СЕВЕРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ».

2 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ. «НОВИЧОК: ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РЕШЕНИЙ». Письма, статьи, высказывания.

8 Рассказ Георгия ГУЛИА «ДОЛГИЙ ПУТЬ В ВИДИГЕЙРУ».

10 «А ЧТО У ВАС?» Информационная страница «Смены».

12 «МАГИСТРЫ ИЗ МОСКВЫ». Фоторепортаж из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

15 ПРОШУ СЛОВА! «ЧТО ЗНАЧИТ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?»

16 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ. Евгений СЕРГЕЕВ. «ДОРОЖЕ ОТЧИЗНЫ — НЕ ЗНАЛ НИЧЕГО».

19 ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТOKOВ. КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.

20 ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ. Юрий ЛУШИН. «МЕДЕО, КУЮЩИЙ РЕКОРДЫ».

22 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Ирина ОВЧИННИКОВА. «УРОКИ И УПРЕКИ».

24 «МУЗЫКА С ТОБОЙ». НОВАЯ РУБРИКА «СМЕНИ».

30 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Роман Жана АРНО «СОЖГИТЕ ВСЕХ!»

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

НОВИЧОК: ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБ

Смена

Коллективный
критический анализ:
работа в тягость, работа в радость

Наш журнал всегда уделял особое внимание новичку на производстве. Сегодня мы хотим подойти к этому важнейшему вопросу с разных сторон, рассмотреть его комплексно. Поэтому в предлагаемых читателю материалах мы предоставляем слово кадровым рабочим-наставникам, комсомольским работникам, педагогам, журналистам, самим новичкам. Цех и стройплощадка, профтехучилище, дом и семья, общезжитие — вот адреса наших встреч и бесед, источник публикаций.

Как готовят и встречают будущего рабочего? Как влияют на его нравственное и профессиональное становление, всегда ли его воспитание эффективно?

Не ставя перед собой цель исчерпать эти и многие другие проблемы, мы стремимся заинтересовать ими нашего читателя, хотим услышать его мнение, чтобы обогатить тот опыт работы с новичками, который уже есть, и найти новые пути приобщения к труду и трудовому коллективу тех, кто, начиная свою рабочую биографию сегодня, станет завтра решать самые ответственные задачи нашего экономического строительства.

...Встречаются среди выпускников училищ и такие, кого не очень хочется видеть в своем коллективе. Глядишь на иного парня и думаешь: «Ох, и намаемся мы с тобой, братец!» Но мы принимаем на наш завод и таких, потому что твердо верим в два принципа: во-первых, в семнадцать лет еще мало людей, которые, говоря языком металлурга, совсем не поддавались бы переплавке, а во-вторых, именно рабочий коллектив — это та могучая, высокотемпературная печь, в которой многое наносное сгорит без следа, а многое, тугоплавкое, все-таки переплавится.

Василий ПОСТНИКОВ,
Герой Социалистического Труда

ПИСЬМО

СТАНОК В ПОДАРОК

Семнадцать мне было, когда я стал токарить. А до этого успел слесарем поработать. По ремонту теплосетей. Работа — отвернул, заменил, привернул. Можно не думать. Токарный же станок я знал давно: еще в пятом классе люнет от лимба отличал. В Доме пионеров научился. А здесь случай помог.

Занимались мы ремонтом в токарном цехе, где товарищ отца работал токарем. Подошел. Интересно же смотреть, как в сверкающем вихре патрона мелькают стружки, слетая с резца. Или вдруг завьется какая и ползет по суппорту, по станине, опустится в поддон и шевелится там на куче таких же, но уже неживых, как самая настоящая змея. И невольно отодвигаешься от нее, с опаской поглядывая, как бы за ногу тебя не схватила.

Смеется дядя Ваня, спрашивает: «Хочешь попробовать?» А чего там пробовать? Я уже присмотрел, что куда крутить. Встал, резец подаю, душа трясется и от страха и от радости. Потом осмелел, приновился. Детальки простые были. Только разошелся — за спиной недовольный голос отчитывает моего дядю Ваню. Да и с чего довольным быть, если на твоём участке посторонний человек (да еще мальчишка) станок крутит, а токарь курит в стороне? Досталось обоим...

Молодой был начальник, только что после института — строгость свою показывал. Потом посмотрел на мою работу, на меня, как-то по-мальчишески «боднул» головой, откидывая чуб со лба, и спрашивает: «Токарем хочешь работать?» Им токарь, оказывается, нужен был. А у меня чуб не меньше его, если не больше даже. Я им «боднул» в ответ и расплылся в улыбке: еще бы я не хотел!

Уже через три дня, выслушав и прочитав все наставления по технике безопасности и расписавшись, где нужно, я подошел к своему станку.

В просторном цехе среди своих больших собратьев он как бы старался держаться незаметно в углу, возле курилки, и ничем не привлекал к себе внимания. Чем-то он был похож на меня: маленький, длинноногий и цвета, как мой дешевенький костюмчик, какого-то грязно-зеленого. В то же

время было в нем что-то живое. Казалось, позови — и подбежит он, смешно подкидывая ноги, как маленький толстый теленок. Это был МОЙ станок.

Отмыл я его, вычистил, и через какое-то время были мы уже добрыми друзьями. Чего только мы не выделяли с ним! По мелочи, правда. Крупное нам обоим было не под силу. Да и стар он был уже. Всего только на два года моложе меня. А для него это уже возраст, с которым приходят болезни. Начал он поскрипывать, подрагивать, температура стала повышаться. Отправили его лечиться — в капитальный ремонт. Время было летнее, отпускное, без станка я не остался. Станки были мощные, да и работа сложнее, интереснее, но все же нет-нет да вспоминал я свой станок. Как он там, каким возвратится ко мне?

Так незаметно прикатила осень, а с ней и мой день рождения. На работу в тот день шагалось весело. Солнце, только что проснувшееся, приподнималось над лесом, и в воздухе на легком морозце заискрилась пыль первого инея. Я гадал, какой сюрприз приготовили мне «мужики»: в последний раз я ушел из цеха раньше их, а они о чем-то шептались, поглядывая на меня. Теперь и я буду уходить вместе с ними.

В раздевалке я уже был удивлен тем, что никого не застал из «наших». Быстро переоделся и «влетел» в цех... Все стояли возле моего станка и ждали меня. Но больше всех ждал меня мой станок, установленный уже на фундамент, сверкающий свежей краской, весь какой-то улыбающийся. Может, оттого, что вокруг все улыбались и поздравляли меня...

Подойдя к станку, поставил рычаги на самые большие обороты и включил двигатель. Станок весело свистнул, набирая скорость, а я, глядя на вазочку с цветами, которая даже не дрогнула на крышке, сказал: «Ну... ладно... спасибо, что ли».

Семнадцать лет прошло с тех пор. Но теплая забота обо мне, новичке, и сейчас живет в сердце. Такой заботы я желаю всем, кто впервые приходит в цех, в мастерскую, на стройплощадку.

Юрий ЗАХАРОВ,
работник автобазы,
г. Челябинск

Удовлетворение работой, радость труда, его результативность в большой степени зависят от морально-психологического климата в коллективе, от заботы и внимания к молодому производственнику, повседневной помощи новичкам. Комсомольские организации обязаны остро и бескомпромиссно выступать против любого проявления формально-бюрократического отношения к труду, быту, росту квалификации молодых тружеников.

Из Отчетного доклада Центрального Комитета комсомола
XVIII съезду ВЛКСМ

УЮЩИЕ РЕШЕНИИ

РЕЙД

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

I. Начинающий

— Училище я окончил нормально—со вторым разрядом, так почти все заканчивают. А вот работать сначала было трудно. Потому что одно дело на практике пару часов с раствором повозиться, а целую смену отработать—это, знаете, оказалось совсем другое... Я даже думал: не выдержу. А потом привык понемногу, сейчас для меня смену отработать проблем не составляет. Иногда еще и удивляешься: что-то сегодня быстро прошла... Ну и, конечно, к бригаде нужно было привыкнуть, к людям присмотреться... Как они работают...

Андрей Щеглов, выпускник ГПТУ-12, базового училища треста № 17, входящего в комбинат «Днепропетрострой»,—плиточник-облицовщик. Начал в бригаде Бекмурзина, после летнего отдыха перешел в бригаду Шевченко. Перед ним такой же путь из бригады в бригаду проделал его однокурсник Сергей Горбачев.

— За другом потянуло?

— Да как сказать,—усмехается Андрей.—С одной стороны, потянуло, с другой... выгнал меня бригадир. Перед отпуском сказал: в бригаду не возвращайся—ты мне не нужен. Вот я и не вернулся...

— Что же произошло?

— Да понимаете, сложилась такая ситуация: у меня вся семья собралась на море поехать, конечно, и мне очень хотелось вместе со всеми. Иду к бригадиру с заявлением на отпуск, а он говорит: не пойдешь. А я говорю, что все равно поеду... Тогда он и объявил: если пойдешь, в бригаду не возвращайся...

— Погоди, Андрей, а ты не подумал тогда, что на объекте может быть такая ситуация, когда каждый человек на счету? Ты бы поставил себя на место бригадира...

— Ну, во-первых, никакого особенно положения на объекте не было. Во-вторых, как несовершеннолетний, я

имею право на отпуск в удобное для себя время. А в-третьих, он просто считал, что я заводила, и уже давно хотел от меня избавиться.

— В каком смысле—заводила?

— Ну, тут длинная история...

— А все-таки...

— Дело в том, что с Бекмурзиным с самого начала было очень трудно работать. Чуть что—сразу ругань, упреки без всякого повода. К нему подойти, спросить о чем-нибудь—и то не каждый раз решишься. Накричать мог вообще ни за что. Из-за этого и на работу часто идти не хотелось. Вот все мы, молодые, и старались так работать, чтобы поменьше бригадиру на глаза попадаться... Нас, «малолеток», то есть несовершеннолетних, в бригаде несколько было. По закону мы должны кончать работу на час раньше. И вот подойдет наше время, мы соберемся где-нибудь и стоим, мнемся—просто так не уйдешь, надо же бригадиру сказать, а идти к нему никому неохота... Не то что не отпустит—отпустит, конечно, но так накричит при этом, будто ты виноват в чем. Вот мы каждый раз и уговаривали друг друга: иди ты, нет, ты иди... А ведь мы имели полное право. И получалось так, что я чаще других отпрашиваться ходил... Только не подумайте, что у меня не было сил этот час отработать! Сил у меня достаточно, но ведь мы имели право уходить.

Что сказать Андрею в ответ? Что тут вообще можно сказать?

— Но признайся, Андрей, случилось, что бригадир вас ругал за дело? Конечно, и за дело нельзя так, но все-таки, по сути, он, видимо, бывал и прав...

— Бывал... Я как-то затираю швы цементом, а рукавицу у меня не было, ну, и я затираю прямо рукой... И тут бригадир подходит. Что началось! Кричал так, что я не знал, куда спрятаться... — Ну, а ты поставь себя на его место,

Он же за тебя отвечает. Тем более, ты несовершеннолетний. Поранил бы руку или просто разъело бы раствором...

— Да что вы!—отмахивается Андрей.—Я уже привык, первый раз, что ли?

— Но ты понимаешь, что в принципе бригадир был прав—так работать нельзя.

— Понимаю... А через день он меня опять посылает швы затираю, я говорю,

что у меня по-прежнему нет рукавиц... А он мне: иди делай, ничего с твоими драгоценными ручками не случится...

— А как на новом месте?

— Нормально. Главное, что по-человечески...

Тут Андрея позвали. Он ушел, а мы вспомнили, что хотели его спросить, вернется ли он в трест после службы в армии?

II. Предприятие

— С каждым годом стареют наши штукатуры, а надежной смены им почти нет. И с каменщиками плохо...—вздыхнула начальник отдела кадров СУ-4 Любовь Петровна Мороз.—Так нужны молодые! Правда, в этом году к нам пришли двадцать три выпускника базового ПТУ-12, но и вместе с ними нам сейчас не хватает еще тридцати девяти рабочих... Встретили мы новичков хорошо, сразу подобрали к каждому наставника, закрепили их за молодыми приказом. И все равно некоторые прямо так и сказали: «Уйдем. Или сразу, или через некоторое время...»

— Любовь Петровна, выпускники училища проходят через ваш отдел и когда устраиваются в трест и когда увольняются. Разумеется, год на год не приходится, и все-таки: сколько, на ваш взгляд, ребят из этих двадцати трех будут работать в управлении через год? Ваш прогноз?

— Через год... Думаю, человек пятнадцать... Надеюсь.

— А через два года?

— Человек... десять.

— А постоянно закрепятся в тресте?

— Вот на этих десятых и рассчитываем.

Видимо, примерно такими же были бы прогнозы и других начальников отделов кадров строительных управлений треста № 17, да и всего комбината «Днепропетрострой». Судите сами: за последние три года сюда было направлено 1770

выпускников профтехучилищ, сейчас на стройплощадках комбината трудится только 770. Ушла тысяча молодых строителей. Почему?

— Ну, причины разные. В училище трудности с набором, набирают в основном приезжих, ребят из сел, а они потом разъезжаются по родным местам. У нас есть хорошие общежития для рабочих, но нет общежития для малосемейных, молодым семьям негде жить—тоже уходят. Это общежитие нам нужно, как воздух... А многие приходят после училища с таким настроением: посмотрим, не понравится—уйдем. Случайные в строительстве люди.

«Что вы хотите—это же строительство...» С таким «объяснением» поведения новичков нам в ходе рейда не раз приходилось сталкиваться. Но мы могли бы ответить, что, например, Саша Поляков из бригады монтажников Хандрымайлова, СУ-4, уходя на службу в армию, просил обязательно оставить для него место в бригаде—он вернется. Никуда не думает уходить из бригады Гавриша выпускник этого года Сергей Билиба. «Куда же я из бригады?!»—скажет он. А ведь работает он здесь только два месяца. Вряд ли почувствует тягу к перемене специальности штукатур Володя Емелин—училище закончил год назад, а уже в этом году стал победителем на конкурсе штукатуров Днепропетровска... Как видите, у нас были основания считать, что рабочая судьба нович-

ка не определена заранее одной спецификой производства. Подтверждение этому логичнее всего было искать на предприятии совсем другой отрасли.

...Вот уже три года испытывает трудности с выполнением государственного плана металлургический завод «Криворожсталь». Сейчас не место разбираться во всех технических, технологических и экономических причинах такого положения. Коснемся только одной проблемы — кадровой.

Нынешним летом на заводе не хватало 1200 рабочих.

У гигантского предприятия до недавнего времени было всего одно базовое профтехучилище. Только-только построено второе, но и оно не удовлетворяет полностью нужд в рабочих кадрах. Казалось бы, пока есть лишь один выход: стараться не потерять ни одного новичка. И завод пытается: построены прекрасные общежития и Дворец культуры, выпускники работают строго по специальностям, указанным в дипломе, за ними официально закреплены около 1500 наставников, которым выплачивается за наставничество определенный процент от заработной платы...

И все-таки 50 человек из 799, принятых на предприятие нынешним летом, не вышли на работу из оплачиваемого отпуска, предоставляемого сразу после начала работы. Многие из них искали в это время другую работу. А ведь не строительство...

Одна из насущных производственных задач «Криворожстали» — укрепление ремонтной базы. 570 выпускников профтехучилищ направлено сюда Министерством черной металлургии республики. Казалось бы, реальная сила, способная на многое. А между тем многим истинные возможности этого отряда молодых рабочих представляются пока сомнительными... Почему?

...Двое ребят мирно дремали у ремонтного цеха на скамейке.

— Что, работы нет?

— Нет.

— Вообще нет? — не поверили мы.

— Вообще есть. Для нас нет. Нам ее не доверяют — мы практиканты. Практика у нас пока одна — метлу в руки, и погнал.

Через год и эти ребята придут на завод. Согласитесь, сомнения в их возможностях оказать предприятию действительную и скорую помощь будут достаточно обоснованными...

— А как я могу доверить ему станок, — перебивает нас опытный ремонтник Виктор Чумака, — если он его видел только на картинке?..

Довод? Конечно.

— У них не просто неважная подготовка, часто складывается впечатление, что они имеют самое смутное понятие о своей будущей работе. Теория теорией, но и подготовить к практике их тоже нужно. У нас все-таки производств...

— Но научить парней все же надо?

— А кто спорит? Но когда они говорят, что в их училище такого станка нет, мне что — всю свою работу забрасывать? Кого здесь винить?..

Тут-то как раз все очевидно. Винить надо базовое предприятие, которое плохо заботится о материально-техническом оснащении своих училищ. Не находит времени, средств, а то и попросту серьезного желания заниматься этим вопросом и тем самым наказывает само себя, оставляя без надежной рабочей смены. Увы, явление это вовсе не единичное. На устаревшем оборудовании «готовят» кадры для завода имени Дзержинского и для объединения «Азот». В профтехучилище криворожского завода «Коммунист» обучение молодых ведется на дореволюционном станке. И никто словно и не догадывается, какие кадры можно подготовить подобным образом. «Открытие» свершается, когда выпускник приходит на производство.

А вот другая ситуация. О ней нам рассказал секретарь комитета комсомола базового училища Днепродзержинского тепловозоремонтного завода Александр Дзячок, когда для речи зашла об учебных мастерских. А они на заводе отличные, причем прямо на территории предприятия расположены.

— Но как бы не вышло так, что сварщиков мы в них будем готовить... для других заводов. Пришла новая программа, и по ней всех сварщиков надо учить работе на полуавтоматах. А у нас на заводе их почти нет, у нас сварка ручная, а это совсем другое дело. Получится, ребят мы будем учить одному, а работу им потом предложат совсем другую. И главное, есть же в городе училище, двадцать первое, где готовят сварщиков на предприятия с полуавтоматами. Вот думаем теперь, что делать...

Была ли какая-нибудь необходимость задавать училищу и предприятию эту задачу, когда у них и так трудностей достаточно? Понимаем, что резоны, вызвавшие к жизни новшество, существовали. Но разве, прежде чем «спускать» решение, не разумнее было обсудить его с училищем, предприятием?

Сейчас в стройтресте № 17 многие считают, что проблема закрепления молодых, по существу, целиком состоит из проблемы жилищной: будут общежития для малосемейных — будут и молодые кадры. Что ж, жилье способно оказывать большое воздействие на настрой и планы молодых. Но, во-первых, известно, сколь опрометчиво расчитывать на быстрое и окончательное разрешение этого вопроса. А во-вторых, кто поручится, что с появлением таких общежитий не выйдут на первый план иные сложности, которыми вполне можно заниматься и сейчас? Например, организация полноценной практики, широкое распространение наставничества...

III. Училище

Закончился наш разговор с В. Чумаком в «Криворожстали» так:

— Впрочем, слабая подготовка выпускника ПТУ — это еще не самое страш-

ное, — вдруг словно поправил он себя. — Много молодых я повидал, могу точно сказать: если парень старается, действительно хочет стать хорошим ра-

бочим, он им станет — мы всегда пойдем навстречу, научим. А вот если он не привык к труду, если закалки у него нет, если душа к нашему делу не лежит — а таких хватает! — что тут делать? И кому тут счет предъявлять? Училищу?..

— Конечно, мы хотим, чтобы каждый наш выпускник и знал и любил свою специальность, стремился к этому... Но реально ли это? — предлагает нам свой вопрос секретарь комитета комсомола ГПТУ-5 Юрий Юрчук. — У нас постоянные трудности с набором, но это только одна, видимая, сторона нашей беды. Другая проявляется не сразу. Многие из тех, кто все-таки пришел к нам, пришел без всякого желания быть строителем. К специальности они равнодушны, да и не знают о ней ничего...

— Мы, например, набрали в прошлом году в группы машинистов башенного крана шестьдесят человек. — вступает в разговор секретарь комитета комсомола ГПТУ-12 Надежда Сарабанская. — из них еще на первом курсе осталась только половина, остальные перешли в другие группы. Показалось, что там вроде интереснее...

На одной из стройплощадок комбината «Днепротяжстрой» мы встретили выпускника этого года электросварщика Сашу Костограза. Объяснить, почему он пошел в строительное училище, Саша в общем-то не смог, если не считать за объяснение такие доводы: «Так вышло, вместе с ребятами, знакомые там учились...» На вопрос, почему именно на сварщика пошел, он ответил так: «Не на плиточника-облицовщика же было идти!» Также, согласитесь, не особенно вразумительно. Но вот работающий на этой же стройке опытный бригадир Дмитрий Игнатович Семенович о начинающих сварщиках и Саше в том числе сказал:

— Они еще многого не умеют, но за сварку всякий раз просто с радостью хватаются. Значит, будет толк.

Мнению опытного строителя, думаем, нет оснований не доверять. Совместные усилия училища и предприятия принесут успех. Собственно, именно к этому клонили в разговоре и оба комсомольских секретаря. Они были далеки от

уныния и пессимизма, но опыт работы уже научил их: нельзя, неправильно сваливать всю задачу воспитания и подготовки молодых рабочих только на училище. Семья, школа — до училища, завершение профессиональной подготовки на предприятии после него — вот необходимые звенья лестницы, по которой поднимается к мастерству новичок. И здесь нельзя без взаимопонимания, без умения идти навстречу друг другу. И как же усложняется и без того нелегкое дело, когда семья готовит к чему угодно, «только не в ПТУ!» (Кто из нас не слышал в жизни этой «крылатой» фразы?). Когда школа и училище выступают не союзниками и партнерами, а соперниками — со всеми вытекающими отсюда нерадостными последствиями. Когда — воплощение бесхозяйственного подхода к делу! — училище и предприятие бьют не в одну цель.

Хронически не хватает рабочих рук на предприятиях горнорудной промышленности Криворожья. Между тем план выпуска профтехучилища отрасли как будто регулярно выполняют. В чем же дело?

Да в том, что в момент окончания училищ их выпускникам обычно исполняется девятнадцать лет. В лучшем случае они на полгода старше. Но на работу в шахтах допускают лишь по достижении 20 лет. Выходит, год — а случается, что и больше, — ребята должны работать на поверхности. Обеспечить их всех работой сложно, потому что столько рабочих на поверхности в принципе и не нужно. Естественно, что приобретают они за это время не слишком много. Зато начинаются прогулы, разочарования, многие расходятся по другим предприятиям. А в это время в шахтах так не хватает рабочих...

Так, может быть, Госкомитету по профтехобразованию стоило бы пересмотреть программу обучения в этих училищах? Или предусмотреть такое положение, по которому в них принимали бы ребят со средним образованием, с таким расчетом, чтобы ко дню окончания училища выпускникам исполнялось двадцать лет и они могли работать по специальности?

IV. Бригада

Вернувшись из очередного отпуска, бригадир комсомольско-молодежной бригады сварщиков Днепродзержинского тепловозоремонтного завода Дмитрий Иванович Самокиш узнал новость: один из пяти выпускников базового училища № 10, распределенных в бригаду, на работу так и не вышел. Гуляет уже вторую неделю.

Из разговора с ребятами понять можно было только одно: Валерий Класс жив и здоров. Больше о нем ничего сказать не могли. Или не хотели. Практику Валерий проходил в бригаде Самокиша, и Дмитрий Иванович тогда заметил, что парень он с гонором, резкий, но в деле хваткий и серьезный. И чтобы он две недели на работу не выходил...

По-разному пытался Дмитрий Иванович встретиться с Классом. Сначала через ребят договаривался — не идет. Домой заходил — тоже ничего не вышло,

родители вздыхают, а что и почему, объяснить не могут... И все-таки нашел он парня. Поговорили. И все оказалось просто. Когда Самокиш уходил в отпуск, у ребят еще шла практика. Погода тогда в городе стояла просто курортная, и Валера несколько раз, направляясь на завод, в результате оказывался на Днепре. Ребята-однокурсники рассказали ему, как к этому в бригаде отнеслись, он только рукой махнул. А когда его в эту же бригаду распределили, вдруг понял: стыдно идти... Так стыдно, что показалось, что лучше не идти. И не пошел. День, другой, а там понял, что теперь на тепловозоремонтный — ни за что...

Но Дмитрий Иванович его все-таки на завод привел. И с бригадой о парне поговорил. Сейчас Валера вполне прилично, не хуже других работает. А ведь если бы не бригадир, так и потерял бы

завод молодого сварщика Валерия Класа.

Пять выпускников, пришедшие в бригаду Самокиша всего два месяца назад, вполне серьезно считают себя в ней своими людьми. Да еще удивляются: почему два месяца работаем, когда мы и практику здесь проходили?! И Рома Кравец себя в бригаде не лишним чувствует, хотя практикант еще. А как же ему себя иначе чувствовать, если он уже третий день вместе с бригадиром одну работу делает: варит рельсошлифовальную тележку, а сварка тут, между прочим, по четвертому разряду.

— А почему бы мне Роме не дать себя попробовать и по этому разряду? — пожимает плечами Дмитрий Иванович. — Шов у него плотный, высоту катета он держит как по линейке, и главное — ему интересно. Да и надо, чтобы он понял: работа по четвертому разряду — это и качество и объем... Знаете, закончил в этом году наше училище Игорь Гонча-

ров — со вторым разрядом. А ведь когда он у нас в бригаде первую практику проходил, видно было: классный сварщик выйдет. Но на постоянную практику попал он на ремонтную базу к речникам, и «задавили» его там одной и той же примитивной работой...

Есть такая болезненная проблема у новичков, многим из них она жизнь портит: первое время их часто отсылают на работу что похуже, погрязнее, серьезного дела не доверяют. И при этом взывают к... совести ребят: вам еще по-настоящему работать научиться надо, а пока мы вам зарекомендуем, так что имейте совесть, не нам же за вами отходы да мусор убирать...

— Ну, железо лютаскать, с метелкой по цеху пройти — это и нам приходится, — спокойно признаются Володя Панченко и Коля Дьяченко, новички бригады Самокиша. И тут же вскидываются, словно почувствовав подвох: — Ну и что же?! У нас все это вместе делают, если надо. И даже Дмитрий Иванович сам...

V. Комсомол

Вот уже четыре года Днепропетровский обком комсомола проводит каждую осень проверки использования и закрепления выпускников профтехучилищ на предприятиях области. О некоторых итогах этой серьезной и масштабной работы рассказывает первый секретарь обкома Иван Сохань:

— Прошло время, когда училище могло считать свою задачу хорошо выполненной, просто научив парня или девушку специальности. Сейчас этого явно недостаточно. Сейчас нужно готовить каждого учащегося на определенное рабочее место, чтобы он заранее знал его, чтобы он знал свою бригаду, чем она живет, чем занимается, чего она ждет именно от него, выпускника училища такого-то.

Что для этого нужно? Совершенствовать взаимоотношения предприятий и училищ. Если же ребята просто учатся, не зная своего базового предприятия, плохо представляя себе реальную работу по избранной специальности, то можно говорить, что тут предприятие и училище совместно закладывают основу будущей текучести кадров.

Важнейшее звено подготовки молодых рабочих — производственная прак-

тика. Именно здесь истоки многих бед и обид выпускников. Часто же на предприятиях практика проводится из рук вон плохо, потому что там не считают нужным серьезно готовиться к ней. Мало того, что такая практика ничего не дает ребятам, зачастую она еще и отталкивает, отпугивает их от профессии.

Но вот выпускник пришел на завод. От кого зависит, какой будет его рабочая смена? От руководителей предприятия? Сейчас среди них вряд ли найдешь такого, кто не понимал бы всей важности и необходимости работы с молодежью. По поводу этой работы отдается много прекрасных приказов и распоряжений, но делать ее в первую очередь должны мастера, бригадиры. Ведь именно они распределяют работу, подбирают наставников. Они же должны учить молодых мастерству. И вот тут-то зачастую обнаруживаются провалы. Люди, к которым молодые обращаются за помощью, не способны или не хотят «возиться» с молодежью...

Успешному ходу рейда днепропетровских комсомольцев помогало то, что участники его были людьми заинтересованными — в рейдовые бригады, например, обязательно включались комсомольские работники профтехучилищ, которые, понятно, активно болели за своих выпускников.

Один конкретный пример результативности рейда.

Еще в прошлом году на заводе имени Петровского выпускникам ПТУ произвольно понижали разряды, часто направляли работать не по специальности: например, начинающих вальцовщиков — в рельсобалочный цех слесарями, прокатчиков — в ремонтный цех. В результате ребята уходили с завода при первом удобном случае. Причем уходили обиженными, уходили не просто с завода, а из профессии. Как рассказала нам секретарь комитета комсомола ГПУ-15, базового училища завода, Люба Килеева, в этом году на заводе от такой практики отказались, и ребята с жалобами в училище уже не обращались.

Но достаточно ли только этого? Если разобораться, то это даже не шаг навстречу новичкам. Это пока только возвращение к соблюдению трудового законодательства. Ситуация с молодыми рабочими ныне требует от предприятий гораздо большего.

Сейчас в области набирает силу новое движение: работать по принципу коллективной моральной и материальной ответственности. Уже 400 комсомольско-молодежных коллективов Днепропетровщины трудятся по этому принципу. То есть они добровольно отказываются от части премии, если в коллективе были нарушения со стороны хотя бы одного человека. В атмосфере таких коллективов совсем иначе чувствуют себя новички: они более ответственно относятся к делу; а с другой стороны, заинтересованным наставником становится каждый опытный рабочий. И не случайно в таких бригадах новички встают на ноги быстрее и прочнее. Однако расширение этого движения — дело очень и очень непростое. Немалых усилий стоило комитетам комсомола Нижнеднепровского трубопрокатного завода имени К. Либкнехта и Днепропетровского тепловозоремонтного завода создание таких бригад, но результаты показали: дело стоит этого.

Торжественно, празднично встречать новичков сейчас научились на многих предприятиях, и комитеты комсомола проявляют здесь немало выдумки и фантазии. Но, к сожалению, многие считают свою работу на этом выполненной. И... останавливаются. Не спешат даже с постановкой новичков на комсомольский учет, и ребята подолгу ходят в стороне от общественной жизни предприятия. Объясняют это зачастую количеством приходящих новичков: очень уж много их. Но вот умеют же в криворожском рудоуправлении имени Дзержинского поставить всех новичков на учет в течение двух-трех дней. А в тресте № 17 ребят из ПТУ сейчас начинают ставить на учет в комсомольской организации треста прямо с первых дней учебы. Комитет комсомола треста пробует и такую интересную форму работы: комсомольско-молодежные бригады берут шефство над учебными группами базового училища...

Старается комитет наладить работу с молодыми рабочими и в общежитиях. О том, насколько это важно, можно судить хотя бы по словам опытного маляра СУ-4 Анны Васильевны Савшак. Рассказывая, почему, по ее наблюдениям, уходит молодежь, она, горько вздохнув, сказала:

— А что они после работы делают? Ведь каждый сам по себе, разбредаются, кто куда... Живут, как могут...

Чем эта «самостоятельность», скорее похожая на неприкаянность, оборачивается в стенах рабочих общежитий? Вот два отрывка из выступления на встрече работников треста с руководством заместителя управляющего по быту Н. Г. Почекая:

— Вы многого хотите, требуете. Например, чтобы в общежитиях были холо-

Проблема новичка на производстве соткана из многих проблем. Одни из них складываются непосредственно на предприятиях, по их вине, другие закладываются задолго до появления выпускника на производстве. Их нельзя отделять друг от друга, да и невозможно это при серьезном отношении к делу.

Жизнь показывает, что мелочей в этой проблеме нет. Важно все: условия приема и программа обучения, техническое оборудование мастерских училищ и производственная практика, что рядом с новичком на производстве и какую позицию по отношению к нему занимают комитеты комсомола пред-

СМЕНА
Коллективный
критический анализ:
работа в тягостях,
работа в радость

Угроза быть выгнанным — действительно острастка. Но... только на первый раз. На второй раз она оставляет равнодушным. «Ну, выгнали, ну и ладно...» В третий раз паренек даже не станет дожидаться — сам уйдет еще до того, как начали грозить.

Но если нам хватит разума предвидеть последствия своих решений, то мы должны принять за правило: нельзя выгонять подростка.

Степан ВИТЧЕНКО,
Герой Социалистического
Труда

дильники. Ну, что ж... Но вот как вы ими пользоваться будете? У вас на шкафчиках — замки. Не доверяете вы друг другу, есть среди вас и любители поживиться чужим. А ведь на холодильник замок не навесишь. Дежурного к нему приставлять?.. Так что решите сначала с советом общежития, как будете пользоваться холодильником, а завезти его несложно... Вы говорите, что нужна новая мебель. Недавно общежитие № 1 и частично общежитие № 5 оборудовали новыми шкафами, столами, кроватями. И что же? На полноразмерные столы вы ставите чайники с кипятком, на покрывалах спите в обуви, меряетесь силами со шкафами, вырывая у них дверцы. Многие комнаты общежитий словно после урагана — вся мебель побита, изуродована...

Словом, новичок за пределами предприятия так же сложен и неоднозначен. К тому же зачастую связь между тем, каков он на работе и каков после нее, прослеживается самая прямая. Сколько известно печальных случаев, когда то, чем молодой рабочий занимается по собственному разумению и примеру некоторых старших товарищей — чьи мысли об «отдыхе» дальше магазина не простираются — своей досуг, затягивало его так, что становилось уже не до работы.

А ведь есть в том же самом тресте и совсем другие примеры. Так, в общежитии № 3 налажена иная жизнь. Налажена самими ребятами, советом общежития, причем работающего самостоятельно, штатного воспитателя здесь нет.

...Вывод, конечно, из всего вышесказанного следует только один: комсомол может быть и союзником, и помощником, и защитником молодому рабочему. А раз может, значит, должен быть.

приятный, училищ, школ... Вот почему решать тут надо не отдельные вопросы, имеющие отношение к новичку, но всю сложнейшую совокупность, что определяет путь молодого человека на предприятие и его вступление в рабочую жизнь.

Кому это по силам? Предприятию? Училищу? По отдельности — нет. Проблема новичка должна стать всеобщей заботой — таковы ее масштабы.

Да, проблема эта сложна. Но сложность ее уступает важности, необходимости успешного ее решения.

И необходимость эта с каждым годом острее.

Рейдовая бригада «Смены»:
Виталий ФАТЬКО, корреспондент газеты «Прарод юності»,
Георгий ГУРГЕНАШВИЛИ, слушатель ВКШ,
Игорь СЕРКОВ, корреспондент «Смены»

Фото Сергея ПЕТРУХИНА, Юрия УСТИНОВА, Владимира ЧЕЙШВИЛИ

...Лишиться авторитета в рабочей среде совсем нетрудно. Достаточно проявить себя хоть однажды жалким, корыстным, вороватым — и определенная репутация так «прилипнет» к человеку, что долгие годы будет ему сопутствовать.

Лев БОГДАНОВСКИЙ,
слесарь-инструментальщик,
Герой Социалистического
Труда

После выступлений «Смены»

СРЫВ

В № 20 нашего журнала за 1979 год под заголовком «Срыв» были опубликованы материалы рейдовой бригады «Смены» о том, что подразделения ряда строительных министерств срывают сроки ввода профтехучилищ строительного профиля, плохо заботятся о подготовке рабочих кадров.

На октябрьскую публикацию журнала из трех ожидаемых ответов до конца прошлого года пришло два.

Член коллегии Министерства промышленного строительства СССР тов. ВОРОНКОВ Г. В. сообщил, что министерство, рассмотрев материалы рейда о зятанушемся сооружении Щекинского ГПТУ-13, признало их правильными.

«Дано указание «Главприокстрою» решить вопрос со Щекинским производственным объединением «Азот» о включении в план 1980 года сдачи ГПТУ-13, выделения средств на окончание оставшегося объема работ в размере 516 тыс. рублей и обеспечения поставки в установленные сроки сантехнического, электротехнического, вентиляционного и технологического оборудования и спецматериалов, а также усилить выполнение строительно-монтажных работ с максимальным привлечением субподрядных организаций.

За строительством Щекинского ГПТУ-13 установлен контроль».

В редакцию пришел ответ и из Министерства энергетики и электрификации СССР, подписанный членом коллегии, начальником «Союзатомэнергостроя» тов. БОРИСОВЫМ В. И. Он сообщает, что вопрос о строительстве профессионально-технического училища в поселке Смоленской атомной электростанции рассмотрен руководством объединения «Союзатомэнергострой».

«В целях ускорения ввода ГПТУ в эксплуатацию приняты меры по привлечению дополнительного количества рабочих кадров.

«Союзатомэнергостроем» и «Союзатомэнерго» принимаются меры, чтобы не позднее первого квартала 1980 года доукомплектовать ГПТУ недостающим оборудованием и обеспечить ввод училища к следующему учебному году. Установлен контроль за строительством данного объекта».

Кроме названных министерств, рейдовой бригадой «Смены» критиковались и Министерство сельского строительства СССР за неоднократный срыв сроков сдачи профтехучилища в г. Моздоке. Из этого министерства ответа на выступление журнала не последовало.

ПРИМЕР

В СЕМЬЕ ТРИ ТОКАРЯ

Михаил КУШТАПИН

Родился человек. Громко огласил палату первым криком. Смотрит на него счастливая мать.

В семье радость. Расти, новый человек. Тебя ждет длинная, долгая, трудная, вечно новая дорога.

Растет человек. Мама и папа, бабушки и дедушки, детсад и школа, улица и книги учат его ходить, говорить, читать, писать, считать, думать. Объясняют ему, что «хорошо», а что «плохо», что «правда», а что «ложь», что «добро», а что «зло». Одним словом, что есть жизнь.

Легко, беззаботно и незаметно бежит его время. О нем заботятся, его оберегают. Но вот в один прекрасный день неожиданно для себя он оказывается на огромном перекрестке. Пятьдесят тысяч указателей профессий расщепляют на тропинки его доселе гладкий путь. Остановись! Дальше нужно идти самому, без провожатых. Еще один шаг — и тебя примет самостоятельная жизнь. Готов ли ты к ней? Прежде чем сделать следующий шаг, ты обязан ответить на ее вопрос: «Кто ты? Кем хочешь быть? Зачем?» Не спеши.

Экономически человек трудоустраивается.

Как социально зрелая личность — выбирает профессию.

Духовно — ищет смысл жизни.

Это все ты — один в трех лицах. И следующий твой шаг — тройной. Тройная и ответственность.

Ранним утром из дома, похожего на тысячи других современных домов Ленинграда, в полном составе выходит семья Шишкиных. Петр Гаврилович, Нина Ивановна и два сына: Владимир и Михаил. Все вместе идут они на трамвайную остановку. Сыновья придерживают свой шаг — пошире он родительского. Да и спешить не хочется. Путь-то всего ничего: считанные минуты. Но приятен и по-своему значим он для каждого. Утро свежее, бодрое. Хорошо вот так — отцу, матери, сыновьям — вместе шагать, начиная новый трудовой день.

На остановке они расстаются. Петр Гаврилович едет на абразивный завод «Ильич», Нина Ивановна — в институт объединения «Пластполимер», Владимир с Михаилом — на «Красный Октябрь». Растворяется семья в многотысячном потоке ленинградских рабочих. До вечера. Впереди — рабочий день со своими делами, хлопотами, радостями, а может, и неудачами.

О семье Шишкиных впервые услышал в профессионально-техническом училище № 22. Директор ПТУ И. П. Нахутин в числе лучших выпускников назвал Михаила Шишкина.

— Серьезный, способный парень. И, поверьте мне, прекрасный из него токарь получится... А вы знаете, что и старший брат Михаила Владимир у нас учился? Тоже токарь. Училище восемь лет назад закончил, с «золотым реզом», — был победителем городского конкурса «Лучший по профессии». Теперь два брата в одном цехе будут работать, на «Красном Октябре». Талант у них к токарному делу семейный, от отца.

Слово «талант» директор выделяет особо, и невольно ловишь себя на мысли, что редко приходится слышать нам это слово в приложении к массовым, самым насущным и необходимым профессиям. Как речь пойдет о художнике, поэте, ученом, мы смело говорим: «та-

СЕМЬЯ ШИШКИНЫХ — ПЕТР ГАВРИЛОВИЧ, НИНА ИВАНОВНА И СТАРШИЙ СЫН ВЛАДИМИР. МЛАДШИЙ ИЗ ТОКАРЕЙ ШИШКИНЫХ В ЭТО ВРЕМЯ УЖЕ СЛУЖИЛ В АРМИИ.

Фото Михаила ДМИТРИЕВА

лантливый». А вот о прекрасном фрезеровщике, слесаре, маляре, портном как-то опасаемся. Вроде бы чересчур высокопарно, громко. Опытный, говорим. Мастер высокого класса. А почему? Разве это не дар — иметь золотые руки, способные делать свою работу так, как редко кто другой?

Тогда в ПТУ-22 у меня и появилось желание познакомиться с семьей Шишкиных. Не часто в современной семье наблюдается такая профессиональная приверженность. Дети чаще сегодня специальности родителей не наследуют, особенно такую будничную, рядовую, как токарь. У Шишкиных же все мужчины — токари. Лишь Нина Ивановна лаборантка.

С пятнадцати лет начал трудиться Петр Гаврилович Шишкин. Вот уже сорок лет работает токарем. С работы началась его сознательная самостоятельная жизнь. Работой и семьей она до сих пор наполнена. Вот жена смеется, она тоже с четырнадцати лет стала себе на хлеб зарабатывать. Сидела б сложна руки, какая бы жизнь у нее вышла?

— Вы бы посмотрели на него во время отпуска! — жалуется — Нина Ивановна. — Смех и грех! Через каждые три дня на завод ездит. Мы уж подшучиваем: «Ну что, посмотрел: все в порядке, стоит завод?» — «Стоит», — говорит, и самому смешно становится. Все люди в отпуск подальше от дома убежать стремятся. А его из дома не выпроводить. Все вверх дном перевернет: то ремонт затеет, то мастерит что-нибудь с утра до ночи. Так что и мы от его отпусков устаем.

Все, кого Петр Гаврилович знал и знает, с кем дружил и дружит, кого любил и любит, своими руками, своим трудом строили и строят свою жизнь. А как же иначе? Перво-наперво человека уважают за то, что он умеет делать, за трудолюбие. А лодырю, тому, кто на чужой спине норовит выезжать, какое же уважение и от кого? Такому и руку пожать противно: мягкая она у него, склизкая. Так говорил Петру Гавриловичу отец-слесарь. А отец запомнил это от деда. Дед от прадеда. И прадед, уж конечно, не из книжки эту мудрость усвоил. Теперь и Владимир с Михаилом это присловье о лодыре знают.

— Сказали бы, что придется жить среди одних токарей, — полусмешно-полу-серьезно посетует Нина Ивановна, — сама бы к станку пошла. Может, тогда интересно было бы слушать их разгово-

ры о работе. Ведь как соберутся мои токари вместе, так только и слышно — резцы, валы, угол заточки. Спорят, доказывают друг другу что-то. Как не надоест! Будто инженеры какие.

— Да понимаешь ли ты, мать, что такое — токарь? Это фигура на заводе номер один. Без токарей и заводов бы не было. Нынче токарь — это... — Петр Гаврилович спохватывается и на сыновей настороженный взгляд бросает... Не кончал Петр Гаврилович средних ПТУ. Сыновья вон с физики да математики начали станки изучать. Оба в ГДР на практику ездили. А он мозолями да на собственных ошибках постигал что к чему. И учебники-то, считай, вместе с сыновьями стал читать. И много там нашел для себя такого, чего одними руками да смекалкой и за сто лет не откроешь. Но на его авторитете у детей это не сказалось. Не только Михаил, но и Владимир до сих пор к нему за советом и помощью обращаются. А старший уже сколько лет токарничает. На сложной, ответственной продукции. Зачто в институте учится. Но многолетний опыт Петра Гавриловича для сыновей — тоже очень нужный учебник, который не заменят никакие «ученые формулы».

И в школе и в ПТУ родителей Владимира и Михаила Шишкиных хвалили, ставили на собраниях в пример. За хорошее воспитание. За хорошую учебу детей. На заводе родительских собраний не бывает, но если б мать или отец пришли на «Красный Октябрь», за Владимира им краснеть бы пришлось.

Как Шишкины воспитывали своих детей? Петр Гаврилович пожимает плечами:

— Да мы вроде их не воспитывали. Сами они росли и воспитывались потихоньку. Скажем что — всегда слушались. Повторять не приходилось одно и то же. Так, мать?

— С Мишей мы вообще хлопот не знали. Володя был ему как нянька. Мы и в театр, и в гости спокойно уходили, оставляя их одних. Правда, если говорили, что вернемся в одиннадцать, то какое бы веселье ни было — в одиннадцать были дома. И они, отправляясь гулять, возвращались всегда к назначенному часу. Такой у нас порядок: пообещал что — обязательно сделал.

«Не воспитывали»...

Шишкины не воспитывали своих детей нудными нотациями, окриками, ремнем. Они воспитывали их постоянным, внимательным общением, личным при-

Отношение к труду является важнейшим элементом духовной жизни человека. Было бы недостаточным и наивным сказать, что трудолюбие воспитывается в процессе труда. Трудолюбие как важнейшая черта морального облика воспитывается и в процессе духовной жизни — интеллектуальной, эмоциональной и волевой. Не может быть трудолюбивым человек, мало думающий, мало переживающий.

Василий СУХОМЛИНСКИЙ

мером. Насколько себя помнят Владимир и Михаил, мать и отец всегда обращались с ними на равных, разговаривали как со взрослыми. Бывало, что и наказывали. Не без этого. Володя два раза в углу стоял. За дело. Приходилось бывать там и Мише. Тоже за дело. Но один раз его отругали ни за что. Нашли в ванной окурки. Потом выяснилось, что сигарету обронил приятель Петра Гавриловича. Отец и мать извинились перед Мишей в присутствии старшего сына. Мелочь? А не из таких ли мелочей складываются взаимоотношения взрослых и детей, взаимопонимание, уважение? Педагоги категорично заявляют: в воспитании мелочей не бывает.

Петр Гаврилович никогда не считал зазорным вымыть пол в квартире, приготовить обед, сделать уборку. Теперь львиная доля домашних хлопот лежит на плечах сыновей. Их не надо ни о чем просить. Они приучились к этому с ранних лет. И вроде бы опять сами. Не принуждали их, не повторяли изо дня в день, что надо помогать матери. Но когда по примеру отца взял в руки маленький Вова веник, и, хотя не столько подмел, сколько напылил, его похвалили.

У каждого члена семьи есть определенный, устоявшийся круг домашних обязанностей. Деньги все отдают Нине Ивановне. Деньги не прячутся. Всегда у всех на виду. Каждый может взять сколько хочет. Берет сколько нужно, на что — все знают. Кому, что и когда купить, решает не мать. Советуются. Бывают и разногласия. Побеждает большинство голосов.

Ни мать, ни отец не думали, что их сыновья будут токарями. Вообще не думали, не гадали, кем они будут. Рассуждали так: кем захотят, кем смогут — тем и будут. Почувствовал к какому-то делу тягу — в добрый путь! Иди, учись, добивайся. Не забывая только, что и само дело себе служителя выбирает: требует от него определенных качеств, способностей, знаний. Мы же чем можем — поможем. А зачем навязывать детям свое хотение, желание? Это — что костюм с чужого плеча дарить. Мал-велик, а носи. Родительского счастья на несчастье детей не построишь.

Шишкины думали и заботились о другом. Чтобы их дети росли здоровыми и честными, добрыми и ответственными за свои дела и поступки. И как могли воспитывали в сыновьях эти качества. Главным же смыслом воспитания для отца с матерью, пожалуй, было то, чтобы сыновья постепенно, исподволь готовились к самостоятельной жизни. Чтобы, когда придет их время, не испугались они взрослости, самостоятельности, не растерялись. Конечно, тут нельзя сбрасывать со счетов и детсад, и школу, и профтехучилище. Но они были всего лишь помощниками Нины Ивановны и Петра Гавриловича. Добрыми, умными, прекрасными помощниками. Но главной школой для Владимира и Михаила была семья, в которой сама их жизнь являлась учебной, а учеба — жизнью.

Владимир сейчас не помнит точно, сколько ему было лет, когда отец в первый раз привел его на завод. Но то, что он там увидел, хорошо запомнил. Точарный станок его и зачаровывал и пугал. Показался он ему таким огромным, всемогущим, что Володя сразу же решил, что никогда не сможет на нем работать, даже когда таким же большим станет, как папа. Но с тех пор он ждал

как праздников тех дней, когда отец соглашался сводить его в цех. А когда и Миша впервые оказался у станка, ему уже Володя с важностью и чрезмерной серьезностью объяснял, где станок включается, как на нем работают и что сам-то станок без человека ничего не умеет делать. Миша стоял, робко смотрел на отца и старшего брата и обоем завидовал.

На свою работу приводила сыновей и Нина Ивановна. Интересно было и там. Но, не сговариваясь, дети заявили, что это дело для девочек. Самая лучшая, самая трудная и самая сложная работа у папы.

Что это — ранняя профориентация? Возможно, что именно с этих первых посещений и зародилась в сыновьях любовь к токарному делу. Но Петр Гаврилович и Нина Ивановна меньше всего под такими экскурсиями подразумевали профориентацию. Они и слова такого никогда не употребляли. Узнали-то его недавно, когда оно в моду вошло. Водили они сыновей на свои рабочие места без всяких тайных мыслей. Считали своим долгом показать, как мать с отцом работают, за что деньги получают, на которые они живут, кормятся, одеваются, ходят в кино, театры, покупают книги, вещи, те же игрушки.

С малых лет родители сумели от-

крыть сыновьям одну простую, но необходимую истину: труд — вот главная пристань человека.

В восьмом классе Владимир твердо решил: сдать экзамены и поступит учиться на токаря в среднее профтехучилище. Выбрал уже и ПТУ. Двадцать второе. Ходил туда — понравилось. Ходил не один — с товарищем-одноклассником. Вместе решили и поступать. На следующий день у товарища произошел большой «разговор» с матерью. И надо было так стать, что и Володя оказался тут как тут.

— Это надо же, что надумал! — кричала мать на его друга, все более распаляясь. — В ПТУ он пойдет! Ни в чем ему не отказываем — учишься только. У нас не было такой возможности, так думали, сыночек получит образование, в люди выйдет. А он вон тебе что! Работать захотел! Учиться ему лень!

— Так ведь для того и учимся, чтобы работать, — вставил в недобрый час Володя. — В ПТУ тоже надо учиться.

— А ты, защитничек, помолчи! Молод еще рассуждать. Я и к твоей матери схожу. Она тебе объяснит, для чего вы учиться! И где надо учиться!

Но у Володи уже было объяснение с родителями. Выслушали его внимательно.

— Ну, что, отец, скажешь? — спросила Нина Ивановна мужа.

По голосу Володя понял: мать одобряет. Петр Гаврилович с ответом не спешил, выдержав солидную паузу, сказал:

— Что ж, думаю, дело неплохое. Получит специальность. Получит среднее образование. К восемнадцати годам, глядишь, — и сам себе голова. А учиться дальше надумаешь — учишься. Пока живы-здоровы — поддержи. А случись что с нами — ты уже сам себя содержишь сможешь. И нам помощником окажешься. — и, помолчав, добавил: — То-

смена

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

карь — дело стоящее. Конечно, если токарь хороший.

Двенадцать лет с того вечера прошло. Владимир Шишкин стал хорошим токарем. Четыре года назад его мастером смены назначили. Поработал, почувствовал, что для мастера у него знаний маловато. Вернулся к станку, но уже студентом. Поступил на механико-экономический факультет заочного Северо-Западного политехнического института. Сама работа заставляет Владимира учиться дальше. Не стоит жизнь на месте.

Михаил пошел по стопам брата. Никто его не агитировал ни за ПТУ, ни за токаря. Сам приглядывался, примеривал к себе и то и другое.

...Ранним утром из дома в полном составе выходит семья Шишкиных. Петр Гаврилович, Нина Ивановна, Владимир и Михаил. Идут не спеша, по своей улице, по своему городу, на свою работу. Что такой семье не по плечу? Перед чем опустятся восемь крепких, умелых, не боящихся труда рук?!

...Каждый человек рано или поздно оказывается на перекрестке путей и судеб. Кто я? Кем быть? Зачем? Экономически человек трудоустраивается. Как социально зрелая личность — выбирает профессию. Ищет смысл жизни. Трудный у него вопрос. Самый главный в жизни. Как он на него ответит, в первую очередь зависит от семьи. Ошибется — его беда. Ошибется — наша вина.

МНЕНИЕ

ЧТО ЗАВИСИТ ОТ ЛИЧНОСТИ?

Как и всем, наверное, мне не раз приходилось сталкиваться и с добросовестными рабочими и с теми, кого называют филонами и халтурщиками.

Вспоминается слесарь-ремонтник механических мастерских совхоза «Димитровский» Лямбирского района Мордовии Николай Фирсов. Этого серьезного пареня в районе очень быстро узнали как хорошего мастера. Думаете, попал в сильный коллектив? Его окружили вниманием наставники? Условия работы были прекрасные? К сожалению, нет, нет, нет! Все было наоборот.

Коллектив оказался самым нестабильным: рабочие тут долго не задерживались — месяц, другой, от силы полгода. Уходили потому, что условия были никудашными. Мастерские — кирпичный сарай, продуваемый со всех сторон. Прежде чем въехать в него, надо пробраться через никогда не просыхающие лужи, в которых машины тонули по самый капот. Опытные механики, взрослые, солидные люди, не выдерживали. А Николай не испугался — я, говорит, сюда работать серьезно пришел. И работал, несмотря ни на что, честно и добросовестно. И терпел без конца то заведующего мастерскими, то директора совхоза: нельзя так работать. И со своими сверстниками говорить об этом не боялся. Надо было — сам оставался халтурщиками и прогульщиками.

Не раз в его сторону бросали: «Что, больше всех надо?!» А он просто считал, что работать надо добросовестно. Всегда. Один совхозный остряк так и называл его: «фанат добросовестности». Многие рабочие постарше посмеивались между собой над Николаем: «Ничего, пооботрется — затихнет». Считали, что бесхозяйственность и Фирсова перемелет. Но он не за-

тих — характер оказался не тот, и потянулись к нему парни...

Но сколько зла приносит бесхозяйственность, царящая во многих организациях! Казалось бы, самое элементарное требование для каждого члена нашего общества — трудиться добросовестно. Но сколько бесхозяйственность «учит», работать по-другому — ведь люди видят, как летят на ветер огромные деньги, невозместимый человеческий труд.

Последнее время я работала в строительном тресте. Вот строится дом, такой необходимый, такой желанный. Казалось бы, все учтено, все предусмотрено: проект утвержден, график работ составлен, все стройматериалы и техника заказаны. Но вот началась закладка нулевого цикла, и... блоки завезли, а «подушки» — нет. Привезли «подушки»... крановщик не вышел на работу. График уже полетел. Кто виноват? В одном случае конкретный человек — крановщик, в другом — поставщики. Но все это явления одного порядка — нарушения производственной дисциплины.

Наконец, нулевой цикл готов. Приступаем к кладке. Но недобросовестно работают снабженцы: пора перекрывать этаж — нет плит, а лестничные марши не той марки. Каменщики при таком снабжении на перекуры тратят больше, чем надо. К тому же обедать они вынуждены где придется, и в результате обед вместо часа длится три. А там и конец рабочего дня. А невыработанный раствор пусть засыхает.

Разве можно в таких условиях работать добросовестно? Закрывая глаза на недобросовестность других? Особенно новичку, который пришел из ПТУ с надеждой стать настоящим строителем. А тут еще взрослые дяди активно привлекают к обмыванию по-

лучки. Отказаться? Но как хочется поскорее стать своим в бригаде. Становится им в работе? Но те же самые дяди, долгу перекуривая, советуют: «Ты, Витек, присматривайся пока, еще успеешь кирпичи понявчить. А лучше всего в магазин сгоняй». О какой добросовестности может идти речь здесь, когда окружающая обстановка диктует обратное: как бы день ни прошел, пусть только бригадир хорошо наряд закроет... И по этому наряду платят! Хотя всем известно, что за ним. Не кажется ли вам, что такая «гуманность» поощряет нахлебничество, рвачество, халтуру...

С бесхозяйственностью нужно бороться. Но, чтобы ей противостоять, нужны сила воли, сознательная дисциплинированность, а их нужно воспитывать — дома, в школе, в рабочих коллективах...

Я за то, чтобы молодым предоставлять больше самостоятельности и строго спрашивать с них за результаты. Тогда они поймут смысл и цену дисциплины. Тогда у нас будет гораздо больше таких ребят, как Николай Фирсов. Я против опеки и сиюминутной бесконечных скидок на молодость и неопытность. А те, кто за это, воспитывают безответственных, недобросовестных людей.

Только не поймите меня так, будто я выступаю против наставничества. Ни в коем случае. Есть прекрасные наставники, которых можно только благодарить и уважать за то, что они делают для молодых. И их много. Но ведь есть же и другие. Такие, от влияния которых молодых надо всячески оберегать. И пока они есть, об этом нельзя молчать.

Валентина ЛЮБИМОВА,
слушатель ВКШ, г. Саранск

Итак, ваше мнение, дорогие читатели!

Раджа — правитель Кочина (Кохина, Коччи) — принял его предельно учтиво. Да, конечно, здесь, в Кочине, хорошо помнят дома* Васко да Гама, адмирала Индии, вице-короля, истинного моряка и... и... прекрасной души человека, разумеется. А жестокость, которая порой прорывалась в нем, наверное, была вынужденной... Четырнадцать лет прошло со дня кончины адмирала, а вот выйди на улицу — каждому второму знакомо его имя, его благородство, памятна и до сих пор на всем Малабарском берегу его справедливость...

В конце цветистого монолога раджа чуть-чуть загнулся. Это было замечено, как он величал, домом Франсишко да Гама, старшим сыном покойного адмирала, вторым графом в городе Видигейра провинции Алентежу в далекой Португалии. Он унаследовал от отца длинный, слегка крючковатый нос и живые, любопытствующие глаза, однако без той затаенной подозрительности, которая чувствовалась во взгляде адмирала.

Да Гама заметил:

— Еще бы, — сказал раджа. — Память адмирала дорога кочинцам, могила — в ограде церкви. Правда, теперь могила не одна. Что делать? Жизнь есть жизнь. Я прикажу приготовить два паланкина — буду сопровождать вас.

Раджа хлопнул в ладоши. Вошел худой усатый прислужник.

Могила у самого моря. Между нею и водой пролегла зеленая поляна. Маленькая каменная церковь, деревянная временная ограда... И — несколько могил. Но эта выделяется. Дом Васко да Гама выделяется и после смерти.

Сын соскочил с паланкина, подбежал к могиле и бросился на колени. Бросился и припал к холодному камню грудью и устами. Припал — и застыл. Надолго.

Раджа стоял поодаль. А еще дальше от него — телохранители и слуги, несшие паланкины, драпированные яркими шелковыми тканями.

Море было спокойным. Песчаная полоса узенькая, и поэтому кажется, что вода переходит в траву — в зеленый травяной ковер.

свободно вздохнул только дважды: раз — возле острова Мадейра, а в другой раз — у берегов Мозамбика. Это была штилевая погода — не холодно и не жарко, без ветра и без волнения. И — вдоволь фруктов и другой свежей пищи. Мне казалось, что я в раю. Но вскоре за чудесные сутки мы заплатили сторицей: блевотиной и прочими мучениями. Многие не могли на ногах стоять от слабости. Не знаю, какое чудо вело наш корабль по курсу — то в голубую даль, то в черную черноту.

Раджа слушал с интересом. Конечно, плавание через моря и океаны — дело нешуточное. Спрашивается: какая же сила гнала сюда, на Малабарский берег, непрощенных гостей и, конечно же, самого адмирала Индии? Жажда власти? Но вот он лежит в малабарской земле уже четырнадцать лет. Он лежит, а Кочин процветает. А может, для того и лежит, чтобы другой вице-король Португалии восседал в Кочине? Любовь к ближнему? Любовь к соотечественнику? Ненависть к каликутскому саморину? Ни то, ни другое — просто жажда к грабежам и торговле похужей скорее на грабеж. А еще к убийствам, часто бессмысленным, непостижимым в

ДОБРАЯ ПУТЬ В ВИДИ

Георгий ГУЛИА

РАССКАЗ

— Ваша светлость, мой отец обладал многими превосходными качествами. Я в этом мог убедиться, плывя сюда вместе с ним. Времена были тяжелые, да и кто осмеливался плыть в неведомое? Бартоломеу Диаш, каким бы ни был примечательным моряком, все-таки дело сделал только наполовину. От юга Африки до Индии, как ни говори, лежит целая пропасть. Да и каликутский саморин — правитель — был совсем не подарок. Он изрядно попортил нервы отцу. И при всем этом можно ли было обойтись совсем без жестокости?

Да Гама имел в виду то же, что и раджа: морские дикости, расправы, поведение адмирала в отношении каликутцев и еще кое-что в этом роде...

Раджа, казалось, молча кивнет в ответ на вопрос Франсишко: мол, не мог обойтись адмирал без жестокости. Однако Франсишко услышал нечто иное. Очень короткое, очень внушительное:

— Можно было.

Да Гама поражен. Он вглядывается в смуглое, спокойное и добродушное лицо молодого раджи, который хорошо изъясняется по-португальски.

— Как? Совсем без жестокости?

— Да, — говорит раджа.

— Разве кочинцы могут пожаловаться на адмирала?

— Кочинцы? Возможно, нет. А вот другие? — И раджа говорит как очень старый индус: — Есть высшее благо для людей, есть чудо из чудес, сотворенное не там, на небе, а здесь, на земле, и зовется оно очень просто: доброта.

Да Гама задумывается. Упирается взглядом в какого-то деревянного идола, стоящего за спиной раджи. И не может понять: добрый этот жирненький на вид идол или злой?

Раджа с величайшим малабарским тактом переводит разговор на главную тему и тем самым как бы вызволяет Франсишко из стесненного положения.

— Дом Франсишко прибыл сюда, вероятно, по очень важному делу...

— Да, — говорит да Гама.

«Сколько же ему лет? — размышляет раджа. — Наверное, под сорок. Не больше. Говорят, у него пятеро братьев и одна сестра...»

— Я хочу поклониться могиле отца.

— Похвально.

— Она, наверное, недалеко отсюда.

— На самом берегу. Если мертвые могли бы слышать, то адмирала баюкала бы песня моря.

— Мне хотелось бы поскорее взглянуть на камень. Надеюсь, он цел...

Жаркий малабарский день: вода закипает, а земля горит. Но странным образом все цветет вокруг, и земля — в цвету! Церковь — на самом солнцепеке, а высоченные кокосовые пальмы совсем недалеко. Они вдвое выше церкви, и она свободно могла бы разместиться в их тени...

Да Гама поднялся, отряхнул прах с колен и отошел к радже.

— Ваша светлость, — сказал он, — я плыл сюда, и мне путь показался вдвойне тяжелее того, который проделал с отцом в пору моей юности.

— Путь через это море? — спросил раджа.

Португалец повернулся лицом к морю. Оно было ярко-голубым — святая, непорочная стихия, доброжелательная и ласковая. Но где же та, что походила на исчадие ада? Где же та стихия-убийца, постоянно разевавшая пасть, чтобы проглотить свою жертву?

— Я не узнаю его, — сказал Франсишко радже.

— Вы плыли по его волнам.

— И все же не узнаю. То была буря, злая, как собака, масса... Нет, не воды, а чего-то страшного — сатанинского. От Малинды мы плыли так, что казалось, нас несет в ад. Ветер грозил уничтожить наши мачты, дождь захлестывал нас повыше их, а море готовилось проглотить корабль в любое мгновение. А молнии?! Они норовили испепелить наши паруса и вместе с ними — всех нас. По этому морю можно плыть, но по тому — избеги боги! Я все-таки плыл и думал: а как же отец? Как он совершил подобное плавание трижды в одном направлении и дважды в другом? Какая же в нем заключалась сила? Он ни разу не пожаловался, ни разу не выказал страха. Он горевал, он трясся от бессилия только один-единственный раз: когда его старший брат Паулу умирал, возвращаясь вместе с ним домой из Индии. Слезы отца видели только раз: на острове Терсейра, где он предал Паулу земле.

Только раз! А в любые другие времена он был железный.

— Как вы сказали, дом Франсишко?

— Железный.

— Да! — воскликнул раджа. — Именно железный. Это слово точное. Я видел его в Кожикодде или Каликуте, а затем в Кочине. Верно: железный. Почему это слово не пришло мне в голову?

Франсишко показалось, что раджа слишком подчеркивает это самое — «железный». Он — что? — вкладывает в него особенный смысл?

— Железный, — снова повторил раджа. А потом сказал: — Значит, злое Аравийское море?

Да Гама продолжал:

— Но, ваша светлость, путь от Малинды до Кочина — только небольшая часть всего пути от Лиссабона. За все время — за четыре месяца — я

своей ненужности и, казалось, бесполезным и для вице-короля и для самого португальского короля — Манозля там или Жоао...

...Или, скажем, продолжал свой рассказ да Гама, мыс Доброй Надежды... Надежды? А ведь именно возле нее, почти на траверзе, целую неделю носило судно по кругу, буря рвала паруса, корабль давал течь, мачта трескалась. (Ее потом чинили в Натале.) Между Софалой и Мадагаскаром случилась самая большая беда: корабль чуть не затонул, уже зачерпнул воды с левого борта. Кто спас? Что спасло? Кто уберет корабль от черной пучины? Бог? Святые апостолы? Превеликая мадонна? Кто, спрашивается?

Вот стоит да Гама на твердой земле и не знает, почему он именно здесь, а не на дне моря. Что это? Чудо, чудеса, непознаваемое? Может, все та же слепая удача, которая трижды сопутствовала великому мореплавателю дому Васко да Гама?..

Остров Занзибар тоже преподнес немало странностей: неделю мокли под дождем и не были в состоянии продвинуться вперед хотя бы на локоть. А что сказать о пиратах? Чуть не ограбили в открытом море после двухдневного плавания в Малинди. Кто были такие? Наверняка пираты. Может, арабы, а может, свои, португальцы...

— Да, — согласился раджа, — теперь не поймешь, кто грабит. С некоторых пор приохотились к этой забаве и свои и чужие. Причем свои иногда опаснее. Словом, злодеев хватает. Ладно, грабь, а зачем же отрезать уши, руки, ноги? Уж лучше рубить голову...

Франсишко вспомнил, что его отец — чего греха таить? — тоже любил отрезать руки и уши... Может, это наветы недоброжелателей?.. Нет, лучше не думать обо всем этом...

А теперь — о главном.

— Я прибыл сюда, — сказал Франсишко, — чтобы перенести его прах на родину.

— Чей прах? — невольно спросил раджа.

— Отца.

— Куда перевезти? — удивился раджа.

— В Видигейру. Туда, где я живу.

Раджа молчал: он не сразу уразумел, о чем, собственно, идет речь...

— Как? — удивился он. — Перевезти прах в Португалию? Плыть сюда только ради этого? Плыть не месяц, не два и не три? И рисковать жизнью? Только ради этого?

Радже все еще не верилось. Понятно, когда эти португальцы лезут во все щели, чтобы увезти с собой хотя бы небольшую толику приностей, хотя бы немного золота, немного жемчуга... Хотя бы немного... Но везти гроб с прахом?!

* Дом — почетный титул (португ.).

ИРУ

— Да,—подтвердил да Гама.—Как только будет готов новый гроб и ящик из пальмового дерева—мы уплывем домой, в Видигейру. Он должен быть рядом с его сыновьями, рядом со мной. Зачем ему быть здесь, далеко от родины?

Раджа хотел было возразить: позвольте, вы ведь ведете речь словно о живом, на самом же деле это останки. А за четырнадцать лет, которые прошли с 1524 года,—может, даже не кости, а пыль. В лучшем случае—кости.

Однако раджа начал с другого конца. Чтобы получше понять, о чем речь...

— У нас мертвого пожирает огонь, пепел уносит море.

— Да, я знаю, ваша светлость.

— На севере течет великая река по имени Ганг. Она тоже уносит пепел. А еще дальше на севере мертвых отдают на растерзание стервятникам.

Да Гама вздрогнул:

— Кому?

— Стервятникам.

— Зачем? В наказание?

— И не бывало!—Раджа улыбнулся.—Это похороны. Там говорят так: а какая разница—огонь или птица?

— Так они говорят?

— И не только говорят. Поступают именно так. Безжизненное тело относят на высокую скалу, куда слетаются стервятники. Только белые кости остаются. Только кости.

Да Гама дернул себя за бородку:

— Ваша светлость, не кажется ли вам, что наш мир устроен немного непонятно?

— Напротив!—Раджа повеселел.—Напротив. Это красивый и очень хороший мир. Одни кладут мертвых в землю, другие—сжигают, а третьи—отдают их птицам. Кто поступает вернее?

— Не знаю,—ответил да Гама.

Раджа был помоложе его. Стройный и смуглый, в легких шелковых одеяниях, с позолоченным мечом на левом бедре.

— Да тут и знать нечего,—продолжал раджа,—разный мир—хороший мир. Лишь бы без пиратов на море и на суше.

— Пожалуй,—согласился да Гама, хотя в душе проклинал стервятников.

Он снова пошел к могиле и поклонился ей—низким, почти земным поклоном.

Раджа проводил его до паланкина.

— Дом Франшишко,—сказал он,—всяческая помощь вам будет оказана.

— Благодарю, ваша светлость.

— Значит, в Португалию?

— Да, в Видигейру. Это на восток от Лиссабона.

— Долгий путь,—проговорил раджа.

— Очень,—сказал Франшишко.—Однако все труды оправдаются: отец будет возле своих детей. И ляжет в свою землю. Разве не счастье?

Это понравилось радже.

— В свою землю?—спросил он со значением.

— Да, в свою.

— Это хорошо, дом Франшишко. Я очень люблю, когда человек понимает свое и чужое.

Португалец помедлил влезать в паланкин. Он прикидывал в уме: все-таки старше раджа годами или моложе его?

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Путь в Видигейру оказался более долгим, чем предполагал Франшишко да Гама. Но как ни долот он был, все-таки адмирал Индии дон Васко да Гама оказался в Видигейре, недалеко от старшего сына. А в 1880 году его прах потревожили еще раз: и теперь адмирал почивает в мире в Белене, то есть уже в самом разросшемся Лиссабоне.

Коччи (Кочин)—Москва.

А ЧТО У ВАС?

А в самом деле—что у вас нового, что интересного, необычного? Оглянитесь вокруг, всмотритесь пристально в привычное— и окажется, что ваш товарищ по цеху придумал уникальное приспособление, облегчающее труд десятка людей, а сосед по лестничной площадке— хранитель необычной коллекции, и вообще в вашем городке действует единственное в своем роде... Впрочем, мы не знаем, что же такое необычное есть в вашем городе, потому что вы пока не написали нам об этом. И напрасно! Поделитесь своими открытиями со всеми! Ждем ваших писем, фотографий, рисунков. Ну, а если вы не уверены в своем перо, если сомневаетесь, сможете ли ярко, точно описать увиденное, пришлите нам заявку на тему— репортеры «Смены» выполнят ее.

ЭКСПЕДИЦИИ

Первая телепередача с «Челюскина»

Аквалангисты Насонов и Кошуба сдирают маски, еще не ступив на трап:

- Есть! Пароход! Большой!
 - «Челюскин»?
 - Трудно сказать, ничего не видно...
- Начальник экспедиции Герасимов рубит падоной воздух:
- Ставим свет и продолжаем работать!

...Пять лет назад, когда гидрографическое судно «Маяк» шло Чукотским морем, вдруг засигналил эхолот: «На дне что-то лежит! Большое...» Срочно запросили в архиве координаты «Челюскина» — знали, что погиб он в этих местах. Полученные координаты сравнили с нынешними. Все сходится! «Челюскин»! Тогда и возникла идея поднять легендарный пароход!

В 1933 году «Челюскин» получил задание пройти за одну навигацию из Мурманска во Владивосток по трассе Северного морского пути. Это была первая попытка на пароходе неледокольного типа. «Челюскин» вмерз в лед на траверзе мыса Северный (ныне — мыс Шмидта) и начал дрейфовать на Север: штурманом парохода стал тяжелый арктический лед. Экспедиция, которую возглавлял знаменитый исследователь Севера Отто Юльевич Шмидт, продолжала спокойно работать. Но через четыре месяца, в феврале 1934 года, льды взломали металлический корпус «Челюскина». Левый борт был разорван. Край обшивки загнулся вовнутрь, ледяная вода хлынула в нижние каюты. Люди высадились на льдину, а героический пароход пошел на дно... Семь самолетов пробились к челюскинцам и вывезли их на Большую землю.

...В кают-компании «Маяка» развешаны по бортам планы погибшего парохода: вид сверху, сбоку, вид в разрезе. Идет производственное совещание экспедиции — группы магаданских водолазов-любителей и работников мончегорского отряда подводно-технических работ. Валентин Сергеевич Герасимов обозначил точками места вероятного проникновения водолазов в корпус и на палубу «Челюскина». Вот каюта капитана Воронина, вот — Шмидта... Здесь — судовой колокол, грузовые трюмы... Пароход лежит на глубине 45 метров.

— С утра погружение, — говорит начальник экспедиции. — Готовьтесь! Теперь аквалангисты уходят под воду с мощными киловаттными лампами. Опускается вслед за ними телекамера. Все напряженно застыли — подобная «телепередача» бывает раз в жизни. И, наконец, вот они, очертания парохода. Смутные, расплывчатые, угадываемые скорее умом, чувством, чем зрением. «Челюскин»...

На второй день исследований были подняты первые трофеи: части палубного такелажа, кровать из одной каюты, другие предметы каютной обстановки.

— Это только начало, — улыбнулся Герасимов. — Только начало! Нынешним летом экспедиция вновь собирается в Чукотское море, к «Челюскину».

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

Электричество из... гороха

Когда я впервые услышал о такой возможности получения электроэнергии, то подумал, что это шутка. Но заместитель заведующего кафедрой живых систем Московского физико-технического института, кандидат физико-математических наук Эдуард Трухан был вполне серьезен.

— За счет энергии солнечного света, — стал рассказывать он, — в каждом зеленом листе идет неугтомимая работа. Ежесекундно молекулы воды разделяются на водород и кислород. Кислород затем выделяется в атмосферу, а водород соединяется с углеродом углекислого газа, давая растению строительный материал для дальнейшего роста.

А что, если остановить процесс фотосинтеза в тот момент, когда вода разделена на составные части? Как показали исследования, тогда хлорофилловые зерна зеленого растения могут стать не только источником кислорода. Ученые, работающие по проекту «Фотоводород» в Институте фотосинтеза АН СССР и в Московском государственном университете, надеются таким образом получить при помощи некоторых растений водород — самый энергоемкий из всех известных видов топлива. Водород по теплотворности на единицу веса в 2,5 раза превосходит природный газ, в 3,3 раза — нефть, в 8,3 раза — березовые дрова. Кроме того, водородное топливо отличается еще и редкой чистотой, стерильностью — в результате его сгорания вместо вредных выхлопных газов образуется чистейшая дистиллированная вода.

Подобные проекты привлекают большое внимание и зарубежных ученых. Так, например, шведские специалисты предлагают создавать энергетические плантации — специальные лесопосадки из быстрорастущих растений, которые будут давать большое количество биомассы. Эту массу затем можно перерабатывать, скажем, в метанол, который может послужить отличным топливом и для современных автомобилей. В качестве наиболее перспективных растений они называют иву и тополь, каждый гектар посадок которых может дать до 300 тонн биомассы в год, то есть, говоря другими словами, около 135 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Эту энергию можно получить как путем сжигания метанола, так и другими способами.

— Недавно выяснилось, — говорит Эдуард Трухан, — что в процессе фотосинтеза существует такой момент, когда не только вода, но и водород оказывается разделенным на составные части: положительно заряженное ядро и отрицательно заряженный электрон. И если каким-то образом, например, при помощи мембраны, удалось бы разделить эти положительно и отрицательно заряженные частицы, мы бы получили живую электростанцию.

Конечно, пока все это звучит довольно фантастично. Но вспомните, несколько десятков лет назад столь же фантастичной казалась мысль и о создании ядерной электростанции, а сегодня строится «Атоммаш» — предприятие, предназначенное для серийного выпуска атомных реакторов, и мы всерьез говорим уже о создании термоядерных электростанций.

Возможно, так будет и с живыми электростанциями. Понятно, что впереди еще немало нерешенных проблем, нужно еще много понять в тонкостях процесса фотосинтеза, научиться ими управлять. Нужно создать искусственную мембрану, которая смогла бы разделить отрицательно и положительно заряженные частицы, нужно, наконец, подобрать наиболее подходящее растение и, может быть, научиться изготавливать хлорофилловые зерна искусственно... Пока же в первых опытах, проведенных в Московском физико-техническом институте, вполне справляется и обычный горох.

Станислав ЗИГУНЕНКО,
инженер

АНОНС

КНИЖНАЯ СИБИРИАДА

Коллегия Госкомиздата РСФСР утвердила три новые публицистические всероссийские серии книг. Они будут выходить в течение 1980—1985 годов.

Восточно-Сибирское издательство (Иркутск) приступает к выпуску серии «Широкие горизонты Сибири». Средне-Уральское (Свердловск) готовит серию «Энергия века». Хабаровское книжное издательство давно уже стало летописцем и пропагандистом преобразований, переменивших за годы Советской власти облик Дальневосточной земли. Большой интерес вызвали книги серии «Адрес подвига — Дальний Восток», ежегодники «БАМ: панорама всенародной стройки». И вот новая серия — «БАМ — страна молодости».

Книги этих трех новых всероссийских серий расскажут о широкой программе комплексного освоения природных ресурсов Сибири, о всеозначительных ударных комсомольских стройках... Специальные тома посвящаются предстоящему XXVI съезду КПСС.

Среди авторов — видные ученые, партийные и комсомольские работники, писатели и журналисты. Но не только. Многие страницы написаны молодыми рабочими.

Владимир КОЛОСОВ,
заместитель главного редактора
массово-политической литературы
Госкомиздата РСФСР

КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ

«ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ?»

Молодой человек начинает свою трудовую биографию — он пришел в ПТУ. И хотя впереди его несколько лет учебы, это уже другая жизнь, жизнь рабочая. И недаром эти годы навсегда войдут в его трудовой стаж. И от того, чем они будут наполнены, каким смыслом, во многом зависит его рабочее будущее.

Понимает ли он это?

Что он думает об избранной специальности? Почему он выбрал именно ее? Что от нее ждет? Чем будет труд в его жизни?

Как важно задуматься над этими вопросами именно теперь, в самом начале!

Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию и журнал «Смена» проводят Всесоюзный творческий конкурс сочинений среди учащихся всех курсов средних ПТУ.

Предложены следующие темы: «И горжусь тем, что я — современный рабочий...»

«Своим трудом мы Родину прославим»

«Пусть в мире торжествует труд!»

«Если не я, то кто же?»

«Что значит работать красиво?»

Цель конкурса проста, но и необычайно важна — осмысление труда как основы жизни, раскрытие его непреходящих морально-этических ценностей.

Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию и журнал «Смена» подведут итоги, определят лучшие сочинения, поощрят авторов. 20 победителей конкурса будут приглашены в Москву.

УРЕНГОЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА НА ВДНХ

В приполярном поселке Уренгой каждый третий житель — читатель библиотеки, созданной по инициативе журнала «Смена». Совет библиотеки организует доставку книг на буровые и строительные площадки, проводит читательские конференции, встречи с писателями, выставки художников, организует вечера поэзии, музыки.

В павильоне ВДНХ СССР «Советская культура», где развернута тематическая выставка об опыте работы библиотек, большой интерес у посетителей и специалистов вызывают материалы, рассказывающие о библиотеке в Уренгое. Выступившая на семинаре библиотечных работников, приехавших в Москву с ударных комсомольских строек, Надежда Бендас, заведующая Уренгойской библиотекой, поделилась своим опытом работы.

«Успехов вам, дорогие уренгойцы» — такая запись оставлена в книге отзывов павильона.

Алла ФРАНКО, методист павильона «Советская культура» ВДНХ СССР
Фото Альберта ЛЕХМУСА

НОВОСЕЛЬЕ

Детям до шестнадцати лет

В этот зрительный зал взрослых не пускают. Мамы и папы могут только по телевизору видеть, каким счастьем светятся лица их малышей, когда распахивается занавес. Здесь царит музыка. И музыка не совсем обычная — написанная специально для детей.

Государственный детский музыкальный театр — единственный в мире. Недавно он справил новоселье — переехал в новое здание на проспекте Вернадского. И юные москвичи и маленькие гости столицы, безусловно, рады подарку, который им сделали архитекторы и строители.

С высоты огромного купола-цилиндра, отделанного розовым камнем, маленьких зрителей приветствует Синяя птица, а в фойе их поджидают Мальчиш-Кибальчиш, Буратино, Золотая рыбка, Царевна-Лебедь. В застекленной ротонде — вольеры для птиц, а неподалеку — зал, расписанный палехскими умельцами.

В театре два зала. Большой — театральный, рассчитанный на 1250 мест — имеет три сцены — центральную и две боковые. В малом концертном зале ставятся камерные спектакли, звучат симфонические концерты.

В новом здании знаменитого театра, созданного пятнадцать лет назад народной артисткой СССР Натальей Ильиничной Сац, ребят ожидают премьеры опер, балетов, музыкальных сочинений для детей. И среди них, пожалуй, самая заметная — опера немецкого композитора Иохима Винцлау по сказке «Мастер Рокле». Сказку эту более ста лет назад сочинил для своих маленьких дочерей Карл Маркс.

Владимир СЕРГЕЕВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

«Тюмень» на Урале

«Уралмаш» — один из главных поставщиков различного оборудования для тружеников Тюменского края. О том как борется комсомольская организация этого предприятия за своевременную поставку заказов для Тюмени, рассказывает секретарь заводского комитета ВЛКСМ Ю. Чеботарев:

— В прошлом году завод отправил в адрес Главтюменьнефтегаза 70 буровых установок. И смонтировали их на месте наши ребята. Во всех цехах организованы комсомольские посты «Тюмень», которые постоянно и эффективно контролируют выполнение заказов нефтяников. Мы заключили договор с комсомольскими организациями Свердловской железной дороги и Главтюменьнефтегаза, по которому, со своей стороны, обязались своевременно отгружать продукцию тюменцам...

И слово свое молодые уралмашевцы держат

на страже пульса

В студенческом конструкторском бюро Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского сконструирован и изготовлен «Электронный цифровой сфигмометр».

Этот переносной малогабаритный прибор позволяет измерять частоту пульса через каждые 15 или 60 секунд, а также непрерывно измерять и регистрировать время между последовательными пульсовыми биениями.

Сфигмометр надевают на палец пациента. Результаты измерений отображаются на трехразрядном цифровом табло. Прохождение пуль-

сового сигнала сопровождается световой и при необходимости звуковой индикацией.

Сфигмометр уже нашел применение для оперативного контроля деятельности сердечно-сосудистой системы при оказании первичной врачебной помощи, а также при диагностических исследованиях в больницах и клиниках.

Прибором, созданным саратовскими студентами, заинтересовались спортсмены, а также люди пожилого возраста. В общем, все те, кто серьезно относится к организации самоконтроля, позволяющего рационально выбирать режим труда и отдыха.

Виктор АРТЕМОВ.
Фото автора

КОГДА РАЗДАЕТСЯ «SOS»

АТАКА НА ОГОНЬ И ВОДУ

Вертолет завис над кормой горящего теплохода вровень с мачтами. На его борт подняли «пострадавших» — одного, другого, третьего... С самолета, точно в заданный квадрат, сбросили надувную лодку, а с корабля-спасателя спустили специальную надувную платформу.

Капитан-наставник экспедиционного отряда АСПТР — аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ Черноморского пароходства К. А. Котов посмотрел на часы.

— Молодцы! Почти вдвое перекрывают нормативы!

У крымских берегов шли совместные советско-болгарские спасательные учения. Теплоход «Суджа» играл роль потерпевшего судна. Ледокол-спасатель «Афанасий Никитин» первым пришел на помощь. И вот теперь все зависело от слаженности, выучки спасателей, от их личного опыта и мужества...

— Море остается морем, особенно в спасательном деле, где чаще всего приходится идти на помощь судну, гибнущему со всем экипажем, в самую бурю и шторм... — писал Т. Бобрицкий, один из старейших советских спасателей. Разъяренной стихии моряки-спасатели противопоставляют точный инженерный расчет, терпение и настойчивость. Наших спасателей знает весь мир.

В начале тридцатых годов аварийно-спасательными работами занимался знаменитый ЭПРОН (экспедиция подводных работ особого назначения), организованный в декабре 1923 года по инициативе Ф. Э. Дзержинского. И сегодня днем и ночью стоят на вахте спасательные суда — наследники героического ЭПРОНа. Они готовы в любую минуту прийти на помощь судну, терпящему бедствие, под каким бы флагом оно ни плавало.

...Спасательные суда мощными струями воды сбивают пламя на «Судже». На палубу теплохода выбросился противопожарный десант — спасатели, одетые в специальные защитные костюмы. Самый молодой спасатель комсомолец В. Гулин установил в трюме стоклограммовый насос для откачки воды.

На «пробонну» наложив мягкий и жесткий пластыри. И ровно через 18 часов 30 минут после того, как «Суджа» подал первый сигнал бедствия, спасательные работы на судне были завершены.

— Чисто сработано, на «ять»! — сказал болгарский капитан Дочев и поднял вверх большой палец.

Михаил НЕЙДИНГ, Роберт КОРОТКИЙ

ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ

БУДЕТ ЛИ «АНГАРА» КОРАБЛЕМ-МУЗЕЕМ?

В семнадцатом номере журнала за 1978 год секретарь Куйбышевского райкома комсомола Иркутска Сергей Стрежнев рассказал читателям о том, что байкальский ледокол «Ангара» обретает сегодня вторую жизнь: корабль решено превратить в исторический музей.

«Ангаре» не случайно выпала такая славная судьба — у ледокола легендарное прошлое. В годы гражданской войны он был флагманом Красной байкальской флотилии, сражавшейся против белогвардейцев.

После этой публикации мы получили письмо от ветерана труда комсомольца 30-х годов С. Я. Гаскина. «Я помню этот корабль еще до войны, — пишет нам старожил Иркутска, — он стоял тогда в порту «Вайкаль». Сейчас его перевели с залива Иркутского моря к плотине Иркутской ГЭС — и все. Никто больше о нем не заботится, и никаких работ не ведется. Обещание комсомольцев, что судно будет превращено в исторический музей, не выполняется...»

Мы обратились в Иркутский обком комсомола. Журналу ответил секретарь обкома В. Воронов: «В настоящее время для организации работ на ледоколе «Ангара» создан городской штаб, куда вошли руководители строительных организаций, представители пароходства и комсомольских органов. Определен перечень необходимых работ... Основные ремонтно-реставрационные работы планируется закончить в апреле, к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию Иркутского комсомола».

Обнадеживающий ответ. Хочется верить, что скоро корабль-музей «Ангара» примет первых экскурсантов.

Борис БАННОВ;
Татьяна НИКОЛАЕВА

Фото Юрия УСТИНОВА

МАГИСТРЫ ИЗ

мир Францевич Станис.—У нас 6700 студентов, аспирантов и стажеров из 105 стран, 1250 преподавателей, в том числе 130 профессоров, докторов наук и свыше 600 доцентов, кандидатов наук. Учебная и научно-исследовательская работа ведется на 84 кафедрах, в лабораториях, оснащенных современным оборудованием. Широко используется электронно-вычислительная техника».

Студенты учатся на шести основных факультетах: физико-математических и естественных наук, инженерном, медицинском, сельскохозяйственном, историко-филологическом, факультете экономики и права. Инженерное дело, чтение чертежей, изучение тайн вещества, высшая математика и механика, химия и философия — необъятные горизонты наук раскрывают перед питомцами университет. Будущий геолог из Кении рассказывал нам, что геология, которой он решил посвятить свою жизнь, представляла собой «табу» для его народа. Белые не допускали местных жителей в колониях к богатствам, скрытым в недрах. Подлинные хозяева были полностью отстранены от поисков нефти, угля, золота, руд, алмазов. Сейчас геологические изыскания стали одной из основ развития экономики молодых государств. Советская страна помогает открывать и осваивать месторождения, учит управлять новыми отраслями промышленности. Под руководством советских ученых студент из Танзании обнаружил алмазную россыпь на своей родине. Питомцы университета принимали участие в открытии месторождений нефти в Бразилии, серебряных руд в Перу и Эквадоре, драгоценных камней в Шри Ланке.

ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА ПОСТРОЕНЫ ЗДАНИЯ АЭРОПОРТОВ, НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ, ГОСТИНИЦ, СОВРЕМЕННЫЕ ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ, СПРОЕКТИРОВАННЫЕ ВЫПУСКНИКАМИ ИНЖЕНЕРНОГО ФАКУЛЬТЕТА УДН.

Если бы великий русский ученый и путешественник Миклухо - Маклай оказался сегодня в Москве, на улице, названной его именем, то, наверное, решил бы, что произошло великое переселение народов, жизнь которых он изучал сто лет назад. Здесь, в студенческом городке Университета друж-

бы народов имени Патриса Лумумбы, живут люди из Конго, Зимбабве, Бангладеш, Боливии, Индии, Алжира, Марокко...

Приезжая учиться в Советский Союз, наши гости оказываются в новом для них мире. Здесь нет бездомных и голодающих. Нет безработных. Нет беспризорных детей. Гости радуются общению с москвичами. Часами катаются на метро. Восторгаются парками, скверами, наблюдают энергичную и уверенную жизнь советской столицы. Их восхищают достижения социализма, которые давно стали для нас привычной нормой жизни. Старшекурсник сельскохозяйственного факультета из Сирии говорил, загибая пальцы: «Во-первых, учат бесплатно; во-вторых, общежитие, книги, производственная и учебная практика — тоже бесплатные. Вот операцию сделали

ТРАДИЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ: НОВЫЕ МАГИСТРЫ НАУК ВСТРЕЧАЮТСЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ НА РОДИНУ. К НИМ ТОЛЬКО ЧТО ОБРАТИЛСЯ С ТЕПЛЫМИ СЛОВАМИ РЕКТОР УНИВЕРСИТЕТА В. Ф. СТАНИС.

мне бесплатно, и очень хорошо сделали, спасибо. А к зиме нам всем выдают теплую одежду — тоже даром».

...«Москва. Мы — тут. Ма-ма и па-па — там». На подготовительном факультете идет изучение русского языка. С этих слов начинают студенты свое восхождение к поэзии Пушкина и прозе Толстого. «Трудно было представить, что через два-три месяца я буду говорить по-русски, — рассказывает сын рабочего из провинции Килиманджаро в Танзании. — Я думал, что это займет у меня год или два. Но уже через два месяца занятий я мог объясняться на улицах, в магазинах. Сейчас мне кажется, я уже думаю сначала на русском, а потом на суахили».

Кафедра русского языка университета разработала в высшей степени эффективные методы обучения иностранцев. После первого года учебы студенты слушают и записывают лекции на русском языке.

«Наш университет — это крупный научный и учебный центр, — говорит ректор УДН профессор Влади-

МОСКВЫ

Ученые Университета дружбы народов пользуются высоким авторитетом в мировой науке. На кафедре физической и коллоидной химии, например, недавно сделано крупное открытие в области каталитических процессов. Получено 55 патентов в США, ФРГ, Англии, Японии и других зарубежных странах, 30 авторских свидетельств — в СССР.

Страна развитого социализма раскрывается иностранным студентам в контурах буровых вышек, промышленных гигантов, могучих энергетических комплексов. Для студентов организуются поездки на крупнейшие гидроэлектростанции, например, Братскую ГЭС, где перед учащимися выступают

МОСКВА—НОВЫЙ МИР... ПАМЯТЬ О НЕМ ОСТАНЕТСЯ В СТИХАХ, ПЕСНЯХ, РИСУНКАХ, В СЕРДЦАХ.

ПРИДЕТ ДЕНЬ, И ЭТОТ ПАРЕНЬ ИЗ УГАНДЫ УДИВИТ СВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ РУССКОЙ КАДРИЛЬЮ.

КАЖДЫЙ ГОД ПРЕПОДАВАТЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ СТРАН АЗИИ, АФРИКИ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПРИЕЗЖАЮТ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР В УДН—ОБМЕНЯТЬСЯ ОПЫТОМ, ИЗУЧИТЬ НОВЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ.

крупные специалисты-практики. Каждый из развивающихся народов мечтает осуществить свой план ГОЭЛРО. Где, как не в Советской стране, можно заимствовать опыт и получить помощь?

Будущих агрономов, ветеринаров, зооинженеров готовят прежде всего к борьбе против голода: ведь каждую минуту в развивающихся странах сорок детей умирают голодной смертью, десять миллионов людей погибают ежегодно. Мальтузианцы и другие буржуазные теоретики не видят спасения для голодающих. Но молодые народы связывают свою судьбу с социализмом, открывающим путь к процветанию. В Советском Союзе учат выращивать наиболее продуктивные для тропических стран культуры, получать высокие урожаи, работать на тракторах и комбайнах, строить фермы и зернохранилища.

Экономика развивающихся государств нуждается в работниках широкого профиля, которые обладают разнообразными практическими навыками. Агрономы

учатся управлять механизмами, занимаются вопросами электрификации производства, обучаются ветеринарному делу и т. д. Аббе, сын крестьянина с Берега Слоновой Кости, несколько лет учился выращивать высокие урожаи сои, главного сельскохозяйственного продукта на его родине. Тема дипломной рабо-

ты — оптимальный подбор комплекса удобрений для этой культуры. Зооинженеры выводят для жарких стран новые породы скота. Индиец Джаянт, работая на сельскохозяйственном факультете, создал новую породу овец, скрестив выносливую к жаре грубошерстную индийскую овцу с советской тонкорунной породой. В университете Джаянту присвоена ученая степень доктора биологических наук. Во время студенческой практики в заповеднике Аскания-Нова студентка Мэри Гачиги из Кении занималась изучением биологии африканской антилопы — канну. На своей родине Мэри создала ферму таких антилоп и получает от них целебное молоко, спасающее людей от многих болезней. Работы Гачиги очень ценны для животноводства в тропиках.

До сих пор в развивающихся странах один врач приходится на 35 тысяч жителей. Без медицинской помощи остаются целые племена и народности. Свищутся эпидемии черной оспы, малярии, трахомы, туберкулеза, различных тропических заболеваний. Кафедры медицинского факультета работают над проблемами тропической медицины. Магистры медицины, получившие образование в Москве, открывают в своих странах поликлиники и больницы, называя их именами великих русских ученых — Сеченова, Павлова, Бехтерева.

«Когда я вернулся на родину, — пишет Фуад Заза из Ливана, — я встретился со своими коллегами, учившимися на Западе. Никому из них не приходилось в студенческие годы самостоятельно оперировать. Их не допускали в операционную — ведь за операцию платят, а кто поступится гонораром? Меня же в Москве научили делать сложные операции, когда я был студентом».

«Сегодня ночью меня разбудили звуки серенады, — пишет из Гондураса Сара Орельяно. — Я выглянула в окно и увидела перед домом толпу крестьян с флейтами и гитарами. Они пели мне, а потом устроили фейерверк в мою честь. Это было в День медицины, который народ празднует ежегодно. Мое сердце трепетало от счастья. Этой радостью я обязана вам, советские учителя...»

Во время учебы в Москве студенты разных стран хорошо узнают друг друга. По традиции университета, в каждой комнате общежития живут представители трех континентов, люди разных рас и цвета кожи. Поначалу они объясняются с помощью жестов. Затем составляют краткие разговорники и вскоре становятся настоящими полиглотами. На одной из студенческих вечеринок в комнате общежития на улице Миклухо-Маклая мы увидели русских студентов Николая Горбатова и Вячеслава Кротова, Сыена Детвонга из Лаоса, буддийского монаха из Шри Ланки Ратанасара Поллеканде. Сыен Детвонг взялся всех угостить, он знает множество способов приготовления риса и привез из Лаоса удивительные специи. У таких «кулинаров», как он, консультируется даже сам главный повар университета, в коллекции которого — четыре тысячи рецептов национальных кушаний всего мира.

На дружеских вечерах студенты рассказывают о своей жизни на родине, о мечтах, о судьбе, которая привела в Москву. Ратанасара рассказал, что родился в бедной крестьянской семье, у матери, кроме него, было еще восемь детей. Жили они в сельской местности, где бритые босые монахи в желтом одеянии ходили по деревням, выполняя обязанности землемеров, судей, старост.

Ратанасара в пятнадцать лет окончил школу, денег на дальнейшее обучение не было, а в буддийской школе учили бесплатно. Так мальчик стал монахом. Он с успехом изучал древние языки Цейлона, и способного юношу послали учиться в университет в Коломбо. Там Ратанасара впервые познакомился с трудами Маркса и Ленина, на многое у него открылись глаза. Юноша стал участвовать в студенческом движении. Друг, который учился в Москве, в МГУ, много рассказывал о Советском Союзе. Ратанасара мечтал поехать учиться в СССР. И мечта осуществилась.

К окончанию учебы на историко-филологическом факультете Ратанасара составил русско-сингальский словарь, в который вошло около двадцати тысяч слов.

Аспирант историко-филологического факультета Бадрул Хасан из Бангладеш стал известным поэтом. За серию стихов о Чили он получил премию имени Пабло Неруды.

«До того, как я приехал учиться в Советский Союз, я по-настоящему не понимал, что такое поэзия, что такое литература, — говорит Бадрул Хасан. — Здесь я впервые понял, что без поэзии жить мне нельзя».

В университете Бадрул нашел себе доброго и верного друга. Им стал русский парень Василий Брус,

тоже поэт. Он приехал учиться сюда из Мстеры, Владимирской области. Они жили в одной комнате студенческого общежития, вместе сочиняли и переводили стихи... «Если бы ты была розой — я стал бы шипом твоим, чтобы защитить тебя. Если бы ты была лепестком — я бы стал землей...» Поэтические образы Бадрула обрели свое звучание в переводах Василия Бруса. Друзья часто бывали во Мстере, ездили по городам и селам России.

Студенты-иностранцы повсюду ощущают сердечность и гостеприимство советских людей: на целине в Казахстане, на олимпийских ударных стройках в Москве, в Сибири. Они жадно отплатить добром за добро — внести вклад в созидательный труд нашего народа. Многие студенты УДН награждены грамотами, именными подарками и медалями за участие в строительстве железных дорог, заводов и фабрик, за освоение целинных земель.

Усть-Илимская, Абакан — Тайшет — отсюда в 1964 году начал свой путь интернациональный студенческий строительный отряд университета. Молодежные стройки особенно привлекают иностранных студентов. Здесь они учатся хозяйствовать, управлять производством, руководить людьми. Многие стали опытными мастерами, возглавляли бригады. Часть заработка студенты отчисляют в фонд солидарности с народами, борющимися против империализма.

«Я был рабочим на БАМе, — пишет из Бангладеш выпускник инженерного факультета Субхан. — Благодаря бамовской трудовой практике я лучше понимаю рабочих на своей родине, легко нахожу с ними контакт. Работа на БАМе мне здорово помогла».

«Я ездил на БАМ, чтобы увидеть, как люди живут в Сибири, где морозы бывают больше 40 градусов, чтобы знать, что такое тайга, и рассказывать обо всем этом, когда возвращусь домой», — говорит Рожэ, студент из Того.

Студенту-медику Талио, индейцу из Боливии, БАМ тоже очень понравился. «В первое свое лето в Советском Союзе я приехал отдыхать на Черное море, — рассказал он. — А на следующий год я отправился в Сибирь. Там я нашел очень много друзей. В Сибири живут необыкновенные люди. Я уже три раза приезжал туда».

...В Казахстане, близ Целинограда, плещутся на ветру девятнадцать флагов разных стран. Строительный отряд назван «Товарищ». Студенты строят дома, школы, фермы, клубы. В городе Шортанды здание института зернового хозяйства построено добровольцами из УДН.

Каждый вечер все парни и девушки собираются на торжественную линейку. Тот, кто работал лучше всех, имеет право поднять на главной мачте флаг своей страны. Сегодня над лагерем — флаг Сирии. Его впервые поднял Хани Маджит.

Он знает, как нелегко далась победа: ему, как и большинству студентов, никогда не доводилось держать в руке мастерок, готовить раствор. Медленно, с трудом привыкали руки к физическому труду... Но сегодня Хани — победитель. Заработанные деньги он отдал в фонд помощи патриотам Чили.

Хани давно мечтал побывать на целине. Это ему интересно как будущему инженеру — ведь Казахстан расположен в том же климатическом поясе, что и Сирия. На целине Хани своими глазами увидел благоустроенные дома с садами, гаражами, телевизорами, увидел современные машины на полях, изучил преимущества совхозной экономики, убедился воочию в стирании, казалось бы, незыблемой грани между городом и деревней, в их взаимопомощи.

Хорошо на целине! Работа в радость. А как отдыхают! Танцы прямо в степи под импровизированный многонациональный оркестр, экзотическая русская баня — с паром, с березовыми венчиками...

Сотню экзаменов и зачетов нужно успешно сдать, чтобы получить диплом и голубую ленту магистра. Это трудный путь. Требования к иностранным студентам ничуть не ниже, чем к советским. Высокое качество знаний выпускника Университета дружбы народов, как говорят, «полновесность» его диплома способствуют росту популярности вуза в мире.

Некоторые из выпускников стали на своей родине крупными государственными деятелями, руководителями важных отраслей экономики и науки. К примеру, Кейта Фунеке стал министром финансов и коммерции Республики Мали, Хари Бахадур Четри — министром коммуникаций Непала, Армандо Хинер — руководителем отдела планирования комиссии по науке и технике Мексики.

По давно установившемуся обычаю после экзаменов наступает пора студенческих свадеб. Студенты,

решившие пожениться, не хотят откладывать брачную церемонию до возвращения на родину. Свадьбы играют в Интернациональном клубе университета. Одна из таких соединила Сварну и Гектора, пятикурсников медицинского факультета из Шри Ланки. В ходе этого торжества причудливо переплелись обычаи советские и иноземные, старые и новые, родившиеся уже в университете.

Согласно сингальской традиции, жених подарил невесте ритуальное ожерелье. Зажгли светильник — символ благополучия и процветания домашнего очага. Молодожены совершили сингальский ритуал угощения друг друга сладким рисом в знак преданности на всю жизнь. Ну, и охотно включили в свой национальный обряд традиционное русское «горько». Все вместе пели советские песни, по-русски говорили задравные тосты.

Как правило, в свадебных тостах супругам желают поскорее завести ребенка — кстати, место в детских яслях на Мосфильмовской улице ему обеспечено. Здесь, в чудесном городке для детей, вместе с маленькими москвичами живут дети студентов УДН. Есть здесь ясли, детский сад, школа. 139 детей разных национальностей, разного цвета кожи живут и воспитываются вместе, получают все необходимое: уход, питание, медицинскую помощь. Самых маленьких мамы приезжают кормить в промежутках между занятиями...

Получая дипломы и голубые ленты магистров наук, студенты обычно отправляются на Красную площадь, возлагают венки к Мавзолею великого Ленина.

Возвращение в родные края. Что может быть радостнее свидания с отчим домом? Но не всем улыбается это счастье. Кто знает, когда доведется вернуться на родину студентам из Чили? Они были свидетелями кровавого переворота в Сантьяго. Среди них — Родриго Айбар, комсомольский вожак из рабочего района. Фашисты убили его друзей. Эрвин Айала бежал из застенка. Своими песнями он продолжает борьбу. Луис Майра скитался в изгнании, голодал, спасался от преследований тайной полиции Пиночета. Эти парни создали ансамбль политической песни «Лаутаро». Они поют о трагедии народа Чили и зовут к борьбе против фашизма. Когда «Лаутаро» выступает перед студентами, в зале яблоку негде упасть.

*Сначала я шел один, не зная дороги,
Не ведая цели.
Но я встретил тебя, и нас стало двое.
Мы нашли новых друзей.
Теперь мы в едином строю, и над нами реет
Красное знамя. Мы идем навстречу Победе!*

Международная солидарность, борьба против фашизма, расизма и неокOLONиализма, за единство антиимпериалистических сил — вот содержание кипучей общественной жизни университета. Луис Корвалан, Родней Арисменди, Ясир Арафат и другие борцы за свободу народов здесь желанные гости. Интернациональная делегация Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы участвовала в XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване.

Университету дружбы народов исполнилось двадцать лет. В пятнадцатый раз выпустит он в большую жизнь своих питомцев. Свыше восьмью тысяч магистров с дипломами этого вуза работают уже в ста десяти странах.

«Мы стали иначе смотреть на мир, и этому мы научились в Москве, — говорит выпускница университета Бина Бхамбхра, дочь служащего из Индии. Учасье медицине, она до последнего курса была председателем женского комитета университета. — У нас появились друзья во всех уголках земли, и мы понимаем великое значение этого. Мы переживаем судьбу друга в Чили, мы радуемся, когда хорошо все идет в Анголе...»

«Советский Союз стал для меня второй родиной, вторым родным домом, — говорил, получая диплом УДН, Бадрул Хасан. — Здесь я научился мыслить, научился жить с открытыми глазами. Наш университет — это уникальное учебное заведение. В своих стихах я назвал его сердцем Земли и миром в миниатюре. Если бы я не учился здесь, в моей жизни так много было бы потеряно...»

Правительство СССР наградило Университет дружбы народов орденом Дружбы народов. Совпадение понятий знаменательное. Да, жизнь и работа университета — это служение великому и благородному делу сближения людей и народов нашей Земли, делу прогресса и мира.

ПРОШУ СЛОВА!

начинаем РАЗГОВОР: ЧТО ЗНАЧИТ- ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

Проблемы нравственного воспитания молодежи волнуют всех. Семья, школа, комсомольская организация, трудовой коллектив стремятся формировать нового человека таким образом, чтобы его личность как можно полнее соответствовала целям и идеалам общества. Очевидно, что к числу главных моральных качеств коммунистической личности следует отнести и порядочность. Вот об этой грани человеческого характера мы и решили поговорить, прочитав два письма из нашей редакционной почты. Авторы их пишут о себе, о своей работе, и все, казалось, было бы у них хорошо, если бы не маленькая червоточка, которая буквально гложет этих двух людей, не дает им покоя и уверенности в себе: порядочно ли они поступали в тех обычных в общем-то обстоятельствах, в которые однажды поставила их жизнь?

И не случайно оба письма заканчиваются просьбой: помогите разобраться, как дальше жить, что предпринять, чтобы оставаться порядочным человеком.

Вопрос, поставленный Анной М. и Виталием С., непростой, и нам трудно было бы однозначно ответить на него лично авторам писем. Вот почему мы решили опубликовать их под рубрикой «Прошу слова!» и обратиться ко всем читателям:

— А что бы вы ответили на вопрос: какими морально-нравственными критериями должен руководствоваться человек, чтобы при любых обстоятельствах оставаться порядочным?

Ждем ваших писем и приглашаем принять участие в дискуссии «Что значит — порядочный человек?».

ПРИЗНАК ДОБРА ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫБОРА?

Здравствуй, уважаемая редакция!

Вот уже семь лет я работаю в школе преподавателем русского языка и литературы, и мне последнее время как-то трудно живется и думается. Нет, вы не подумайте, что у меня какие-то личные неприятности и трудности, в этом смысле у меня все хорошо: у нас с мужем растёт дочка, прекрасные отношения у меня и с родителями мужа, в общем, в личном плане у меня все вполне достойно и хорошо. Не скажу, что на работе, то есть в школе, что-то не так, наоборот — меня уважают и ценят как педагога, ребята относятся с доверием, и сама я их очень люблю. А поскольку, как мне думается, у меня с ребятами вполне хороший контакт, — они со мной откровенны, и я многое знаю об их личной жизни, знаю их взгляды, симпатии и антипатии, знаю все их «тайны» и прочее. Вот эта-то духовная близость с ребятами вдруг совсем недавно открыла мне глаза на одну неожиданную вещь: ребята уверены, что в наше время совсем не обязательно быть порядочным, чтобы считаться в глазах других людей честным, хорошим, умным человеком. Сначала я спорила с ними, убеждала в том, что у них нет для подобных суждений ни моральных прав, ни жизненного опыта, потом стала доказывать — из чув-

ства справедливости — свою мысль на примере жизни Герцена, Огарева, Некрасова, Писарева, Желябова, Перовской, декабристов... да мало ли примеров! Самое ужасное то, что в итоге, согласившись со мной теоретически, они все равно остались при своем мнении, заявив при этом: «Все это голая абстракция, не имеющая ничего общего с реальными обстоятельствами». И, чтобы доказать мне мою неправоту, стали неожиданно приводить примеры из моей преподавательской практики. Вспомнили случай, когда я была вынуждена смолчать там, где явно был неправ директор школы. Или момент, когда я должна была покрывать хулиганский случай в классе, только чтобы не придавать его огласке в районе и, следовательно, защитить честь школы. Даже упрекнули в том, что однажды мне пришлось из самых добрых побуждений покривить душой, чтобы не дать родителям одной девочки из моего класса растоптать ее дружбу с мальчиком. Короче говоря, ребята привели несколько примеров (к моему удивлению и огорчению), когда я действительно поступала не совсем порядочно с общепринятой точки зрения. Вывод ребят ошеломил меня: порядочности нет, есть только необходимость выбора — между добром или злом, все осталь-

ное — из девятнадцатого века. Поразило меня и то, что это их выношенное убеждение, причем, оказывающееся, формировалось оно и с моей непосредственной помощью — мои некоторые вынужденные компромиссы еще более укрепили их в своих мыслях.

Дорогая редакция, я решилась вам об этом написать, потому что вижу, что изменить что-то в своих учениках уже не в силах. Они все более отдаляются от меня, хотя, я знаю, в их глазах я по-прежнему остаюсь порядочной...

И вот теперь я в полной растерянности: может, говоря правильные слова о порядочности, мы одновременно своими поступками показываем ребятам примеры неполной или половинчатой порядочности? А значит, на словах учим одному, а сами в жизни поступаем по-другому?

Не знаю, вполне ли ясно я изложила то, что наболело у меня на душе, но я написала все это искренне. И, честное слово, не знаю, как дальше жить, что думать о себе самой, что думать о порядочности — качестве, которое всегда считала первым признаком добра и силы в человеке...

Анна М., Ленинград

СОВЕСТЬ ПО КРУГУ

Здравствуй, «Смена»!

По профессии я слесарь, работаю в ремонтных мастерских и со своим делом справляюсь хорошо, потому что люблю трудиться на совесть. Вот уже в течение нескольких лет считаюсь передовиком производства. Рассказываю об этом не для хвастовства, а чтобы вам была понятна ситуация. Семья у меня небольшая: жена, сын восьми лет и старенькая больная мама. Я, как и все на работе, очень долго стоял в очереди на квартиру. Дело это, как вы сами понимаете, довольно долгое, но тут сложилась такая ситуация: мастер с бригадиром стали ходатайствовать, чтобы мне дали квартиру не то чтобы без очереди, а несколько раньше других — как передовику производства. Квартире я очень обрадовался, как и вся моя семья, хотя не скажу, что у меня не было никаких сомнений, думал: мне-то хорошо, а как другие на это посмотрят? И действительно: завидовали мне, были и такие, которые говорили: ну что, выслужился? А иные просто глаза отводили: у них детей больше, чем у меня, и им, по-моему, просто обидно было. Что

мне было делать? Отказаться от квартиры? Но такого у нас еще никогда не случалось. И потом — я действительно работаю не за страх, а за совесть, и мне многие говорили, особенно друзья: «Если не ты заслужил, то кто же еще?» В общей очереди я простоял бы еще год-два, а тут представилась такая возможность... Я, конечно, на квартиру согласился, хотя душа до сих пор болит: а по совести ли я поступил? И вот недавно мастер говорит мне: «Ты должен выступить на собрании и пропесочить Ивана Полухина». Фамилию Ивана я, конечно, заменил, но дело не в фамилии, а в том, что у нас есть такой человек-правдолюбец: он, если видит недостатки в цехе, говорит о них вслух, не заботясь, что о нем будут думать. Характер у него сложный, неуживчивый, но люди его уважают. Доставалось от него и бригадиру, и мастеру, многим, в общем. Я выступать на собрании отказался, и тогда мастер сказал мне: «Как квартиру получать — ты первый, а как помочь, отплатить благодарностью — тут ты в кусты?» Меня это задело, я разругался с ним, и с тех пор отношение ко мне

начальства, я заметил, несколько изменилось. То не так наряд закроют, то завалят работой, что не продохнуть. Был бы я равнодушным человеком, я бы прожил и с этим, но у меня, честное слово, болит душа. Я никак не пойму, неужели мне давали квартиру, чтобы потом можно было это использовать, чтобы я жил и кривил душой? Мне теперь иногда кажется, что не должен был я получать квартиру, стоял бы в общей очереди, лишь бы совесть была чиста. К тому же надоели все эти упрёки, надоели косые взгляды товарищей, осуждающий шепоток вокруг... Недавно Полухин уволился от нас, и мастер прямо сказал мне: «Квартиру мы тебе, конечно, поспешили дать, а с Полухиным и без тебя обошлись».

Болит у меня душа, и, честное слово, не пойму, что мне нужно было делать и как жить, чтобы совесть была чиста и перед рабочими, и перед начальством, и перед самим собой. Помогите, пожалуйста, разобраться!

Виталий С.,
Новочеркасск

„дорожке не знал ничего“

Евгений СЕРГЕЕВ

К 200-летию
со дня рождения
А. Г. Венецианова

В собрании Третьяковской галереи есть сравнительно небольшой по размерам портрет Марии Матвеевны Философовой. Изображенная на нем пожилая дама, облаченная в зеленое платье, отнюдь не исторический деятель, да и портрет ее не вершина живописного мастерства, и вряд ли эта картина попала бы в сокровищницу национального искусства, но перед нами тот редкий случай, когда оборотная сторона холста интереснее лицевой. А на обороте рукой художника выведено: «Венецианов 23 марта 1823 года сим оставляет свою портретную живопись». Несмотря на ощутимую торжественность и категоричность заверения, Алексей Гаврилович Венецианов был не совсем точен, — ну да ему простительно, ведь он живописец, а не литератор и краски подбирал лучше, чем слова. «Оставлял» он вовсе не портреты — их-то (и гораздо лучше этого) он напишет еще множество — «оставлял» он академическую живопись с ее ограниченностью тем, с ее откровенными аллегориями, с «черепаховыми» (как скажет после Мамин-Сибиряк) тонами ее красок.

И не «оставлял», а уже практически оставил три года назад, когда уехал из стольного «Петрова Града» (так называл он Петербург) к себе в деревеньку Сафонково под Вышний Волочек, где и занялся делом, которое принесло ему славу и титул «отца русского бытового жанра», которое заставило поздних искусствоведов писать с заглавной буквы словосочетание «Школа Венецианова», — делом, в благодарность за которое мы, дальние его потомки, и отмечаем 18 февраля 1980 года (7-го по старому стилю) двухсотлетие рождения художника.

Легко ли сорокалетнему семейному человеку бросить все, покинуть столицу и отправиться в Тверскую губернию с единственной целью — писать крестьян, их быт, их нравы? Ведь в Петербурге у него были какие-никакие, а все-таки заказы, все-таки доход, хоть и не громкая, а все-таки известность. И главное — шел он к признанию очень нелегким и довольно долгим путем самоучки.

Детство художника прошло в Москве. Отец его Гаврила Юрьевич имел сад и лавочку на Таганке, где торговал кустами смородины, конечно же, «самой крупной и в варку годной», а также тюльпанами «разных колеров, ценою смотря по величине луковицы», а еще... «картинами за весьма сходную цену». Вот эти картины, писанные, как указано в объявлении, пастелью, этот неассортиментный, прямо-таки неожиданный товар в огородной лавке и заставляет предполагать, что созданы они были юным Венециановым, благо пастелью он любил рисовать и потом. Но что было изображено на картинах, какие пейзажи или портреты предла-

гал покупателям Гаврила Юрьевич «за весьма сходную цену», сказать ныне невозможно. Известно только (из «Записок» племянника Венецианова), что «дядя Алеша» нарисовал однажды «брата Ваню в красной рубашке», за что хвалил его учитель. Учитель этот тоже нам неведом, от него ни фамилии, ни имени не осталось, только отчество — Пахомыч. Но тем не менее должны мы быть благодарны тому неизвестному художнику за то, что сумел «поставить руку» будущему «отцу русского бытового жанра».

В начале восьмисотых годов Венецианов, закончив пансион, поступает на службу в чертежное управление, где оформляют планы, созданные землемерными командами. Тут и вырабатываются у него навыки чертежника и геометра, которыми будет гордиться он всю жизнь и которые столь ощутимы во многих его холстах. За работу платили ему пять рублей в месяц (хоть и негоже в разговоре о «высоком искусстве» поминать «презренный металл», но вапомним эту сумму, она нам еще пригодится).

Уже не юношей, а 27-летним молодым человеком прибывает Венецианов в северную столицу, где предстоит ему мыкаться по разным канцеляриям и ведомствам, а живописью заниматься лишь в свободное от службы время. И так вплоть до 1819 года, когда выйдет он в отставку, желая «полнее посвятить себя» любимому делу.

Но в эту пору Венецианову наконец повезло. Да и должны же миготания вознаградить годы терпеливости, усердия и преданности избранному искусству. В Петербурге учителем Венецианова становится не безвестный Пахомыч, а сам знаменитый Боровиковский — прекрасный мастер русского портрета, чьи творения в одном ряду с работами Рокотова и Левицкого, и через короткое время Венецианов значится уже в числе пяти его любимейших учеников, пишет (как тогда говорили) «из-под руки» мэтра, вместе с ним копирует шедевры Эрмитажа.

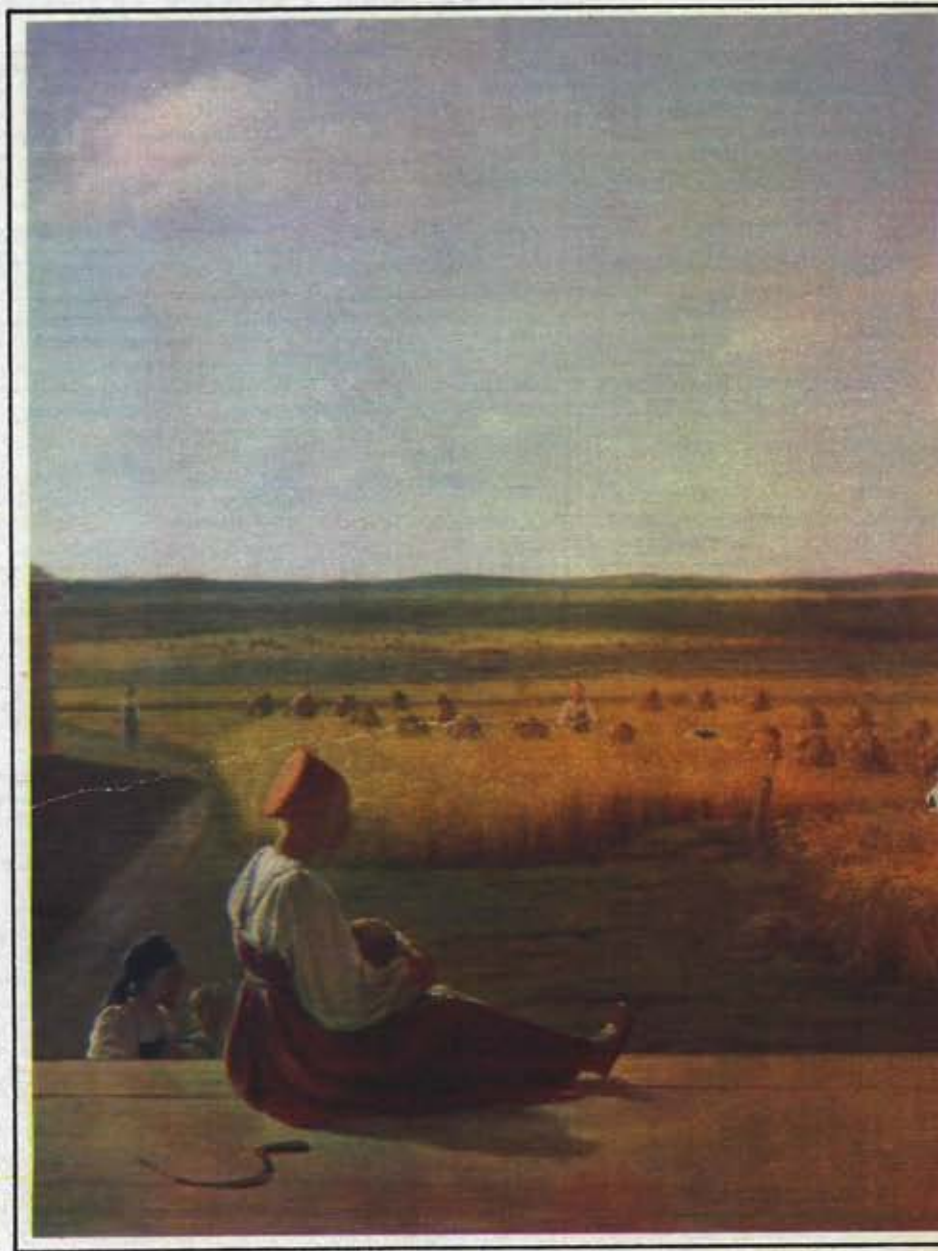
Копирование считалось в ту пору непременным условием обучения. Пошло ли оно на пользу художнику или во вред, сказать трудно. Позже Венецианов категорически отвергнет подобную «методу», но сам он все-таки, похоже, многое усвоил, проставив часами с мольбертом перед полотнами Рембрандта, Рубенса, «малых голландцев». Однако только этого ему, конечно же, было мало. И вот в 1807 году решается он на уникальное по тогдашним понятиям дело — собирается издавать «Журнал карикатур». До него из русских художников на такое никто не отваживался.

Но увы! Журнал был запрещен самим Александром I, который при этом соизволил заметить издателю, что «он дарование свое мог бы обратить на гораздо лучший предмет и временем мог бы воспользоваться с большей

выгодой к приучению себя к службе, в коей находится». Поразительна все-таки эта семейная страсть голыштинских Романовых к цензуре. Стоит вспомнить, сколько всего успела запретить бабка Александра — Екатерина II, а младший брат его, Николай I, пожелал быть личным цензором Пушкина и почти в подобных же выражениях рекомендовал поэту переписать «Годунова» «в духе Вальтера Скотта». Из четырех сатирических листов «Журнала» Александра I, надо полагать, больше других раздражил «Вельможа» — иллюстрация (и довольно близкая к тексту) известной оды Державина. Но то ли император был несведущ в российской словесности, то ли решил, что безопаснее сто раз ус-

ДЕВОЧКА С ГАРМОНИКОЙ.
НА ЖАТВЕ. ЛЕТО.

НА ПАШНЕ, ВЕСНА.

МОЛОЧНИЦА.

ный герой, как лунь во бранях посевший», «вдова... с грудным младенцем на руках», «на костылях согбенный... старый воин» и прочие просители. Если бы не царский запрет, как знать, может быть, сегодня мы называли бы Венецианова и отцом русской карикатуры. К этому жанру графики он вернулся еще раз в 1812 году, когда появилось множество сатирических изображений и Наполеона и его войства. Однако и тут работы Венецианова заметно отличаются от всех иных. Он высмеивает не французов, а галломанию российского дворянства. Вот французский парикмахер танцующей походкой, на ходу нарочито изящным жестом взбивающий себе бакенбарды, идет завивать не то русскую барыньку, не то... ее пуделя. А вот отечественный франт во французском магазине, картинно усевшись на стуле, читает мадригал, посвященный хозяйке (может, той самой Обер-Шальме, содержавшей магазин на Кузнецком мосту и прозванной скорым на язык московским людом Обер-шельмой).

Но в общем-то Венецианов по природе своей не сатирик. Не тот характер. Его письма показывают, что он весельчак, шутник, балагур, но нет в

нем иронии, сарказма, злости нет, добродушен слишком, нет в нем тех сатирических качеств, которые с таким блеском проявились у его младших современников Федотова и Агина, что вышли к зрителю в сороковых годах прошлого столетия.

Алексей Гаврилович очень быстро перешел от карикатуры к жанровым сценкам, а забавные юмористические картинки хоть и рисовал всю жизнь, но уже лишь в альбомах друзей.

А между тем учение у Боровиковского завершилось и не прошло даром. В январе 1811 года Венецианов получает звание «назначенного» (из нынешней лексики наиболее подходящее слово — «кандидат»), а в сентябре уже избирается академиком той самой Академии художеств, в которой никогда не учился до того и с которой постоянно ссорился потом. Но показательно само столь быстрое признание его заслуг. С этого времени он становится хоть и не ведущим, но известным петербургским портретистом. Жизнь его начинает налаживаться, благоустраиваться, приобретает стабильность устойчивого уюта. В 1815 году он женится, и очень удачно. Марфа Афанасьевна оказалась прекрасной супругой, и Алексей Гаврилович очень тяжело переживал ее смерть через 16 лет. У них рождаются дочери Александра и Фелицата. Венецианов приобретает в Вышневолоцком стане Тверской губернии небольшое имение:

два сельца — Трениха и Сафонково. В художественных кругах Петербурга отдают должное его таланту, все вроде бы нормально, и вдруг...

Что же случилось? Что заставило его разрушить столь благополучно складывающуюся карьеру? А произошло общественное изменение взглядов, «движение умов», как говорили тогда, и, добавим, движение чувств. После победы 1812 года многие российские дворяне, воспитанные французскими гувернерами, вскормленные деликатесами французской кухни и постигавшие премудрость знаний по французским книгам, ощутили, что нет для них ничего милее своих заснеженных лесов и не шибко плодородных суглинков, нет им в целом мире никого роднее бородатого и пропахшего шами русского мужика. Ощутили, конечно, не все, и не враз, и не в одинаковой мере. Но чувство уже зародилось и требовало выхода, изъяснения, отображения. Уже юный Пушкин воскликнул с радостным восторгом: «Там русский дух... Там Русью пахнет!» А рецензент «Вестника Европы» уже сравнил появление пушкинской поэмы с приходом в «благородное собрание» бородатого гостя в лаптях и армяке, который зычным голосом кричит: «Здорово, ребята!» И в благородном собрании полотен Эрмитажа (практически единственного в ту пору русского музея) должен появиться «бородатый гость». Хотя, если пове-

лышать, чем раз увидеть, но все номера «Журнала» были уничтожены, а карикатуру удалось найти только через сто лет и, как ни странно, в библиотеке Эрмитажа. Изображен на ней губошлепый толстенный боров. Он сладко спит, развалившись в креслах, а в приемной дожидаются его «изранен-

рять собственным признанием Алексея Гавриловича (письмам, запискам и т. д.) и мемуарам современников, все было иначе, и виной всему... картина Франсуа Мариуса Гране («Гранета», как в соответствии с тогдашним правописанием именуется его Венецианов).

Название картины длинно, как обстоятельное пояснение: «Внутреннее здание церкви капуцинов на площади Барберини в Риме». Говорят, что холст буквально ошеломлял зрителей. Вот что пишет восторженный очевидец: «Волшебство этой картины изумительно. Церковь, священники перед алтарем с двумя клириками, стоящие по местам капуцины до того естественны, что, смотря на картину в трубку или одним глазом в кулак, вы не верите своим глазам, что это картина...»

Вот с этим «волшебником» и решил тягаться Венецианов. Так считал он сам. Но люди часто ошибаются в самооценках. Венецианов занизил значение своего труда. То ли по природной скромности, то ли потому, что и впрямь «большое видится на расстоянии», но то, что потомки признали «художническим подвигом», «борьбой за новое искусство», он считал лишь «подражанием Гранету». Однако ради состязания с «волшебником» не стоило ехать в Тверскую губернию, и в Петербурге предостаточно нашлось бы дворцов и храмов для изображения «волшебства светотени» и «колдовства перспектив», если речь шла только о них. Венецианов же едет к себе в Сафонково и пишет «Гумно». Да, да, обычное крестьянское гумно, в котором для освещения приказал выпилить часть торцевой стены. И на картине не скрыт желтый цвет свежего пропала. Вот тут, пожалуй, и суть. Размышляя над «средствами, употребляемыми Гранетом», он в отличие от большинства своих коллег, считавших, что это «фокус освещения» (то есть оптический трюк), приходит к иному выводу. «Дело... в том, чтобы ничего не изображать иначе, как только в натуре, что является, и повиноваться ей одной...» Пиши жизнь такой, какой ты ее видишь,— вот принцип, сформулированный Венециановым. Видишь свежий пропил—пиши, хоть это и не «образный элемент». Видишь перед собой утомленного долгим позированием крестьянина—пиши его утомленным. Не выдумывай, не измышляй—таково теперь творческое кредо Венецианова. Ну, а полотно Гране? Оно, видимо, сыграло роль «ньютонова яблока».

Алексей Гаврилович начинает писать крестьян и сразу понимает, что если сохранять верность натуре, то придется «совершенно оставить все правила и манеры двенадцатилетним копированием в Эрмитаже приобретенные». Академизм требовал жеста «перста указующего» или «покровительствующей длани», требовал, чтоб одежда подчеркивала линии тела, а мужик оказался сдержан в жестах и жестом его мешковат. Вот и сидят на венециановских полотнах крестьянки, положив тяжелые натруженные руки на колени (отдыхают, пока позируют). И это правда. Но с точки зрения академизма она невыразительна. В картине «На жатве. Лето» молодая женщина кормит грудью ребенка, естественная стыдливость заставляет ее отвернуться от художника, а следовательно, и от зрителя. И это не по «правилам и манерам»—не должен персонаж поворачиваться к зрителю спиной. В «Сенокосе» одна из девушек целиком скрыта охапкой сена, видны только край платья и босые ноги, а это по законам академизма уже и вовсе комично, потому что получается, будто идет сама охапка.

Любопытно, что не только Венецианов, но и его друзья, такие, скажем, как В. И. Григорович, человек, сведущий в живописи и искренне любящий ее, издатель «Журнала изящных искусств», не понимали всей значимости

его работы. Правда, Григорович приравнивает Венецианова не к Гране, а к нидерландцам двухсотлетней давности, считая, что его картины «вроде лучших фламандской школы». Однако это хоть и лестный комплимент, но явно не точный. Странно: тот, кто ратовал за скорейшее становление «русской школы», не признал ее, когда увидел.

Критики говорили о том, что у Венецианова слишком идеализированы отношения между крепостными и господами (например, «Утро помещицы»), что его крестьянским портретам не хватает психологизма, что не показан весь драматизм подневольного труда и т. д.

Но только ведь он первым унес свой мольберт из столичных салонов в российскую глухомань. В записках его ученика Аполлона Мокрицкого приведено интересное признание художника. «Однажды, когда, объясняя нам трудность писания с натуры, он сказал: «Я и сам, батюшка, бьюсь иной раз до поту лица», я спросил его: «Алексей Гаврилыч, если вы затрудняетесь сами, то разве не у кого спросить?» «То-то что нету. С тех пор, как сказал мне один художник: «Учи, учи—научишься, у тебя же хлеб отымет», язык не поворачивается спросить совета. Вот я и доискиваюсь сам, и что найду, тем и делюсь с вами». И дело даже не в том, что спросить было не у кого. Ведь двенадцать лет копирования в Эрмитаже тоже оставили след, и если он научился глядеть на мир своими глазами, а не через классические полотна, то вот не сравнивать эту реальную красоту с той, нарисованной, наверное, не мог. И как бы ни казалось странным, но, по моему, строчки Дмитрия Кедрина, написанные через сто лет после смерти Венецианова, помогут представить особенность взгляда художника. «Эти гордые лбы винчианских мадонн я встречал не однажды у русских крестьянок». Потому-то, например, в картине «На пашне. Весна» крестьянка, ведущая под уздцы двух лошадей, не идет, а почти плывет или точно богиня сходит с облаков. И, конечно, в ее фигуре не ощутима тяжесть сельского труда. В самой легкой, летящей плавности ее фигуры невольное сравнение крестьянки с мадоннами Рафаэля и боттичеллиевой Венерой.

Но вот все остальное он писал с натуры. И взгляните в понурых кобылок. Одна из них, видать, совсем стара, припадает на передние ноги. Посмотрите на бульжники, снесенные к краю поля, на здоровенные выкорчеванные коряги, лежащие тут же,— вот вещественные доказательства тяжести труда. Взгляните на годовалого малыша, что сидит на обочине, пока мать боронует пашню,— разве в самой этой ситуации нет драматизма? У Венецианова в полотнах на всех полевых работах (пашня, жатва, сенокос) одни бабы да младенцы грудные. А где ж мужики? Где они, Миклулы-Селяниновичи? Да на барщине. Художник врать не умел и не желал.

В полотнах Венецианова порой проскальзывает акцент академизма, как в разговоре профессионального актера слышна условность театральной речи, но сам-то разговор серьезный, искренний и важный. Женщина и мальчик на знаменитой картине «Жнецы» держат серпы неестественно и опасно, одно неловкое движение—и они могут ранить друг друга, но зато полукружья серпов расположены симметрично по углам картины—это уступка академической правильности. А вот лица и женщины и мальчика (он же, только в зимней нахлобученной на лоб шапке, изображен и в картине «Захарка») — лица неповторимые и удивительно русские, таких лиц в Эрмитаже не встретишь. И на холсте «Спящий пастушок» главный герой — подпасок спит сидя, привалившись к стволу замшелой старой березы, спит,

высоко подняв голову: поза довольно неудобная, но эффектная. Однако художник всю искусственную пасторальность уместает на трети полотна, а остальная часть холста — пейзаж, вид типично российский, тверская заболоченная равнина с чахлым кустарником, тонкие елки, неровный и редкий гребень плетня, покрытый соломой сарай, а перед ним заросли крапивы, репейника, чертополоха. Но все здесь такое родное, такое близкое и столь ошутима любовь и нежность художника к этой неброской красоте, что невольно вспоминаешь строки, которые Лермонтов создаст только через шестьдесят лет:

*С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно.*

Невольно задаешься вопросом, кто, кроме Венецианова, мог совершить художнический подвиг, кто из многочисленных «звезд» кисти того времени мог бы «оставить» академическое благополучие во имя крестьянской мадонны?

Карл Брюллов? Но в то время, когда Венецианов поехал в Сафонково, он отправился в Италию. Да и не его это тема. Трудно даже представить: триумфальный Брюллов и «сломяный забор, на небе серенькие тучи, перед гумном соломы кучи» — не его это тема.

Кипренский? Блистательный, виртуозный Кипренский? Но чуть ли не весь Петербург желает иметь портреты его работы, и ему, конечно, не до того, чтоб писать «Капитошу», «Захарку», «Парня с метлой», «Пелагею с косой».

Прекрасный пейзажист Сильвестр Шедрин? Но он тоже в Италии, где и умрет в Сорренто в 1830 году, успев на Родине написать лишь несколько петербургских и царскосельских видов.

Александр Иванов? В 1857 году он вернется из Италии, словно бы только затем, чтобы показать соотечественникам свое гениальное творение «Явление Христа народу» и умереть дома в 1858 году. Всех своих лучших учеников Академия спешила отправить за границу. Им некогда было даже взглянуть в Родину, влюбиться в нее, а «умом Россию не понять» — это Тютчев верно подметил, недаром сам долго жил за рубежом.

Самоучка Венецианов, выросший в сутолоке Таганки, рисовавший с детства не классические гипсы, а «брата Ваню в красной рубашке», художник, в юности видевший не экзотических венецианских gondoleros, а василеостровских перевозчиков, в зрелые годы живший не среди итальянских сборщиц винограда, а среди тверских крестьян, этот художник взял на себя в одиночку труд, который разделить с ним ни один из блестящей плеяды российских живописцев не мог. Венецианов умел видеть лучше, чем выдумывать и строить композицию. Любить и удивляться умел он лучше, чем рисовать. Но разве способность видеть и любить — это не талант?

Алексей Гаврилович был на удивление естественным человеком: дружил с друзьями и ссорился с недругами, был словоохотлив в беседе и хлебосолен за столом, был сердоболен к неудачникам и не завидовал удачливым, любил то, что делал, и делал то, что любил. Он знал со множеством художников и писателей. У него любил отдыхать от светского шума Брюллов, его ценили Пушкин и Жуковский; Кольцов писал Белинскому, что часто обедает у Венецианова и что Алексей Гаврилович «к нему ласков», молодой Краевский многим ему обязан. В самых теплых выражениях вспоминают о нем знаменитый актер П. Каратыгин в своих «Записках» и Тарас Шевченко в повести «Художник». Венецианову принадлежит один из оригинальных и самых ранних портретов Гоголя, где

писатель изображен молодым, ироничным, еще без усов и подстрижен по тогдашней моде — кок и зачесанные наперед виски. Любопытно, что портрет этот Венецианов писал в то же время, когда Гоголь создавал свою знаменитую повесть «Портрет».

Но более других терпеливую и бескорыстную любовь Венецианова ощутили на себе его ученики, а их у него было множество (исследователи приводят разные цифры от 34 до 80). А ведь Венецианов не был профессором Академии, и воспитанников ему никто не назначал. Он сам находил их среди студентов, петербургских подмастерьев, среди крепостных крестьян (кстати, семерых из них он выкупил из крепостной зависимости). Вот что пишет Аполлон Мокрицкий: «Мы все пришли к нему голышам; у каждого были свои нужды; он помогал нам всячески, и все мы теперь едим хлеб, и кто жив из нас, все живем его попечением о нас... И знаете что еще? Ни один дурным путем не пошел; он и воспитывал нас и добру учил, а кого и грамоте заставлял учиться. Его семейство было нашим семейством, там мы были как его родные дети; по воскресеньям сходились у него приятели обедать, оставались и на вечер: он любил общество, много умных бывало у него людей, много и прекрасных гостей собиралось...»

Но «школа» требовала средств. И для заведения гипсов, для содержания ежедневно натурщиков, большой квартиры (несколько комнат ее были своего рода классами) и самих воспитанников он задолжал более четырех тысяч рублей. Тут и вспомним те «5 рублей в месяц» и подумаем, каким образом мог Алексей Гаврилович расквитаться с кредиторами, если статская служба давала такой мизерный доход, а картины его покупались неохотно? Он попытался стать профессором, но Академия отказала ему в этом праве. Попытался написать несколько холстов на общепринятые темы («Вакханка», «Купальщицы», «Туалет Дианы», где представлены обнаженные натуры с телесами плавной пышности), попытался специально на конкурс за обещанную премию в 8 тысяч рублей написать картину «Петр Великий. Основание Санкт-Петербурга». Но все напрасно. Он не умел врать, хитрить и притворяться. Не умел писать не любя. Получалось скучно, сухо, рассудочно. Петра он изобразил на фоне Гром-каменя, того самого, что стал пьедесталом фальконетову Медному всаднику — вместо символика получилось что-то близкое к иронии.

К концу жизни Венецианов овдовел, разорился. Ученики почти все покинули его (занятия у Венецианова не сулили карьеры), осталось лишь несколько воспитанников и в их числе превосходный крепостной живописец Григорий Сорока, которого, несмотря на многолетние хлопоты, Алексей Гаврилович так и не смог выкупить.

Умер Венецианов в 1847 году внезапно и нелепо. Зимой в гололедицу лошади понесли, санки опрокинулись...

Судя по его письмам, Венецианов никогда и не думал, что совершает подвиг, что борется за новое направление в российском искусстве, что в борьбе этой бескорыстно жертвует и благополучием, и прижизненной популярностью, и обеспеченностью любимых им дочерей (одна из них, Александра, умерла почти в нищете, просила Академию приобрести шесть картин отца за баснословно малую сумму — сто рублей, но напрасно; просила в Смольный дом призрения — опять отказ). Венецианов честно делал то, к чему лежала душа. И поскольку был человеком скромным, вероятно, удивился бы, узнав, что потомки назовут его «отцом русского бытового жанра», основателем «Школы Венецианова», провозвестником реализма в русской живописи.

ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ

Повторяем условия конкурса

Всем, кто любит и знает спорт!

В преддверии XXII Олимпийских игр, которые состоятся в Москве летом 1980 года, редакция журнала «Смена» открывает на своих страницах конкурс читателей — спортивных болельщиков. К участию в этом заочном соревновании приглашаются все желающие, независимо от возраста, профессии и спортивных пристрастий.

«Олимпийский турнир знатоков» будет проводиться в три тура. Окончательные итоги состязания спортивных эрудитов будут подведены в одном из осенних номеров журнала, посвященном Олимпиаде-80. Имена победителей турнира назовет авторитетная судейская коллегия, в которую войдут видные советские спортсмены — чемпионы Олимпийских игр, сотрудники Спорткомитета СССР и Государственного института физической культуры, журналисты.

Редакция журнала «Смена» учреждает следующие призы турнира:

— Три равных первых приза для победителей конкурса — дорожные велосипеды марки «Кама».

— Десять равных призов для активнейших участников — олимпийские сувениры «Мишка».

— Пятнадцать поощрительных призов — олимпийские подарочные альбомы с автографами советских спортсменов, обладателей золотых медалей XXII Олимпиады.

По условиям «Олимпийского турнира знатоков» в каждом туре читателям будет предлагаться по пять вопросов и заданий: три — на знание истории спорта и олимпийского движения, два — на умение прогнозировать результаты напряженной спортивной борьбы, которая, несомненно, развернется на Олимпиаде-80.

Ответы читателей будут оцениваться по 5-балльной системе, за полный и точный ответ участнику будет выставляться «пятерка», как в школе. Но в отличие от школы за дополнительные сведения и подробности, имеющие прямое отношение к существу вопроса, будут начисляться еще 1 или 2 балла.

Вниманию тех, кому не удалось подписаться на наш журнал!

Если кто-то из участников турнира включится в борьбу со второго либо третьего тура, авторы самых верных, обстоятельных и остроумных ответов смогут претендовать на поощрительные призы.

Срок отправки ответов на вопросы I тура — до 1 марта 1980 года (включительно). Дата отправки письма будет определяться по штемпелю на конверте. Просим не забывать делать на конверте приписку: «На «Олимпийский турнир знатоков». И еще одно условие — в конце письма сообщите, пожалуйста, краткие сведения о себе: фамилию, имя и отчество, домашний адрес, профессию и место работы, возраст.

Итак, на старт, знатоки! Мы боимся за вас...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПЕРВОГО ТУРА

1. На первом конгрессе, посвященном возрождению Олимпийских игр современности, обсуждалось несколько вопросов. Какие это были вопросы и когда проходил конгресс?

2. Назовите имена двух олимпийских чемпионов, которым воздвигнуты памятники в одной стране.

3. Сколько медалей советские спортсмены завоевали в своем первом выступлении на Олимпийских играх? Когда и где состоялся наш олимпийский дебют?

4. Ваш прогноз: кто из бегунов станет победителем Олимпиады-80 в беге на 100 метров?

5. Попробуйте назвать обладателей всех трех комплектов медалей в мужском волейбольном турнире.

КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА

В новом, 1980 году будет продолжен традиционный Конкурс интересного письма. В течение 1979 года в Конкурсе приняли участие сотни читателей, на страницах журнала опубликованы десятки писем. Пяти победителям жюри Конкурса присудило премию — годовую подписку на журнал «Смена» на 1980 год.

В анкете «Смена-80» читатели одобительно высказались по поводу Конкурса интересного письма и предложили продолжить его. Итак, Конкурс продолжается.

Тема письма по-прежнему остается свободной. Напишите обо всем, что вас волнует и что может представить интерес для широкого круга читателей. Расскажите о своей профессии, о трудовых достижениях; подумайте о том, что, может быть, мешает вашему профессиональному росту, в чем причина неполадок на производстве, если они есть, и как, по вашему мнению, их следует устранить.

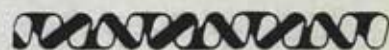
Расскажите о работе комсомольской организации в вашей школе, в училище или на заводе, где вы учитесь или работаете. Достаточно ли интересна, содержательна общественная жизнь коллектива и есть ли резервы для ее улучшения? Приглашаем вас принять участие в обсуждении материалов, опубликованных в сериях «Человек среди людей», «Прошу слова», вынести на читательский суд важные проблемы нравственности.

А каков мир ваших увлечений? Как складываются отношения с друзьями, с родителями, с любимым человеком? Что тревожит в собственном характере, как он складывается и как влияет на вашу жизнь? Пусть все ваши раздумья, ваш личный опыт станут общим бесценным нравственным достоянием.

Нам хотелось бы, чтобы в Конкурсе приняли участие не только молодые люди, но и представители старшего поколения, читатели всех возрастов, всех профессий.

Наиболее интересные письма будут опубликованы на страницах журнала. Победителей Конкурса ждет премия — годовая подписка на журнал «Смена».

Рисунки
Сергей ТЮНИНА

явятся и свои рекордсмены по спидвею,—говорил Ильашев,—но все же каток создан прежде всего для конькобежцев. Для тысяч любителей прекрасного вида спорта: по воскресеньям каток открыт для всех. В остальные дни здесь оттачивают свое мастерство лучшие конькобежцы страны. Здесь, на Медео, готовится к зимним стартам нынешнего олимпийского года и наша сборная. И это отнюдь не случайно. Медео сейчас абсолютный чемпион по количеству установленных здесь мировых рекордов в беге на коньках, и у меня такое впечатление, что его уже никто не догонит. Главный наш конкурент Давос, где установлено около восьмидесяти рекордов, у нас же на сегодняшний день—восемьдесят девять. Но в Давосе рекорды регистрируются с 1898 года, а на Медео только с 1951-го.

Кстати, директор-инспектор катка в Давосе Георг Хеслер, которого в спортивных кругах почтительно величают «мистер Лед», так отозвался о Медео: «Я просто не могу представить, что еще может быть лучше. Для ИСУ (международного союза конькобежцев) не было бы ничего приятнее узнать, что наши

вскоре первым нашим золотым олимпийцем в этом виде спорта...

Медео все больше приобретает славу «кузницы рекордов». Но время шло, и чем дальше, тем становилось яснее, что каток необходимо расширять, строить капитально. Однако угроза горных селей сдерживала претворение в жизнь планов и проектов.

...Сию на теплой трибуне стадиона, смотрю на дорогу, проложенную по гребню платины. По ней проносятся машины, идут туристы, на смотровых площадках стоят люди, любуются панорамой гор и овальной чашей Медео. Смотрю на все это и думаю: сколько же тут вложено человеческого труда, сколько проектировщикам и строителям пришлось преодолеть проблем—высокую сейсмичность района, селявую и лавинную опасность, различные технические сложности. Кроме того, делом чести было создать искусственный лед, не уступающий по качеству естественному на «старом Медео».

С первого дня работ стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской. И сегодня в рекордах наших

олимпийцев, рекордах, выкованных на льду Медео, есть заслуга и бригад Вячеслава Редкого, Богдана Погайдака, Елены Борькуевой, Анатолия Шмака... Комсомольцы как будто всю жизнь только и делали, что «щелкали» проблемы, которые до них никто не решал. Ведь опыта по созданию таких катков у нас не было. Но казалось, что словно по мановению волшебной палочки возникло ледовое поле, не имеющее по своей конструкции равных в мире. Его площадь (10,5 тысячи квадратных метров) позволяет проводить на катке не только соревнования по скоростному бегу на коньках, но и по хоккею с мячом. Многоуровневая конструкция поля толщиной более двух метров состоит из материалов двадцати наименований. Под ним проложено 170 километров труб, по которым циркулирует «хладонотитель», а холодильные установки способны «держат лед» на огромной площади в течение восьми месяцев в году, а на конькобежных дорожках—круглый год. Создавался бетон, который при температурных колебаниях сжимался и расширялся вместе с арматурой. Возникали трибуны на десять тысяч мест, а под

МЕДЕО, КУНОШ

Юрий ЛУШИН.
Фото Бориса ЗАДВИЛЯ

Камменные ладони гор полу-раскрылись, словно створки гигантской раковины, и в них блеснула жемчужина Медео—знаменитый высокогорный каток.

Чопорные красавицы—тянь-шаньские ели разбредаются по склонам гор, поглядывают на него свысока. Синий купол неба отражается во льду, и тени от елей тоже синеют, и сам воздух кажется синим от необычайной чистоты и прозрачности.

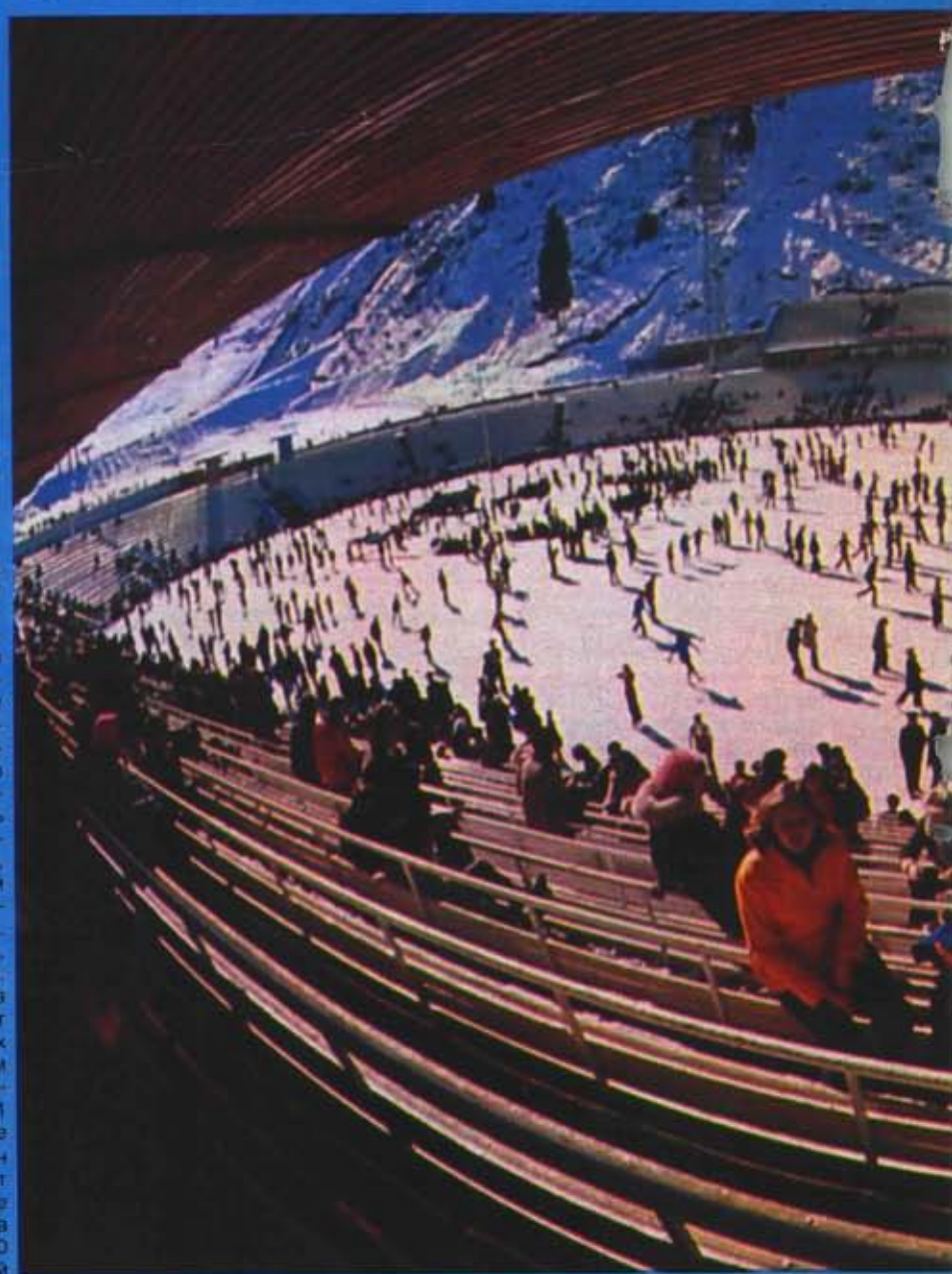
И как-то все это смешивается в душе непостижимым образом: холодная величавость гор и теплота солнца, надменность елей, плеск горной реки и тишина вечных снегов—все это рождает чувство радости и тихого восторга.

Мы сидим на трибуне вместе с заместителем директора комплекса «Медео» Касымом Ильашевым и беседуем о рекордах катка. Ильашев—сам в прошлом спортсмен и знает ледовую арену Медео, если можно так выразиться, с копыбели. Нас осеняют снеговые шапки величественных пиков Тянь-Шаня, а внизу, почти лежа на выражах, проносятся круг за кругом асы мотогонки на льду во главе с четырехкратным чемпионом мира Сергеем Тарабанько—тренируется сборная СССР по спидвею.

— Возможно, в будущем здесь по-

советские друзья готовы в ближайшем будущем вновь принять на себя заботы по проведению в Медео международных соревнований». А один голландский журналист (кто-кто, а голландцы признанные знатоки ледового спорта!) написал после посещения Алма-Аты: «Каток в Медео—самый быстрый каток в мире. Каждый конькобежец мечтает побывать в Медео, потому что этот каток является Меккой зимнего спорта. Что очень важно, Медео доступен не только спортсменам, но и всем жителям Алма-Аты. Медео—прекрасное место для отдыха. Особенно это приятно летом—что может быть экзотичнее, чем скользить по льду в тридцатиградусную жару!»

Но вспомним историю... Вспомним, что в 50-е годы все мировые рекорды у мужчин принадлежали зарубежным скороходам, имевшим в своем распоряжении великолепные высокогорные катки. Вспомним, что место для сооружения подобного катка искали в нашей стране еще до войны на Кавказе. Прославленный скороход Яков Мельников возглавил тогда экспедицию, но поиски в районе Бакуриани успехом не увенчались. Они были продолжены в 1949 году на Тянь-Шане и, наконец, удачно завершились в районе речки Малой Алматайки в горном ущелье Заилийского Алатау на высоте 1691 метр над уровнем моря. Здешие условия оказались идеальными. Свообразный микроклимат, малая влажность в зимний период, кристально чистая, почти без примесей солей вода горной речки—все это обеспечивало великолепное качество льда. Высокие горы встали на пути ветров, защитив место будущего строительства. Вот здесь-то через два года и вошел в строй каток, который сейчас называют «старым Медео». И с самых первых стартов начали падать один за другим недостижимые прежде мировые рекорды. Софья Кондакова превысила в 1951 году сразу на две секунды достижение чемпионки мира норвежки Л. Нильсен на дистанции 1000 метров. А ведь этот результат держался с 1937 года. Еще более древний рекорд финна Нунберга (1930 год) также на дистанции 1000 метров побил Евгений Гришин, ставший

ними — гостиница, спортивный зал, буфеты и гардеробные, пресс-центр, финская баня, кинозал, поликлиника, пункты клепки, точки и проката коньков и другие помещения. Сейчас удивляешься, вспоминая, что высокогорный спортивный комплекс Медео построен всего за два года вместо четырех.

Но вернемся к спортивным рекордам Медео. Когда начинаешь вспоминать о них, в памяти сразу возникают славные имена Евгения Грищина, Бориса Шилкова, Бориса Стенина, Антса Антсона, Эдуарда Матусевича, Валерия Муратова, Лидии Селиховой, Софьи Кондаковой, Инги Артамоновой, Валентины Стениной, Лидии Скобликовой, Татьяны Авериной и многих, многих других спортсменов, которые прошли настоящую школу на Медео. Вспоминается, например, 1975 год, когда весной за двадцать дней соревнований здесь было установлено двадцать мировых достижений. Думаю, что этот поистине рекорд рекордов и на Медео вряд ли повторится снова. В том году одна только Татьяна Аверина установила четыре мировых рекорда: один в сумме

многоборья и три на отдельных дистанциях. Да что там говорить, каждый год умножает славу Медео. Если посмотреть на последнюю таблицу мировых достижений, то окажется, что из восьми рекордов у мужчин пять зарегистрировано на Медео, а из шести женских — четыре.

Может быть, не всем известно, что существуют рекорды Медео, половина из которых превышает мировые. Это объясняется тем, что рекорды мира регистрируются только на официальных мировых, европейских и других соревнованиях или на таких, на которых присутствует представитель ИСУ. Вот, например, мировой рекорд американца Эрика Хайдена на дистанции тысяча метров равен 1 мин 14,99 сек. Здесь, в Алма-Ате, он эту дистанцию пробежал за 1 мин 14,47 сек — любив свое же достижение.

— Как Хайден отозвался о Медео? — спросил я Касыма Ильяшева.

— Он был просто в восторге. Он сказал, что чувствует себя мальчиком-попавшим на премьеру прекрасной ледовой сказки. Несомненно, и Хайден и его сестра — уникальное явление в

спорте. Мне кажется, что он просто не знает предела своих возможностей. И что такое риск, настолько смело и уверенно он бежит. Но я видел и его тренировки — он себя не жалеет. После соревнований, например, отказался от автобуса и из Медео до гостиницы в Алма-Ате (это 15 километров) он просто побегал. Более того, на следующий день он поспорил с одним из наших конькобежцев, Любимовым, кто из них раньше прибежит на Медео. Первым был Любимов, и это, вероятно, пока единственный случай, когда чемпиона мира победил начинающий.

Может сложиться мнение, что на катке Медео лед такой быстрый, что любой мало-мальски подготовленный конькобежец способен показать рекордные секунды. Но это, конечно, не так. Среди рекордсменов Медео, при всей его доброте, нет добившихся легкого успеха. Более того, быстрый лед Медео требует от спортсмена еще более филигранной техники, чем обычно, и отменной тренированности. И действительно, если опять таки вспомнить имена рекордсменов, то легко убедиться,

«Фантастик! Фантастик!» Олимпийский чемпион Фарстад, побывавший у нас в качестве корреспондента уже после того, как оставил лед, тоже восклицал: «Фантастик!» — а потом добавил, показав на каток: полный катающихся.

— Вот великолепный пропагандист достижений вашего строя!

— Вы много раз в разговоре повторяли: быстрый лед Медео, самый скользкий лед и т. д. Но ведь он же не сам по себе становится таким?

— Верно, не сам по себе. Знате, на многих катках мира и сейчас существуют так называемые ледовары — кудесники льда. Их почитают, точно богов. От них зависит качество льда, и если такой бог однажды встал с левой ноги, то можно гарантировать, что рекордов се-

САМЫЙ БЫСТРЫЙ РЕКОРДЫ

что случайных имен среди них нет. Опять приходит на память дуэль Эрика Хайдена и москвича Сергея Марчука здесь, в Медео, на розыгрыше Кубка СССР. Тогда Марчук также превысил официальный мировой рекорд Хайдена, но все же американец опередил его на сотые доли секунды. Зато Сергей Марчук первым среди конькобежцев мира размял рубеж четырех минут на дистанции три тысячи метров, показав 3 мин 56,65 сек и побив тем самым рекорд «летучего» голландца Арда Схенка почти на 12 секунд (а рекорд Схенка держался пять лет). Марчук таким образом стал своеобразным «белым пятном» в конькобежной летописи Медео, потому что на этой дистанции мужской рекорд здесь был установлен впервые. Что же касается Хайдена, то он перечеркнул на Медео все национальные рекорды Америки. И тут мы подходим еще к одному своеобразному рекорду Медео: нет ни одной страны, которая бы не улучшала на высокогорном катке Казахстана свои национальные рекорды (кроме Норвегии, в которой национальные рекорды регистрируются только на ее территории).

— Не помните ли вы, кто из известных европейских бегунов первым опробовал лед Медео?

— Бьерес. Он стартовал в туманную, ненастную погоду со снегопадом. Стартовал по большой дорожке, потом перешел на малую, но скорость оказалась столь высокой, что его снова едва не вынесло на большую и он чуть не упал. И, несмотря на такое обилие помех, Бьерес все же чуть-чуть не установил мировой рекорд. После бега он изумленно смотрел на лед и все повторял:

годня не будет. Медео свободен от шаманства, и это, если хотите, тоже один из его рекордов. Мы перешли на научную технологию подготовки и обработки льда. В зависимости от погодных условий (температуры, влажности, яркости солнечного излучения, ветра) опробованы и отработаны различные модели технологии подготовки льда. Это дает нам возможность в любое время получать гарантированное качество льда. Причем для оценки этого качества нам пришлось создать специальный прибор — скользяметр, с помощью которого определяется скользкость льда. Раньше это делалось на глазок.

— О чем еще можно мечтать, имея такой стадион?

— Думаєте, больше не о чем? Нам, например, нужна тепломеханика и автоматика в нашем большом холодильном хозяйстве, чтобы холодильные установки включались автоматически в зависимости от внутренних изменений структуры льда. И я верю, что все это у нас будет. Я мечтаю, что в будущем у нас на Медео состоятся зимние Олимпийские игры. Честно говоря, многое к этому готово: в первую очередь сам каток: горнолыжная база в Чимбулаке обновляется, лыжные трамплины. Нужны трассы для бобслея, и они также создаются; нужны лыжные трассы: новые подъемники, монорельсовая дорога из города. Мне кажется, что Алма-Ата — идеальное место для проведения таких Игр, центром которых, конечно же, должен стать Медео.

А пока Медео провожает конькобежцев-олимпийцев в Лейк-Плэсид, провожает, желая им не уронить марки «кузины рекордов», на льду которой они провели основные предолимпийские тренировки.

МЕДЕО — ЭТО ГОРЫ, СНЕГ И ЖАРКОЕ СОЛНЦЕ АЗИИ. ЗДЕСЬ, НА СУПЕРКАТКЕ, ОТДЫХАЮТ ТЫСЯЧИ АЛМААТИНЦЕВ И ГОСТЕЙ КАЗАХСТАНА. МЕДЕО — ЭТО САМЫЙ БЫСТРЫЙ В МИРЕ ЛЕД, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ СПОРТИВНЫЕ РЕКОРДЫ

Человек среди людей

В ряде материалов, опубликованных «Сменой» в прошлом году, шла речь о сегодняшнем дне школы, о проблемах воспитания подростка в школьном коллективе. Так, в очерке «Прозрение» (№ 2) рассказывалось о том, как важно, чтобы школа и во внеурочное время не выпускала своих учеников из поля зрения; в «Письмах из райкома» (№ 3) поднимался вопрос о трудовом воспитании школьников; различными сторонами жизни, учебы, отдыха учащихся были посвящены материалы специального, «подросткового», номера «Смены» (№ 15). Наконец, о том, какое место в школьной жизни должна занимать хохломская организация, вели диалог директор школы № 34 г. Тюмени Леонид Чеблаков и секретарь Тюменского горкома ВЛКСМ Людмила Самопальникова (№ 22).

Школьная тема неисчерпаема и непреходяща. Каким должен быть педагог, чтобы играть заметную роль в жизни своего класса? Казалось бы, ясно — знающим и увлеченным. Но порой именно такой учитель встречает сопротивление, так сказать, «окружающей среды». Об этом и размышляет автор очерка.

Ирина ОВЧИННИКОВА

И на выбрала свою профессию на земле: окончила педагогический, стала учительницей. И никогда не думала, что неодолимая тяга к небу может ей вдруг помешать учить детей. Когда она рассказывала в классе о полетах, о соревнованиях, о победах, все прямо замирали — мальчишки особенно. Шутка ли, их учительница летает. Не всякому классу достается такая. Они смотрели на нее с завистью и восторгом: летчица — одно слово чего стоит!

Все в школе знали, что она отдает занятиям в авиаспорту клубе каждую свободную минуту, все воскресенья, а уж отпуск — с первого до последнего дня. Обычно этого хватало, и ни у кого не было оснований попрекнуть ее: мол, одни самолеты да вертолеты на уме. Придаться было не к чему. А тут...

Надо же было такому случиться, что соревнования назначили на самое неподходящее для нее время — конец мая, начало июня. В школе экзамены, у нее выпускной класс. Как быть? Пошла к директору. Та взвилась, словно только и ждала случая наконец высказать все, что думает по поводу этих самых «вертолетов-самолетов». Отрубилась с маху: «Выбирайте, голубушка, что-нибудь одно. Нам здесь педагоги нужны, а не спортсмены. И честь вашего клуба меня не волнует. Другие, знаете ли, заботы».

Выйдя из кабинета директора, она чуть не расплакалась от обиды. Ну почему нельзя спокойно выслушать все резоны, спокойно обсудить возможные выходы из положения, которые она предлагала: перенести уроки, оставшиеся в десятых (речь шла всего-то о неделе), на первые часы, чтобы она смогла позаниматься с ребятами и успеть на сборы, или, наоборот, пусть ребята придут вечером попозже — они согласны, или попросить провести эти уроки учителя из соседней школы — с ним тоже есть предварительная договоренность. Так нет же, говорить даже не захотели — подавайте заявление об уходе, и все.

Сгоряча она так и поступила — бросила на стол заявление, которое тут же без звука и приняли, будто учителей физики навалом. А пришла домой, поплакала и поняла, что жить без школы, без ребят своих не сможет, — и скорей назад, забирать заявление. Вернули, но не сами — через прокурора. А потом все-таки отыгрались: не разрешили принимать экзамены, вместо этого скандал учинили, вызвали на заседание месткома и сообщили, что увольняют.

Вот такая история. Ну что ж. Давайте теперь, после драки, помашем кулаками. Я, конечно, не берусь судить о том, насколько хороша была учительница физики, столь упорная в своем стремлении к полетам. Вполне допускаю, что ничего выдающегося она собой не представляла. Допускаю и другое: директор школы сможет, наверное, подыскать на ее место кого-нибудь поспокойнее, а в смысле преподавания физики ничуть не хуже. Может быть, этот новый учитель не будет отпрашиваться ни на какие соревнования, а будет делать что положено и когда положено. В одном только я не убеждена: будет ли с тем новым педагогом лучше ребятам. Тем самым мальчикам и девочкам, которые, разинув рот, слушали рассказы своей учительницы об удивительных, неповторимых полетах в небе, завидуя ее способности соединять обыкновенную земную жизнь с таким необыкновенным, «неземным» увлечением.

Дело тут, наверное, вот в чем. Трудно назвать другую профессию, в которой личные качества человека приобретали бы такое огромное, можно сказать, решающее значение. Почему? А потому, что у педагога они подлежат тиражированию, тысячекратному повторению. Причем правило это в высшей степени распространяется и на учительские увлечения.

Бывают, конечно, счастливые случаи, когда эти увлечения прямо, что ли, совпадают с профессией, служат как бы естественным ее продолжением. В московской школе № 15 Гагаринского района преподает физкультуру Анатолий Михайлович Воеводин. Человек он чрезвычайно интересный, я знаю его много лет, и, вообще-то говоря, он вполне заслуживает отдельного обстоятельного рассказа. Но сейчас я вспомнила о нем вот почему. Анатолий Михайлович всерьез увлекается проблемами физического здоровья, гармонического развития. Он убежден, что человек, тем более молодой, может сам себя, что называется, сделать, испытать свои теории на себе и умеет научить этому другого. Анатолий Михайлович знаток литературы, посвященной проблемам рационального питания, режима, может абсолютно точно рекомендовать систему физических упражнений, способствующих избавлению, скажем, от болезней сердца, легких, кровообращения.

УРОКИ И

Читатель уже увидел, что это «внеслужбное» увлечение самым прямым образом укладывается в его профессиональные обязанности, хоть и не входит в них в смысле требований, предъявляемых к учителю физкультуры. И что же? Ученики Анатолия Михайловича (он ведет мальчиков) как на подбор красиво, хорошо сложенные люди. К восьмому классу у него не остается ни одного ученика, который страдал бы, допустим, от избыточного веса или не справлялся с программой. Анатолий Михайлович убежден, что физическое здоровье ребят сказывается и на их академических успехах: здоровый человек и учится лучше, он уверен в себе и у него нет того, что принято у нас называть «комплексами».

Могу вспомнить и другие счастливые случаи. Известная ленинградская учительница литературы Лия Евсеевна Ковалева с молодых лет увлекается камерным пением. В ее репертуаре чуть ли не вся русская романсовая классика. Нет, видимо, нужны доказательства, что ее факультативный курс, связывающий поэзию и музыку, пользуется в школе огромной популярностью, что из ее классов выходят люди, по-настоящему любящие, знающие и то и другое, люди, не представляющие своей жизни без музыки, без филармонических концертов и поэтических вечеров.

А вот другой пример. Живет в поселке Кукобай Ярославской области учитель труда здешней средней школы Леонид Алексеевич Костицын — удивительный мастер резьбы по дереву. Собственный дом его украшен, словно сказочный терем. И хотя обучение школьников приемам резьбы не входит в программу, совершенно очевидно, что и это увлечение вписывается в профессиональные обязанности учителя, вплотную примыкает к тому, что он должен делать в отведенные по программе часы.

Но бывает и вовсе по-другому. Когда-то я работала в школе, куда пришла преподавать русский язык и литературу совсем молоденькая выпускница пединститута Ада Якушева. Работали мы вместе недолго, и я не знаю, каких успехов добилась она на ниве словесности. Зато я помню, что уже тогда Ада сочиняла прелестные песенки, которые школьники и мы, педагоги, вместе с ними распевали во всех туристических походах, у всех костров. Это, конечно, не имело прямого отношения к тому, что она должна была делать на уроках. Но все мы (и директор школы больше всех) ценили нечто иное, чего ни у кого, кроме нее, не было: обаяние несомненной одаренности, молодую способность беззаботно проводить время с

детьми, как бы живя с ними в одном ритме, способность, которую мы, педагоги старшего поколения, к тому времени уже, к сожалению, утратили и которая очень дорого стоит. Пожалуй, ничуть не меньше знаний и увлеченности своим предметом.

Сейчас, много лет спустя, мне это особенно ясно. Ведь это такая короткая и такая бесценная пора, когда учитель может вовлечь ребят в орбиту умных, в то же время близких им по возрасту интересов. И если такой учитель, как Ада Якушева, «заводится» в школе, для школы это большое счастье. Я помню, как она собиралась со своим классом в поход. Крыжители и поглядывали на небо в робкой надежде, что пойдет дождь или еще что-нибудь случится, из-за чего поход станет невозможным. А она... Она возбуждалась точно так же, как ее восьмиклассники, и на небо смотрела так же, как они: в ожидании солнца и всей походно-палаточной романтики, которая и ей самой была нужна дозрелу.

С той же увлеченностью ставил с ребятами рок-оперу молодой учитель физики из новосибирской школы № 10 Владимир Жегалин. Сам рассказ о нем допускает десятки самых неожиданных поворотов. Он весь, с головы до ног, как наглядное пособие для подростков: как жить, каким быть, чем человек должен быть заполнен, чтобы никакая бытовая суета не могла его затянуть, измельчить, испортить. Владимир — учитель божьей милостью, и в своем предмете он бог и царь. Но когда он поет или говорит школьникам о музыке (такая же его страсть, как и физика), то каждый подобный разговор стоит десятка так называемых классных часов с их непроходимой скукой и отлучением от интеллектуальной жизни.

Позвольте привести последний пример, когда учитель одержим увлечением, никак не связанным с преподаваемым им предметом, но умеет это свое увлечение превратить в заметную часть школьной

жизни. Не так давно была я в командировке в Самаркандской области. И вот районные просвещенцы, сопроводившие меня в поездку, всячески стали уговаривать свернуть в сторону, чтобы посмотреть одну сельскую школу. «Не пожалееете» — уверяли меня. И действительно, жалеть не пришлось.

Нет, дело не в том, что не приходилось мне видеть кабинетов, оборудованных так, как у Хамида Мусаева, учителя узбекского языка и литературы. Видеть доводилось и не такие чудеса. Но у Хамида Мусаева эти чудеса сотворены его собственными руками. Он стоит у маленького пульта управления и нажимает кнопку за кнопкой. Автоматически зашториваются окна, поднимается к потолку классная доска, а на ее месте оказывается киноэкран, включаются киноаппарат, магнитофон, проигрыватель (а учитель все не отходит от стола), зажигаются отражатели, освещающие портреты узбекских писателей, их изречения, затем экран убирается, откуда-то из глубины появляется телевизор, тоже включается, выключается...

Все это Мусаев сделал за несколько лет вместе со своими учениками без какой бы то ни было технической помощи и на очень скромные средства. В области гордятся мусаевским кабинетом, его показывают, здесь проводят семинары, чтобы и других подзадорить: мол, хорошо бы и вам такое же. Да ведь одно желание мало — нужно еще умение, такая же сохранившаяся с детства страсть копаться в сложнейших схемах, добиваться, чтобы они действовали. Не знаю, так ли уж на самом деле нужна новая мусаевская выдумка: чтобы и цветы, развешанные в горшочках и кашпо по стенам, поливались автоматически, с помощью той же кнопки. Может быть, вполне можно обойтись и старым способом. Но важно другое: ученики Мусаева, даже абсолютно равнодушные к технике, заражаются от учителя способностью безраздельно отдаваться своему увлечению.

Могут возразить: ну, что, в самом деле, за сравнение? Тут человек полезен для школы дело делает. А какой толк от вертолетов-самолетов? Или от того, что учительница, положим, увлекается верховой ездой? Не может же она лошадь в класс привести.

Не может, конечно. Да только увлечение в приказном порядке не формируется. Мол, туризм нас бы еще устроил, а вот прыжки с парашютом — нет. Человек увлекается тем, чем... увлекается. И чаще всего с детских лет, так что в зрелую пору трудно да и не нужно ему перестраиваться.

К тому же, чуть-чуть отступив, хочу высказать еще одно соображение. Человек, по-настоящему, безог-

лядно увлеченный, всегда не так-то прост и удобен в общении, даже если его увлечение можно рассматривать в чисто утилитарном смысле, то есть когда школе оно приносит и честь и славу.

Есть в Липецке знаменитый клуб «Парус». Возглавляет его учительница Алла Матвеевна Шаталова. Огромное увлечение Лермонтовым, завладевшее ею самой с юных лет и поглощавшее все ее свободное время без остатка, Алла Матвеевна принесла в школу, где создала не только уникальную, не знающий себе равных школьный музей, но, что существенно важнее, воспитала уже не одно поколение людей, поистине влюбленных в литературу, в искусство.

Об этом клубе, об этом музее, об этих ребятах, чьими усилиями был буквально преобразован парк в Тарханах, проделаны серьезные работы в Пятигорске, много писали. Среди друзей школы — крупнейшие исследователи творчества Лермонтова (Иракий Андроников, к примеру). Они приезжают в школу, дарят ребятам не только интереснейшие экспонаты для музея, но и радость общения на высочайшем интеллектуальном уровне. Казалось бы, радоваться надо да кланяться Алле Матвеевне за все, что она сделала для школы. Однако и она сама и ее ребята (что особенно грустно) знают: все не так-то просто. Какая-то не очень понятная ревность заставляла долгие годы отравлять существование учительнице, трепать ей нервы, и воистину надо было быть очень мужественным и фанатично преданным делу человеком для того, чтобы не махнуть на все рукой, не отказаться ни от ежегодных поездок по лермонтовским местам, ни от бдений в стильных музейных помещениях, ни от трогательного ухода за удивительными растениями, украшающими эти помещения.

Человек, необычно, «нециркулярно» увлеченный порой вызывает чувства весьма смешанные. Мол, я-то сам живу обыкновенно, как положено, и выпол-

Мудро поступает тот школьный администратор, который как зеницу ока бережет именно необычного, неординарного, не укладывающегося в привычные рамки учителя. Бывает ведь, приходит в школу человек, не очень-то на школу настроенный. Приходит с намерением отработать три последипломных года, а там уж дать волю своему интересу к той или иной области физики, или истории, или литературы. Скольких великолепных учителей, бесценных в своей образованности, в возможностях вот такого косвенного воздействия на ребят теряет школа из-за педантичного стремления к ранжиру, к унификации всех и вся. И все из-за этой вот вредной формулы: летчики мне не нужны, так что выбирайте уж что-нибудь одно.

В свое время, учительствуя в Калуге, я познакомилась с десятками людей, которые учились у Циолковского. Великий предсказатель нашего сегодняшнего космического взлета преподавал им физику. Говорят, он мало походил на обычного гимназического учителя. И всем своим обликом, и манерой преподавать, и даже самим содержанием своих уроков. Но таинственные токи, исходившие от его личности, от всей его отрешенной фигуры, остались навсегда в сознании тех, кто видел его на кафедре. Не убеждена, что каждому директору школы пришлось бы по душе такой учитель. Слишком многие, увы, предпочитают «чего-нибудь попроще», обделяя таким образом десятки, сотни ребят, лишая их возможности общения с человеком незаурядным, непохожим на тех людей, что встречаются каждый день.

Потери подобного рода, к сожалению, неисчислимы. В одной московской школе несколько лет преподавал историю удивительный учитель. Собственно, он не был учителем в строгом смысле слова и никогда не готовил себя к этому поприщу, поскольку был специалистом в довольно узкой области, знал десятки иностранных языков, а в школу попал совсем случайно: пригласили прочитать лекцию, и так его

УПРЕКИ

ню, что положено, и со мной все ясно, а вот с этой учительницей, которая отпуск за отпуском проводит со своими учениками и если чего требует, то только для них и никогда для себя, с этой учительницей как-то неспокойно. Хотя (мы уже видели) увлечение Аллы Матвеевны таково, что школе от него прямая, легко формулируемая в словах и пунктах отчета польза.

Ну, а как быть с мой летчицей? Как быть с учителем, чье увлечение затруднительно было бы уместить в школьных стенах? Тут-то и надо со всей ясностью сказать, что учитель — категория совсем особая. Он воспитывает своих учеников не только тогда, когда разговаривает с ними на уроке или ведет их на экскурсию. Воспитание продолжается и тогда, когда этот учитель сидит, замерев от восторга, в концертном зале и учеников рядом с ним нет, и тогда, когда опять же в полном одиночестве бродит по лесу, упиваясь его красотой, и когда разводит в своем палисаднике диковинные цветы, и когда, отказывая себе во многом, собирает редкие книги или ездит в дальние путешествия. И даже тогда, когда парит в синем небе на спортивном самолете. Потому что самый сильный способ воспитательного воздействия на юные души таится в образе жизни учителя. Чем он живет, на что себя расходует, что составляет круг его интересов — это тоже имеет огромное воспитательное значение.

Была бы я директором школы, мне бы гораздо больше доставлял заботы и тревоги учитель, который, скажем, никуда никогда не позволяет себе уехать в каникулярное время, потому что хозяйство не отпускает, чем тот, кому нужно поехать на соревнования, или на съезд филателистов, или на фестиваль художественной самодеятельности. Меня бы очень тревожил учитель, у которого в доме никаких книг, кроме полагающихся по предмету, и в то же время я позволила бы отлучиться в большой город на книжный базар учителю — завзятому книжнику.

Зададимся еще раз вопросом: неудобен для школы учитель-спортсмен, или учитель, играющий в народном театре, или всерьез занимающийся большой наукой и потому вынужденный время от времени ездить на научные конференции? Конечно, неудобен. Надо к нему подстраиваться, надо, чтобы и дело не страдало и чтобы учитель этот мог, пока молод, реализовать себя сполна. Но, скажите, а тот учитель, который никакого такого подстраивания не требует, но который, простите, ничем и неинтересен, уныл и скучен, этот учитель удобен, что ли?

слушали ребята и учителя, что он пришел еще раз и еще. Потом вызвался вести факультатив, а потом взял небольшую нагрузку.

Мучений с ним было хоть отбавляй. Во-первых, и речи быть не могло о том, чтобы поручить этому человеку, скажем, классное руководство. Во-вторых, он не очень понимал, зачем вообще нужен классный журнал, зачем отметки, сопротивлялся многим общепринятым в школе правилам, не признавал звонков и, если увлекался, мог задержать класс на час и на два после своего урока, не считаясь с расписанием. Словом, хлопот с ним хватало.

Но директор той школы терпел и всех учителей убедил, что терпеть надо, что игра стоит свеч. Потому что понимал: школа устроена по принципу сообщающихся сосудов: если в одном из них уровень поднят, значит, раньше или позже, он поднимется и в других. И этот конечный результат дорого стоит. Он оказался прав, тот директор. Сам факт присутствия в школе столь необычного историка привлек других интересных учителей: атмосфера учительской, то, о чем там говорят, может быть и нередко бывает решающим условием выбора для многих учителей, ищущих интересный педагогический коллектив. Эта школа долгое время была одним из ярчайших явлений московской педагогической жизни. А потом случилось так, что директор сменился, а новый никак не мог понять, почему должен делать поблажки странному человеку, который вечно что-то забывал, чего-то не выполнял, а посреди учебного года мог вдруг заявить, что делает доклад на симпозиуме не только в другом городе, но и в другой стране и, конечно, надо его на этот симпозиум отпустить.

Читатель, наверное, уже понял, что долго тот учитель истории при новом директоре не удержался. И, как ни прискорбно, школа тоже не удержалась в том своем качестве, которое делало ее своего рода достопримечательностью. Потому что школа стоит на учителе. Не только исполнительном и правильном. Это очень желательные для педагога достоинства. Но беда, коли этими достоинствами его личность исчерпывается. Чеховский «человек в футляре» наверняка тоже был наделен ими сполна. Но в школе, чтобы была она школой не только по названию, должно быть уютно учителю-поэту, учителю-живописцу, путешественнику, исследователю. И тому, которого так властно зовет небо, наверное, тоже. Потому что след этого полета потом обязательно проляжет по земле. В учениках того учителя, который этот след оставит.

Владимир САЛИМОН

Парк культуры

*Пахнет парикмахерской метро.
Парк — аттракционами и квасом.
На душистой пристани матрос
тишину раскачивает басом,
разбирает просто и легко
на канате вылинявший узел.
Из-под челки смотрит на него
школьница, краснея и волнуясь.
Ей, наверно, хочется вдали
берега зеленого и моря
и чтоб в море были корабли!
У матроса седина в проборе,
новый мотоцикл и жена
добрая, диспетчер на заводе.
Школьница садится у окна
в теплом и удобном парохоме.
За окном светлеют на волне
парк с аттракционами и пристань.
В самолет садится пионер,
видно, хочет быть парашютистом!*

Разъезд

*Простая и щедрая жизнь.
Разъезд перед домом и поле.
На сорок дорог ни души.
У дома коза на приколе.
Вмещают четыре угла
кровать на колесах и ящик,
чтоб чистые простыни класть
да бархат хранить настоящий.
Пасется коза и дает
носки шерстяные и сливки,
приличный составив доход
хозяйке своей терпеливой.
Терпенье хватило бы в срок!
Тоски и работы по горло.
Желтеет на шпалах песок
и пахнет смолою и дерном.
Клубничным отходит сезон.
Все жарче под вечер и суше.
И нужен под вишню бидон.
И бархат, наверно, нужен...*

Татьяна НИКОЛАЕВА

На запад от Москвы

*У края поля — камень с именами,
я до него дотронулась, и странно:
был камень теплым,
как спокойно спящий,
увавший за день человек.
И я стояла замерев, вся ожиданье.
А рядом жизнь текла.
О камень волны бились.
И камень направлял движенье их...
Он был спокойно теплым.
Не верилось, что это просто солнце,
дробящее его на два куска.
Из треснувшего камня*

*здесь росла
Трава — подобно памяти в веках.
Война землей владела*

*без разбора,
и топографии войны не знала.
Игра без правил, по законам зла:
война живые хлебные поля
мгновенно в поле битвы превращала...
И скорбно после*

*горбилась земля
надгробным холмиком
над братскою могилой.*

Потом легли там каменные плиты.

*Темна дорога без твоих следов.
И снег ее не выбелит под утро.
Хоть снег идет размеренно, как время.
Снег сыплется. И, будто задыхаясь
под грузом тяжким, тикают часы.
В починку просятся.
Но движутся, как лошади по кругу,
минутная и часовая стрелки. И стрелки
с каждым оборотом приближают
конец зимы и скорое тепло.
Мне снится лето. Снится день июньский.
Паденье пуха тополиного и солнце.
Широкая и светлая, как небо,
дорога снится.
Ты идешь по ней.*

Дорогие читатели, вы не просто перевернули очередную страницу журнала и приготовились читать очередной материал—вы присутствуете при открытии Музыкального клуба «Смены». И это не просто громкое слово—открытие. Мы долго мечтали о нем, спорили, выдвигали и отвергали бесчисленное количество идей—создавали модель будущего клуба. Потому первый его выпуск—событие для нас примечательное. Надеемся, что и для вас: ведь вам предстоит стать организаторами работы клуба и его авторами. И мы ждем не только ваших писем-откликов. Мы ждем деловых предложений и острых вопросов. Ждем писем с рассуждениями о проблемах современной музыки, волнующих вас. Ждем заметок—и пусть не смущает отсутствие журналистского опыта—о самых интересных событиях музыкальной жизни вашего города или поселка: о самодеятельных и профессиональных коллективах,

о работе домов культуры и дискотек; знакомьте нас с новыми именами, а вернее сказать, новыми голосами. И просим, пусть в ваших корреспонденциях звучат и критические нотки.

Наш клуб, конечно, не сможет охватить все области современной музыкальной жизни. Но и замыкаться на каком-то определенном направлении, будь в нем самые, как говорят, горячие точки, было бы, вероятно, ошибочно. Поэтому рубрики клуба будут разнообразными, они расскажут и о классической, и о фольклорной, и о джазовой музыке. Наметьте верные ориентиры на пути к музыкальной грамотности, культуре помогут артисты и музыковеды, композиторы и музыканты, чьи выступления будут печататься на страницах «Смены».

Говорят, что в душе каждого человека живет музыка. И мы будем искренне рады, если вы найдете в нашем клубе свою мелодию.

КЛУБ

МУЗЫКА

С ТОБОЙ

Песня требует пожизненной верности и пожизненной смелости.

Александра ПАХМУТОВА

В песне главное—умение чувствовать и понимать глубины мелодии, проникать во внутренний мир своего героя.

София РОТАРУ

Я сторонник политических песен широкого диапазона, чтобы они вызывали не только гнев, но и смех, и волнение, и нежность.

Дин РИД

Я твердо знаю одно: песня—самый демократический вид искусства, самый непосредственный способ обращения к душе человека.

Алла ПУГАЧЕВА

СЛОВО О ПЕСНЕ

Тихон ХРЕННИКОВ,
первый секретарь правления
Союза композиторов СССР

Я хотел бы напомнить: трудно работать в песне! Как нигде, подстерегают здесь композитора опасность штампа, соблазн щегольнуть отработанным приемом, который наверняка «сорвет аплодисменты» доброжелательной публики.

Творческая ответственность, если хотите, безошибочное «альпинистское» ощущение высоты, к которой необходимо стремиться и после которой уже нельзя работать хуже, примитивнее, такая творческая ответственность — ценнейшее качество истинно песенного художника. Разумеется, удачи, а тем более шедевры не рождаются каждый день, но все же динамика индивидуального развития композитора должна быть устремлена вверх, вперед.

Всегда ли мы встречаем даже у талантливых композиторов проявление этой творческой ответственности?

Было бы нелепо отрицать необходимость собственно развлекательной, собственно легкой музыки, в том числе и песни: молодежь и отдыхает, и танцует, и веселится. Но и здесь речь должна идти о необходимости живой, национально выразительной интонационности, которую в музыке не может заменить ничто! Вместо нее нам сплошь и рядом предлагают шаблонный набор модных битовых ритмов и оглушительных электротембров, стереотипных драматургических приемов.

Слушая многие песенные опыты популярных композиторов, возникает ощущение отлично налаженной звуковой индустрии, когда убожество мелодии автор пытается скрыть в записи специальными акустическими эффектами. Требование одухотворенности, благородства содержания равно применимо к так называемому легкому жанру, как и ко всем другим жанрам советской музыки. Нам необходимо почаще вспоминать о **правильной** стороне композиторского труда. Ведь на известных авторов равняются творческая молодежь, сотни вокально-инструментальных ансамблей, огромная армия самодеятельности. Самое же главное — им безраздельно доверяют слушатели, и злоупотреблять этим доверием, как сказали бы наши совестливые классики, — великий грех...

В связи с развитой «индустрией развлеченья» хочу высказать одно соображение по поводу песенных текстов. То ли в противовес иным скучным подтекстовкам, то ли инстинктивно чувствуя интонационную скудость большинства модных шлягеров, тексты в них поражают какой-то претенциозной псевдоязычностью.

Все время натываешься на что-нибудь вроде **цветных** ливней, **синих** звездпадов, **платочка** ионьского облачка, **серебристого** детства и т. д. «Я еще разобьюсь о твою неизбежность», — сообщает в одной песне; «И ожиданье урожая — как ожиданье любви» — в другой. Запросто обращаются герои песен к природным стихиям, деревьям, полям и т. д. «Ну, скажи, скажи мне, вишня, почему любовь не вышла?»; «Если не верить, если не любить — морей не измерить и не переплыть»; «А вокруг снега, снега чистые — белый дым, белый сон, белый стон». И так без конца!

Испытываешь неловкость, когда нас пытаются уверить, что «пули свистят, как в садах соловьи», — хочется спросить: ну, хорошо, свиста пуль вы, слава богу, видимо, не слышали, но к соловьям-то можно было прислушаться?

Вся эта поверхностная краснота «неизмеренных морей», «белых стонов» и «соловьиных пуль», очевидно, призвана внушить впечатление, будто песня — о чем-то жизненно важном, духовно высоким, серьезная, современная, значительная. Напрасные иллюзии! Дурные «поэтические изыски» безнадежно компрометируют даже добрый творческий замысел. Об этом стоит задуматься и композиторам и авторам текстов.

Почему мы сегодня на нашем съезде так остро ставим эти проблемы? Разве средних или плохих песен появилось намного больше, чем 5 или 10 лет назад? Нет, дело не в этом. Дело в достигшей невероятных масштабов, буквально безудержной рекламе эстрадной продукции в масштабе нашей страны по всем каналам.

Конечно, вопрос этот не прост и не однозначен. Пропагандирующие организации, филармонии, фирма грампластинок «Мелодия», радио, телевидение, массовая пресса, особенно молодежная, немало делают для распространения замечательных образцов песни, эстрады. И за это им наше искреннее композиторское спасибо. По степени популярности такие серии телепередач, как «Песня-79», «Песня далекая и близкая», «Утренняя почта», «С песней по жизни», выпуски радиостанции «Юность», некоторые нотные сборники могут сравниться разве что с матчами международного первенства по хоккею. Все это прекрасно, но вместе с тем многое нас беспокоит, а подчас и огорчает.

Недавно на Всесоюзном совещании по концертной работе приводились свежие факты на старую наболевшую тему о том, как филармонии «покрывают» финансовые планы с помощью спешно организуемых выступлений эстрадных певцов и ансамблей, причем далеко не всегда высокого качества. Повторяться не буду. Скажу только: плохая это политика! Недальновидная, негосударственная и, если не бояться сильных определений, непартийная. **Негоже нам превращать очаги музыкальной культуры в прокатные конторы по сбыту дешевой эстрадной продукции.** Сегодня мы таким способом выигрываем несколько десятков тысяч рублей, а завтра терем несколько десятков тысяч настоящих любителей настоящего искусства!

Нередко подобную картину можно наблюдать и в выпускаемой нотной продукции, в музыке кино- и телефильмов, в практике бесчисленного количества вокально-инструментальных ансамблей. Проблема проблем здесь — репертуар. **Что реально звучит, издается, исполняется?** Естественно, у меня нет сейчас возможности это детально проанализировать. Ясно одно: если выпускаемые музыкальными издательствами сборники в целом соответствуют профессиональным критериям, хотя и там иногда чувствуется крен в пустую развлекательность, то совсем худо дело обстоит в некоторых изданиях общего типа — литературных журналах, газетах.

Принципиально важны и проблемы песенного исполнительства. Имена мастеров, работающих в этом жанре, общеизвестны, я не буду их называть. Хотелось бы только приветствовать опыт оперных артистов, смело обращающихся к песне. К популярным многие годы Ю. Гуляеву, М. Магомаеву, Д. Гнатюку, Т. Сиявской прибавились, например, А. Мокренко, Л. Сметанников, А. Ворошило, А. Черпурной, А. Днишев и некоторые другие талантливые оперные и камерные певцы. С другой стороны, необходимо всячески поддерживать лучшие вокально-инструментальные ансамбли (в том числе и выросшие из художественной самодеятельности), от знаменитых «Песняров» или «Орзэро» до совсем молодых и перспективных. В разных странах мира известны эстрадные оркестры, помогающие популяризации нашего песенного творчества. Это оркестры Ю. Силантьева, К. Орбеляна, А. Бадхена, А. Михайлова и другие наши коллективы.

ПРИЗ «СМЕНЫ» — ЗЛКЕ БИТТЕРХОФ ИЗ ОКТОБЕР-КЛУБА

На VI Международном молодежном фестивале песни «Красная гвоздика» специальный приз «Смены» за исполнение песни уругвайского композитора Даниэля Вальетти «За наше Чили» завоевала певица из ГДР Эльке Биттерхоф.

Эльке пришла в берлинский клуб политической песни — Октябрь-клуб — двенадцать лет назад совсем юной девочкой, с тех пор участвовала в турне по СССР, Венгрии, Польше, Болгарии, Кубе, Мексике, Финляндии, Швеции, Португалии, Италии, Бельгии, Австрии. Вот такая широкая география песенного творчества Эльке, и к тому добавим: поет она на одиннадцати языках.

Короткое интервью:
— Вы побывали в стольких странах — это, конечно, встречи, впечатления. А творческий обмен?
— Безусловно. Из каждой поездки я привожу новую песню.
— А какую песню увезете с Сочинского фестиваля?
— Услышала «Журавли» — и просто загорелась исполнить ее.

Новых песен тебе, воспитанница Октябрь-клуба! Новых побед на музыкальных состязаниях!

Есть, однако,стораживающие тенденции: по-бываешь на иных концертах, посмотришь иные телепередачи, и начинает казаться, что исполнение песни — это уже некий стандартный ритуал: как часто царит здесь оглушающие бит-ритмы, насажденные, поистине шаманские крики в микрофон. Слушаются и передачи, в которых господствует стиль, скорее подходящий атмосфере третьеразрядного кабаре. Такова, скажем, передача из цикла «Бенефис», посвященная талантливой актрисе Л. Гурченко.

Необходимо сказать еще об одном явлении. В процессе развития песенной эстрады рождаются исполнители-певцы, которые становятся кумирами любителей песни, в особенности молодежи. Это естественно, и хвала и честь тем кумирам, которые яркостью и одухотворенностью своего искусства, высоким мастерством завоевывают сердца людей. Но эта преданность массы слушателей ко многому обязывает ставшего популярным артиста. И прежде всего к ответственности за непрерывное совершенствование своего дарования, за то, что он несет слушателям, как формирует своим искусством их души. И даже самым талантливым не будет прощено упоение славой, ведущее к художественным компромиссам, вседозволенности, допускаящей безвкусию, вульгарность репертуара и сценического поведения. К сожалению, примеры этого в нашем песенно-эстрадном быту обнаружить бывает трудно. Однако вместо объективного критического отклика на такие явления, отклика, помогающего артистам взыскательно посмотреть на себя, мы часто встречаем на страницах прессы статьи, интервью, создающие атмосферу ажиотажа и сенсации.

Надо решительно усилить воспитательный характер массовой песенной пропаганды. Этот острый разговор о проблемах массовых жанров продиктован нашей общей заботой о высокой творческой репутации советской песни, стремлением ее больше приумножить ее богатства, укрепить ее выдающуюся роль в жизни советских людей, в воспитании художественных вкусов масс.

Нам необходимо установить более тесные связи с песенными движениями за рубежом, которые близки нам по духу, по идейной сущности. Речь идет о массовом движении антиимпериалистической песни, песни острого социального содержания, песни протеста.

Достаточно вспомнить о певцах и вокальных группах в Соединенных Штатах Америки, выступающих с злободневным репертуаром на рабочих и студенческих митингах, демонстрациях безработных, борцов за права негров и пуэрториканцев, за мир и дружбу народов. Во главе этого движения стоят Пит Сягер и Дин Рид — талантливые поэты, композиторы, певцы, пользующиеся мировой популярностью.

Потомки не забудут подвига певца свободы, героического чилийца Виктора Хары. Традиции его подхвачены сегодня борцами, не сложившими оружие, в том числе автором легендарного «Венсеремоса» Серхио Ортегой и отважной Марианой Ванегас Монтальво, снижавшей популярность на последнем фестивале «Красная гвоздика» в Сочи.

Огромные масштабы приняло самодеятельное хоровое движение «Поющие голоса Японии», движение, которое создала и которым на протяжении многих лет руководила лауреат международной Ленинской премии мира Акико Сэки при активном участии талантливейшего композитора Ясуси Акутагава. В стране работают сто двадцать филиалов этого содружества, в рядах которого насчитывается свыше десяти миллионов человек.

Во всем мире высоко почитаемы имена творцов политической песни: чеха Эрвина Шульгофа, испанца Карлоса Паласио, венгров Антала Гидаша, Бела Рейница и Ференца Сабо, португальца Фернанду Лопеш Граса, американца Поля Робсона, англичанина Алана Буша, наконец, знаменитого певца-трибуна Эрнста Буша — боевого соратника Ганса Эйслера, Бертольта Брехта, Эрика Вайнерта.

Грандиозные международные фестивали политической песни, в которых участвуют десятки ансамблей и солистов из разных уголков земли, — убедительное свидетельство всевозрастающей роли песни социального, гуманистического звучания в жизни и борьбе людей за социальную справедливость, за мир и дружбу народов.

«СТЫДНО-ТО КАК...»

На исходе прошлого года, в октябре или ноябре, точно уж не помню, вся немаленькая наша семья, частенько собирающаяся по вечерам у голубого экрана, увидела нечто поразительное. Это было настоящее телепотрясение!

Шло очередное заседание клуба знатоков «Что? Где? Когда?». Передача эта столь увлекательна, столь полезна и для участников и для зрителей, что завоевала признание, наверное, в рекордный срок. Очень, видно, нужна людям — и молодым и нам, старшему поколению, — умная игра.

Так вот, в тот вечер все мы — и я, медицинский работник, мой муж, кадровый рабочий, лекальщик, и его старенькие родители, пенсионеры, конечно, и двое наших детей (сын — десятиклассник, дочь — студентка техникума) — все мы прямо-таки впитывали происходящее на экране, азартно болея за... изобретательные вопросы и искрометные ответы. Ну и, само собой, за их авторов тоже.

До чего же радостно смотреть на этих молодых ребят и девчонок, которые за минуту — вдумайтесь, всего за минуту? — решают головоломки из математики, биологии, астрономии... Какие мышленные, одухотворенные у них мордахи — светятся прямо. Ей-богу, когда команда, будто орешек, раскусывает какой-нибудь мудреный вопрос с подвохом, на который не знаешь, где и ответ-то искать, — слезы на глаза наворачиваются: вот же умницы, вот же наградила природа!

И вдруг!.. Вдруг зачитывают письмо одного рабочего, кажется, с Алтая. Он прислал фонограмму и просил назвать записанное на ней музыкальное произведение и его автора.

Завучала музыка... С первыми аккордами мы все сперва возликовали — наконец-то и мы «на коне», наконец-то и нам достались бы дары общества книго-

любов! Но тут же завздыхали — над такой задачкой «великолепная пятерка» только посмеется: больно уж легкая. Муж даже покурить пошел. «Подвел, — шутит, — коллега весь рабочий класс: этим орлам его наив на один зубок!»

Ударил гонг. Но что это? Зрудиты подались вперед, о чем-то вполголоса заговорили, на смысленных мордах отразились напряженная работа мысли.

Мы не понимали, что происходит. Может, блестящая команда спорит о точной дате написания сочинения или уточняет детали и обстоятельства его создания?

Между тем, применяя индуктивный и дедуктивный методы, ребята настойчиво шли к неведомой нам цели: ведь требовалась-то от них малость — назвать произведение и его автора. Секундное дело. Но не тут-то было. Кто-то предложил идти методом от противного, кто-то — методом исключения...

И вот тогда у нас мелькнула — к случаю будет сказано — «гипотеза», в которую не хотелось поверить: никакие подробности ребят не занимали, они пытались... вычислить композитора!

Не вычислили. Потому что есть вещи, которые более душой, нежели рассудком, постигаются.

Мой муж застыл в дверях с непотушенной сигаретой, забыв о строжайшем запрете отравлять «окружающую среду». Мы бы и не заметили «преступника», если бы он внезапно не захохотал: «Ай да алтаец! Знай наших!» А сын ошеломленно сказал, глядя на экран: «Во дают!»

Мы и правда были ошеломяты. Ведь зрудиты только что слушали музыку... Петра Ильича Чайковского!

И не какой-нибудь малоизвестный юношеский этюд, а знаменитое «Итальянское каприччио»!

Услышишь его раз — никогда в жизни не забудешь и ни с чем не спутаешь.

Как же могло случиться, что очень современные, очень талантливые (чуть было не сказала: «...и очень образованные!») люди разминулись с Чайковским?!

И тут вползла в голову тоскливая и, может быть, нехорошая мысль: а если бы «прокрутили» команде «Бони М» — небось, узнали бы...

Я не к тому, что «Бони М» или «АББА» — это плохо. Нравится — слушай, никто у нас зарубежную музыку не запрещает. Но позволительно ли при этом не знать творений гениев?! Того, что составляет гордость Отчезства? Да, кстати, и тех стран — как части человечества, — откуда приезжают к нам модные ансамбли. Позволительно ли считать себя образованным человеком, не ведая, кто написал, к примеру, «Камадинскую», «Золотого петушка» или «Алеко»?

Знаю, что многие молодые отмахнутся и назовут все это «брюзжатиной». Их я попрошу терпеливо перечитать последний вопрос и обратить его к себе. Кому же из наших классиков принадлежат названные произведения? Ответите — будет вам от людей уважение. А нет...

Когда симпатичные, умные знатоки, за которых мы болели всей душой, так неожиданно оконфузились, наша добрая бабушка прошептала тихонько в телевизор: «Стыдно-то как, ребятки...» Она и внукам своим так же шепчет, если они плохо что сделают.

Вот бы почаще слышать каждому — от самого себя да и по разным поводам — этот тихий укор: «Стыдно-то как...»

И. ЦИГАНКОВА,
Москва

ЧАЙКОВСКИЙ
И БИТ-РИТМЫ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВКУСЫ
ИЛИ МУЗЫКАЛЬНАЯ
ОБРАЗОВАННОСТЬ?

А ЧТО
В ВАШЕЙ
ФОНОТЕКЕ?

«СКУЧНО-ТО КАК...»

Прочитал в вашем журнале статью о пианисте Ересько. Может, он и талант, может, и статья хорошая, да только все это скучно. Удивляет меня, что «Смена» — молодежный журнал! — проходит мимо музыки, которая нравится молодым. Все эти фуги, прелюдии и сюиты — простите... Ну где, скажите, где вы видели, чтобы десятиклассники весь вечер слушали Баха?! Да нам бы успеть потанцевать вдоволь между бесчисленными контрольными. Надеюсь, на «разрядку» после зубрежки мы имеем право? Так что уж, пожалуйста, учтите наши «подпорченные», как вам, конечно, кажется, вкусы — они ведь реально существуют.

К тому же ведь есть и настоящий «бит» — с этим теперь никто не спорит.

Но не думайте, что мы просто больны «дисковой» болезнью. Кое-что понимаем, кое в чем разбираемся. И даже не против кое-что узнать от вас. Но только не надо поучать, не надо говорить, что Моцарт — прекрасно, а «Смоуки» — ужасно. Лучше расскажите об этих группах — «Иррапши», «Силвер конвеншн», «Доули фэмили», — о том, что еще готовит Демис Руссос, какие новые направления намечаются в джазовой музыке? Предижду улыбочку: «Ай-яй-яй, интересуются ребяташки только зарубежной музыкой?» Вовсе нет,

хотелось бы встретиться на ваших страницах с ансамблем «Арсенал» и его руководителем Козловым, с Тухмановым, если только он не слишком «посерьезнел» после диска «По волне моей памяти», с Раймондом Паулсом.

Можно и еще накидать имен, да, думаю, справьтесь для начала с этими.

И успеха вам в этом деле.

Витя из Владивостока,
10-й класс (а фамилию
называть не буду: в школе
за «Смоуки» по голове
не погладят).

Итак, два письма —
два различных взгляда.
А ваше мнение?

Американский поп-бизнес прежде, не зная пауз, приносивший миллиардные прибыли, переживает пору упадка. Концерты отменяются, турне проваливаются, продажа пластинок падает.

Джин Симмонс из пестрой раскрашенной американской панк-группы «Кисс» говорит: «В стране дела идут плохо, и потому шоу не пользуется спросом».

Фирмы США, предоставляющие сцену поп- и рок-музыке, сегодня не слишком привлекательно смотрятся на бирже. Падение курса

КОЕ-ЧТО О МУЗЫКЕ МУСОРЕ

акции произошло неожиданно для всех заинтересованных.

Продажа пластинок в первое полугодие 1979-го сократилась на тридцать процентов по сравнению с предыдущим полугодием. Около половины новых пластинок торговцы возвращают фирмам, сообщая, что сбыть их невозможно.

В первом квартале 1979 года доходы ведущей фирмы отрасли CBS сократились на 47 процентов по сравнению с первым кварталом 1978 года. Кенни Логгинс, звезда «кантри-музыки», считает: «Золотые времена поп-сцены пока что прошли».

Большинство крупных фирм США, выпускающих пластинки, уволило многих служащих. Рекламные расходы резко сокращены. Причина или следствие? Но такие «горячие звезды», как братья Олман или Питер Фрэмтон, не привлекают больше массу поклонников. Род Стюарт, который во время последнего турне мог заполнить двадцать тысяч мест на стадионе в Чикаго, этим летом отважился выступать лишь в театральном зале. Из 47 представлений на открытом воздухе 22 были отменены: билеты не распродавались.

В течение пятнадцати лет со времени взлета битлов, американ

ОБ ЭСТРАДЕ И О СЕБЕ

Леонид УТЕСОВ,
народный артист СССР

Есть понятие — синтетический артист. Это о Леониде Осиповиче Утесове. Трудно найти эстрадный жанр, в котором бы не проявился его талант. Актер, музыкант, конференсье, певец, руководитель оркестра; трагик и комик, поэт, лирик и публицист...

— Меня с детства переполняла страсть к музыке и актерскому искусству, почти не оставляя места ни для чего другого. Поэтому, когда уже подростком по настоянию отца поступил в Одесское коммерческое училище, настроение у меня было из рук вон. Представьте: бредить музыкой, а учиться коммерции! — восклицает Леонид Осипович. — Ничто, казалось, не могло меня там заинтересовать. Но, к счастью, это было не совсем так. В училище было несколько ученических оркестров, большой хор и любительская драматическая труппа для старшеклассников. Охотно и часто устраивались выступления хора и оркестра, любительские спектакли, ученические вечера. Педагоги нередко проявляли подлинный энтузиазм. Директор училища Федоров был композитором и отличным пианистом. Его опера «Бахчисарайский фонтан» шла в одном из провинциальных театров. Симфоническим оркестром занимался немец-капельмейстер Шлехт. Был еще оркестр народных инструментов. Церковный регент Новиков преподавал пение и дирижировал хором. Учитель литературы Попов занимался драматической труппой. Много внимания уделялось спорту, что мне тоже очень нравилось. Вспоминая то время, удивляешься, как можно было ухитриться принимать деятельное участие положительно во всем.

И в самом деле, мальчик играл в струнном оркестре, состоящем из балалаек, мандолин и гитар, где исполнял партию балалайки пикколо, пел и солировал в хоре, играл на скрипке в симфоническом оркестре, выступал с художественным чтением, занимался французской борьбой, был гитаристом в струнном оркестре.

— Когда же после этого было учиться! — смеется Леонид Осипович. — Раньше, знаете, как на сцену шли? Приходит, например, гимназист к знаменитому в то время режиссеру — антрепренеру Синельникову. «Хочу», — говорит, — у вас играть». А тот ему: «Вы, батенька, в университет поступайте. Закончите его, а там видно будет». «Нет, я на сцену хочу. Возьмите, пожалуйста». Тот посмотрит, посмотрит да и возьмет. И сразу в спектакль. Сначала реплику даст, потом маленькую рольку. Глядишь — и поехало. Мастерству в театре учились. Ставили тогда много. Каждый день — чуть не новая роль. И главное — всему учились на практике.

Леонид Осипович начинал как драматический актер, но о нем нельзя сказать, что, начав там-то и тем-то, пройдя то-то и то-то, он пришел к песне. Нет. Песни сопутствовали ему всегда. Прочувшись четыре года в училище, пятнадцатилетний юноша уезжает на гастроли с балаганным цирком Бороданова, но в первом же городе заболевает воспалением легких, а когда выздоравливает, цирка в городе уже нет. Пришлось возвращаться домой. Через какое-то время ему присылают записку от знакомого актера Скавронского с предложением зайти в гостиницу «Континенталь».

— Когда я получил записку от Скавронского, я подумал: он симпатичный парень, но что он может сделать? Теряюсь в догадках, я отправился в «Континенталь». В накуренном номере я увидел несколько нарядных женщин с браслетами и кольцами на руках и почувствовал себя еще более смущенным. Посреди комнаты за столом сидел толстый, важный господин с равнодушным и усталым лицом. Это был антрепренер Кременчугского театра миниатюр Штиглер.

— Умеете петь? — спросил Штиглер.
— У него бархатный голос, — ответил Скавронский.

— Хотите, значит, играть оперетты? «Еще бы! Еще бы!» Но сказать почему-то страшно. Неужели это возможно?

— Что же вы молчите, молодой человек? — нетерпеливо и грубовато спросил Штиглер.

Я молчал.
— Ваши условия? — снова раздается его резкий и на этот раз насмешливый голос.

Но тут уж совсем нельзя было ничего ответить. В самом деле, какие я могу ставить условия?

— Дайте ему семьдесят рублей, — сказала вдруг одна из актрис, обратив на себя внимание приятным тембром голоса. Штиглер недовольно посмотрел на неожиданную покровительницу и предложил шестьдесят пять рублей. Не дожидаясь ответа, привычным широким жестом он закинул руку, вынул из бокового кармана бумажник и отсчитал аванс. Дрожа от восторга, новоиспеченный актер пожал руку даме, Штиглеру, Скавронскому и, сдерживая движения, направился к выходу.

Меня догнал залыхавший Скавронский.

— Леня, подождите. Учтите, что в оперетте вам больше всего придется играть лакеев. Поэтому первым делом купите на толкучке фрак.

Дома отец, выразительно посмотрев на фрак, энергично сплюнул в сторону.

Так в августе 1912 года, без малого семьдесят лет тому назад, началась моя актерская жизнь.

Работа сначала в цирке, а затем в театре миниатюр, видимо, и дала толчок к комплексному, синтетическому развитию Утесова-артиста. Нужно было петь, танцевать, играть, вести конференсье. В цирке же будущий артист выступал в упражнениях на кольцах и трапеции, выходил на арену, в качестве «рыжего». И вот Утесов создает собственный эстрадный номер.

— Чтобы понять существо этого номера, нужно дать некоторое представление о мальчиках — разносчиках газет дореволюционной Одессы. Сейчас только по книгам и кинокартинам можно представить бегущего по улицам с пачкой газет паренька, в ажиотаже выкрикивающего сногшибательные новости. Он всегда куда-то торопится и останавливается, чтобы, приняв монету, сунуть прохожему газету с видом крайнего нетерпения, как будто это его страшно задерживает. Все, конечно, понимали, что он никуда не спешит, но он сам так входил в эту роль и люди настолько к ней привыкли, что разрушать создавшуюся иллюзию было бы просто нетактично. К обычному для мальчишек азарту

добавлялась развязность манер, усвоенная в порту, и речь, приправленная жаргонными словечками и оборотами. Образ такого газетчика я и взял для создания своего эстрадного номера. Я изображал молодого, жизнерадостного парня, настолько подвижного, что ему трудно устоять на месте. Он переполнен всевозможными сенсационными новостями и жаждет поскорей поделиться ими с публикой. Когда позднее, в 21-м году, в Москве открылся эстрадный театр «Эрмитаж», я приспособил роль мальчика-газетчика к новым условиям. Газетчик мой повзрослел, стал серьезнее и от сообщений о городских происшествиях перешел к критике ложных слухов, распространяемых за рубежом о Советской России. По существу, этот номер представлял собой первую на эстраде живую газету. Как и в настоящей газете, текст у меня ежедневно менялся и соответствовал новостям текущей политики. Мне кажется, что актуальность — это вообще одно из главных качеств эстрады.

Популярная, как ни одно из других искусств, эстрада обладает громадными возможностями в формировании определенных эстетических критериев зрителя. Сейчас, когда средства массовой информации действуют с таким размахом, мы подсознательно, порой не замечая этого, привыкаем к глупейшим текстам и банальным, незатейливым мелодиям, которые подчас выливаются на нас через теле- и радиэфир некоторые вокально-инструментальные ансамбли. Когда я, возможно, с излишней резкостью, высказался на этот счет, Леонид Осипович мягко ответил:

— Конечно, в исполнении вокально-инструментальных ансамблей есть некоторые перегибы: скажем, излишняя громкость, не всегда оправданная. Мелодия часто приносит в жертву ритму, а в песне необоимы мелодия, гармония, ритм и смысл. Но дело в том, что все развивается, поэтому сейчас трудно сказать о всех «за» и «против» вокально-инструментальных ансамблей, ведь среди них есть просто прекрасные коллективы, как, например, «Ариэль». Тут настораживает, по-моему, другое. Мы перестали внимательно слушать музыку. В свое время я пел на открытом воздухе, пел и в «Эрмитаже». Тогда о микрофонах мы не знали, но не было человека, который бы не услышал хоть одно слово. О чем это говорит? О том, что люди умели внимательно слушать. А сейчас без микрофона нельзя. С одной стороны, вас заглушает музыка, а с другой, зрители не привыкли вслушиваться: уж больно часто на них обрушивается грохот ритмов. Потом, знаете ли, многие певцы, пытаясь стать современнее, пытаются это высокое понятие «современность» со словом «мода». Причем в негативном смысле этого слова. Начинают подражать друг другу, а в результате образуется некая безликая масса. Послушаешь такой концерт, и создается ощущение, что весь вечер слушал одного человека. Все вроде бы грамотно, правильно, но не хватает одного — индивидуальности. Подражательство, как известно, — враг каждого художника и во сто крат — певца.

Слово в песне неотделимо от музыки и должно восприниматься как попытка непосредственного перевода музыкального языка на человеческую речь. Ка-

Свидетельствует
западная пресса:

«Штерн»
(ФРГ)

КАЛЬНОМ

Schlägt
dem
Rock die
Clock?

перь не так много денег, чтобы платить за билет на концерт по десять или пятнадцать долларов. А Расти Янг из группы «Поко» добавляет: «Музыкальный бизнес будто парализован».

Некоторые высказываются еще яснее. Королева диска Донна Саммер: «Правительство понятия не имеет как нефтяной кризис ударил по жизненному уровню многих людей». Нил Роджерс из группы «Чик»: «Поехать сейчас в большую турне — это было бы просто самоубийство».

Говоря о причинах падения интереса к рок-музыке, Питер Таунсонд из группы «Ху» высказывает свое мнение: «В последнее время на рынок была выброшена куча музыкального мусора и это заметили любители рока». А вот суждение гитариста Криса Стайна из группы «Блонди»: «Люди не хотят больше бросать деньги, покупая диски динозавров рока живущих лишь своими именами». Кенни Логгинс считает нынешний кризис даже полезным. Быть может, удастся отделить таким образом зерна от плевел и соответствующее место в табели о рангах займут те музыканты, певцы и певицы, которые имеют подлинную музыкальную ценность, а не вся эта орава попутчиков...»

жется, будто, по-особенному чутко и понимающе прослушав вступление оркестра, певец сначала переводит для публики все, что можно, на слова, затем идет дальше, соединяя рассказ с музыкой. Разговаривая, мы обычно смотрим на собеседника: выражение глаз, мимика дополняют речь. У певца, помимо слов и актерской игры, есть еще и мелодия. И только их всесторонне оправданное сочетание по-настоящему радует и волнует, то есть дает возможность ощущать истинную силу искусства. Но ведь музыка — это, по определению Льва Толстого, «стенограмма чувств» — для того и существует, чтобы передавать то, что недоступно самой развитой и утонченной человеческой речи. И как бы поэту поющей иногда умолкает. Положение меняется, оркестр уже договаривает то, чего не в силах выразить слова. Зато самим видом своим, отражающим нюансы звучания оркестра, певец помогает понять, что именно в музыке сейчас, а не в словах голос его души. Так должны, по моему, выглядеть вокальные номера. Во всяком случае, я стремился к этому.

В 1928 году увлекшись джазом, Утесов начинает собирать эстрадный оркестр. Начиная его нелегкий и непростой, порой противоречивый, но прекрасный путь к песне.

— Трудность заключалась в том, чтобы играть без нот, наизусть: исполнитель, чинно сидящий перед попитром, нас не устраивал. Освободившись от прилежного следования за нотными строчками, музыкант должен был стать и актером. Темы и характеры звучания мы старались подчеркивать соответствующими движениями и мимикой. Хотелось, чтобы оркестранты, словно подхваченные властным ритмом, или почти танцевали на месте, или, будто отдавшись волнам печальной мелодии, оттеняли ее, предположим, плавным раскачиванием. Специально подобранными костюмами — светлыми брюками и джемперами, на которых в зависимости от характера исполняемой вещи добавлялись или убирались некоторые детали, — мы решили сразу показать публике, что перед ней не обычный оркестр, а особая эстрадная форма музицирования. Музыканты неожиданно оказывались в причудливых шляпах, а в некоторых случаях нацепляли усы и бороды. Для подчеркивания выразительности звучания привлекались и световые эффекты. Столб лучей, возникая в разных местах и останавливаясь то на солирующем исполнителе, то на группе саксофонов, как бы вел публику по живописной и незнакомой музыкальной дороге.

Короткая справка: первый джаз-бэнд в нашей стране организовал поэт и музыкант Валентин Парнах в 1923 году. Джаз этот быстро распался. В Ленинграде организуется джаз Теплицкого, в Москве «Ама-джаз» Цфасмана. В феврале 1926 года в Москве в кинотеатре «Малая Дмитровка» (ныне Театр имени Ленинского комсомола на улице Чехова) гастролирует небольшой негритянский джаз-оркестр под руководством Френка Утесова, а в марте того же года в Москву приезжает негритянский ревию, в первом отделении программы которого было шоу «Шоколадные ребята», а во втором — дивертисмент с участием джаз-оркестра под руководством Сэма Вудинга.

— Мы наслаждались исполнительской техникой «Шоколадных ребят», казавшейся по тем временам недостижимой. Однако самые блестящие джазовые аранжировки не произвели на публику заметного впечатления. Отточившее мастерство, благодаря которому достигались своеобразия и выразительность звучания отдельных инструментов и оркестра в целом, особый характер его тембра и ритма не получали должной оценки. Сидя в партере, в обстановке проникнутого, холодком недоуменного молчания, мы отчетливо понимали, что джаз подобного рода успеха у нас иметь не может. Между тем новизна музыкального стиля казалась нам очень интересной, заслуживающей

изучения и освоения. Почему бы не попробовать джазовые принципы на материале, нам знакомом? Но если форму в какой-то мере нам подсказал западный джаз, то для применения этой формы к содержанию, отвечающему нашей действительности, совсем не было никаких примеров. Огромная трудность в том и состояла, чтобы доказать целесообразность использования элементов непривычной джазовой игры для исполнения близкого и понятного репертуара.

Первая программа, которую в 1929 году выпустил эстрадный оркестр под руководством Л. О. Утесова, называлась «Теа-джаз».

— Мы придали оркестру резко выраженные черты коллектива эстрадных артистов, а концерт превратили в эстрадное представление. Дирижируя, я, например, вместе с тем конферировал, играл на скрипке, читал стихи. Музыканты, не оставляя своих инструментов, передвигались с места на место, разыгрывали сценки между собой и дирижером. Инструмент, казалось, становился частью исполнителя, его продолжением, сливался с ним в одно целое, заменял человеческую речь. В оркестре не просто играли, но действовали и разговаривали люди разных характеров: человек-тромбон, человек-саксофон, человек-труба. Все наше выступление было режиссерски объединено, начиная с выхода и знакомства с публикой и кончая прощальной песенкой «Пока, пока, уж ночь недалеко», в которой мы впервые применили киноэкран и микрофон. Это произвело тогда огромное впечатление. Расходясь после представления, люди могли на улице видеть и слышать оркестр, и их далеко по дороге домой провожала мелодия.

В 1930 году оркестр выпускает программу «Джаз на повороте». В подготовке этой программы принял участие композитор Дунаевский, который написал оркестровку. Следующей работой коллектива с композитором стал эстрадно-музыкальный спектакль «Музыкальный магазин». Утесов выступил здесь новатором, создав именно «синтетическое зрелище», в котором роли исполнялись самими музыкантами оркестра.

— Пьеса состоит из ряда маленьких, условно связанных между собой комических эпизодов, происходящих в музыкальном магазине в течение рабочего дня. Собственно, сюжета здесь не было, потому что в целом «Музыкальный магазин» — обозрение, главным действующим лицом которого является джаз. Оно мне кажется смешным, до некоторой степени сатиричным и, несомненно, представляло собой органический синтез всего найденного нами ранее. Когда-то я писал: «Музыкальный магазин» состоит из трех основных элементов — это водевил с переодеванием, это комический хор с его гротесковыми образами и это джаз в его специфических звучаниях и «музыкальных возможностях». Сейчас я, пожалуй, добавил бы еще: это использование приемов цирковой музыкальной эксцентрики.

Дальше последовали программы «Кармен и другие», «Без дирижера». Во время выступления с последней из них на экраны страны вышел фильм «Веселые ребята», в котором снялся весь эстрадный коллектив Утесова.

Тогда-то и завязалась окончательно творческая дружба Леонида Осиповича Утесова, Исаака Осиповича Дунаевского, Василия Ивановича Лебедева-Кумача, и именно ей, этой дружбе, обязан рождением нового эстрадного жанра — советская массовая песня. В лице Леонида Утесова советская массовая песня обрела уникального интерпретатора, его с полным правом можно называть основоположником советской эстрадной традиции в жанре массовой песни. Леонид Осипович спел более тысячи песен, из них примерно три четверти налето на пластинки. Лучшие вошли в «золотой фонд» советской эстрадной классики.

— Леонид Осипович, многие песни, написанные Дунаевским и Лебедевым-Кумачом, стали народными. Их пела вся страна. А сейчас...

— А сейчас песен так много, что среди них трудно выбрать какую-то

одну. Многие просто не идут по нужным каналам восприятия. Наше государство существует уже шестьдесят три года. Песен за это время написано много. Но сколько из них на самом деле пошло в народ?

— Песен тридцать—сорок. — Я думаю, примерно шестьдесят. Получается в год по песне. Мне кажется, больше одной-двух песен в год народ не подхватывает.

Какой же она чаще всего бывает, эта единственная песня? Как правило, она отличается несложными музыкальными оборотами. Возьмем, к примеру, оперу «Риголетто». Если вас попросят напеть из нее что-нибудь, то вы, даже прекрасно ее зная, в первую очередь непременно вспомните песенку Герцога «Сердце красавицы», а ведь песенка эта, строго говоря, не шедевр — и гармония слабовата и мелодия проста. Так же и с песней. В массы обычно идет песня с доходчивыми музыкальными ходами, но в тексте ее обязательно должен быть «крючок». Понимаете, это слово или фраза, сразу проникающая в сердце слушателя; удачно сформулированное настроение или примета, хорошо знакомые всем. Вот возьмите, к примеру, «Катюшу» или «Синий платочек». Разве их можно представить с другим текстом? Само слово «Катюша» уже «крючок». Особенно был великолепен словесный «крючок» у Лебедева-Кумача. Он у него разнообразен, и почти всегда это готовый лозунг. Вспомните: «Тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет» или «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить». Ну, а с точки зрения мелодии должны быть несложные музыкальные обороты, основанные на интонации русской народной или городской песни.

— Многие эстрадные коллективы увлеклись аранжированием мелодий известных песен. Не принесет ли это в результате урон нашей песенной классике? Ведь ритм может «задавить»?

— Дело в том, что джаз и вообще все эти музыкальные формы открыли много новых возможностей. Если для поэтического творчества существует десять—пятнадцать тысяч слов и вы можете комбинировать их как угодно, то у музыканта есть только одна гамма с двенадцатью интервалами. Создать новую интересную мелодию сейчас трудно, поэтому появляется их мало, а оркестровую старую можно сколько угодно. Появилось очень много новых приемов аранжировки. Иногда можно закачать, послушав, как блестяще аранжирована самая примитивная мелодия. Хотя, конечно, я с сожалением отмечаю, что в исполнении иных ВИА только и запоминается ритмическая фактура. Это уже угроза серьезных потерь.

К сожалению, кое-кто из приходящих на эстрадные концерты воспринимает музыку крайне примитивно, на уровне ритма. И такое увлечение ритмом говорит о том, что многих попросту не учили полному восприятию музыки. А с другой стороны, лучшие из ВИА рождают у слушателей как раз усложненную восприимчивость. Если ритм не довлеет над мелодией, он заставляет острее воспринимать ее.

В нашем оркестре сейчас тоже сделали несколько новых аранжировок на темы песен Дунаевского из «Веселых ребят». Вот приходите на концерт и услышите.

В этом году народный артист СССР Леонид Осипович Утесов отмечает тройной юбилей. Восемьдесят пять лет исполняется самому юбиляру, семьдесят из которых отдано сцене, а пятьдесят — созданному им оркестру. Эстрадный оркестр под руководством Леонида Утесова звучит до сих пор — люди с удовольствием идут туда отдохнуть и послушать хорошую музыку.

Музыку человека, который «с песней по жизни шагает». С песней, помогающей «и строить и жить» не одному поколению Страны Советов.

Беседу вел Сергей БАРСУКОВ.

ВОПРОСЫ НА ЗАВТРА

Чтобы материалы Клуба полнее отвечали вашим интересам, просим прислать ответы на предлагаемые вопросы:

1. С кем из советских композиторов, поэтов-песенников, певцов и музыкантов вы хотели бы встретиться на наших страницах?

2. Какие темы наиболее интересны, на ваш взгляд, для дискуссии в Клубе?

3. Что бы вы хотели узнать о зарубежной эстраде?

4. Мы собираемся опубликовать серию материалов о популярных среди молодежи певцах и музыкальных коллективах.

В одном из выпусков Клуба мы намерены напечатать беседу с Аллой Пугачевой, вопросы которой предлагаем задавать вам, уважаемые читатели. Ждем ваших писем для певицы не позднее 22 февраля (по почтовому штемпелю отправки).

5. Что вы хотели бы узнать из истории музыки?

6. Вы познакомились с первым выпуском Клуба — каким видим его мы. А каким видите молодежный Музыкальный клуб в журнале вы? Ваши предложения, безусловно, помогут работе над следующими выпусками.

Ждем ваших писем!

"АРИЭЛЬ"

Алексей ЕРОХИН
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Концерт окончен, но зал отпускает их не сразу, снова и снова вызывая аплодисментами на ярко освещенную сцену.

И вновь выбегают к рампе шестеро улыбающихся парней, и вновь буквы на их разноцветных майках складываются в протяжное, певучее имя: А-Р-И-Э-Л-Ь.

«Ариэль» — вокально-инструментальный ансамбль из Челябинска. Любителям эстрадной музыки это имя известно. И прежде всего благодаря четкой ориентации ансамбля на народный песенный фольклор.

«Отдавали молоду» и «Не улетай, лебедушка», «Нахлебался пресного молока» и «Уж ты порушка — параня».

«Долина-долинущка» и другие, порой уже забытые русские народные песни зазвучали в исполнении «Ариэля» в свежей, современной интонации. Разрабатывая фольклор на основе современных музыкальных приемов, ансамбль бережно доносит до нас шедевры народной песни.

Вы удивитесь, возможно, почему ансамбль избрал имя Ариэль — героя одноименного фантастического романа Александра Беляева.

Имя юноши, овладевшего счастливой способностью летать без крыльев — летать столь же естественно, как дышать или смеяться...

А песня, мелодия — разве не полет?

«Ариэль», как и его фантастический тезка, «летать» научился не сразу, но стремился к этому с «младенчества».

С самого дня рождения — 7 ноября 1970 года. Именно в этот день шестеро собравшихся за праздничным столом парней-единомышленников выходцев из распавшихся самодеятельных ансамблей «взялись за руки».

чтобы подольше не расставаться. Крышу же над головой они обрели во Дворце культуры железнодорожников.

Дебют, правда, был неудачен: участвуя в конкурсе

«Алло, мы ищем таланты!», стали лауреатами области.

но на зональных состязаниях уступили ташкентской «Ялде».

Не было еще должной уверенности в своих силах.

Вот и в семьдесят первом году в Горьком.

прибыв на фестиваль эстрадной музыки

«Серебряные струны», ступевались: еще бы, такие грозные соперники

Александр Градский, ансамбль «Аргонавты».

Решили даже не репетировать у всех на виду, пошлИ в общем, этакой «темной лошадкой».

и лишь после того, как исполнили первую песню — столь знаменитую теперь «Лебедушку» —

и грянул шквал аплодисментов, поняли: можем! Причем поняли не только они —

на горьковском конкурсе «Ариэль» занял первое место.

Но хорошо и гладко все бывает только в сказках. «Ариэлю» пришлось испытать на себе всю прихотливость капризов судьбы.

На одном из концертов «Ариэля» немногочисленная, но достаточно шумная часть публики, разгоряченная современными ритмами, чрезмерно громко заявила о своем «мы».

«Ариэльцы» до сих пор вспоминают тот вечер с сожалением: надо было бы своими силами сразу пресечь излишние «восторги».

и не был бы сорван концерт. А так приписали в результате «Ариэлю» «разжигание нездоровых страстей»...

Вспомнить эти досадные эпизоды необходимо, но не для того, чтобы показать: смотрите-ка, как популярность приобретается,

а для того, чтобы понять, как мужал «Ариэль».

«Эти «кочки», наверное, и спаяли нас окончательно», — считает руководитель «Ариэля» Валерий Ярушин.

А вскоре подошел «Ариэль» к главному, пожалуй, испытанию в своей творческой жизни — всеобщему конкурсу артистов эстрады.

И с честью его выдержал — стал лауреатом. Началось, как принято говорить, большое плавание «Ариэля».

Ну, призы призами, но вот что интересно: «Ариэлю» уже десятки лет шит —

он до сих пор выступает в неизменном составе — случай, право же, уникальный.

И между прочим, чем дальше они вместе работают, тем реже случаются ссоры.

Это естественно, ведь со временем все больше «притираются» ребята друг к другу, становятся старше, а значит, добрее, умнее (сейчас им от 24 до 30 лет).

И потом, «аризельцы» довольно здоровые люди: все конфликтные ситуации выносятся в ансамбле на общий суд, по всем вопросам принимаются коллегиальные решения.

Не хотелось бы выделять кого-либо из ансамбля особо, и все же... Я наблюдал за «Ариэлем» с разных точек —

и с первого ряда партера, и с верхотуры бельэтажа, и почти вплотную из-за кулис, и в телевизионном изображении, и неизменно взгляд, поблуждав по эстрадной площадке,

останавливался на вечно улыбающемся ударнике Боре Каплуне, самозабвенно отдающемся течению мелодии

и всем упоенным обликом своим, от кудлатой головы до чутких пальцев, словно задающим ритм всему ансамблю.

От Каплуна, правда, «Ариэлю» и убыток самый большой — ломает за год сотни палочек, но это говорит о том, что работает ударник на совесть.

А кроме того, Каплун еще и поет и играет на скрипке.

Впрочем, такое стремление к универсализму вообще характерно для «аризельцев».

В руках у Ярушина часто появляется гармоника, Гепп за время службы в армии обучился игре на флейте. Они рассуждают резонно:

зачем мы будем вводить в стабильный состав кого-то со стороны, если нам понадобится, скажем, кларнетист, —

проще обойтись своими силами. (Хороший, между прочим, пример тем ВИА,

состав которых разбух уже до двух десятков человек!) Четверо — Гуров, Ярушин, Гепп и Шариков —

сочиняют музыку, что придает творческому облику «Ариэля» свежесть и разнообразие.

Что же касается аранжировок народных мелодий, то это в основном стихия Ярушина.

«Ариэль» постоянно совершенствуется. Так, например, лет пять назад выглядел он специфическим ансамблем для записи дисков —

на эстраде ребята были еще неподвижны, скованны, что ухудшало контакт со зрителем. Ныне жизнь на сцене за бурлила, «аризельцы» как бы раскрепостились,

почувствовали вкус к актерской игре. И помогла в этом «Ариэлю» работа над оперной оперой «Сказание о Емельяне Пугачеве», исполняемой в их любимом стиле фолк-рока.

Эта рок-опера, музыку которой написал Валерий Ярушин, создана по мотивам осенней поэмы «Пугачев». Перед нами вдохновенное повествование о судьбе народного вождя, звучащее горячо, истово, словно на одном дыхании. Такой цельностью способствует и то,

что постановщик и автор либретто Валерий Яшкин работал не абстрактно, а с учетом индивидуальностей «аризельцев».

«Ариэль» смотрится ансамблем антишаблонным. Проявляется это и в общем его направлении и в частности. Возьмите, к примеру, их песню «Эх старая, добрая пластинка», звучащую теплым воспоминанием об эстраде времен Утесова.

«Ариэль» здесь пошутит, сымитировав «заедание». Знаете как бывает с «записанными» любимыми дисками? Нашлись, однако, люди без чувства юмора или протодушные: возвращали пластинки с этой песней в магазин, требуя заменить их как бракованные.

Долго еще можно говорить о шестерке из Челябинска, но уже окончен концерт, и «аризельцы», покинув сцену, спускаются гурьбой по закулисной лестнице.

Впереди — Валера Ярушин. Импровизирует на гармонике веселую мелодию. По инерции? Да нет, просто жалко с музыкой расставаться.

СОЖГИТЕ ВСЕХ!

Жан АРНО

РОМАН

Женис уходил с неприятным чувством, более того, с уверенностью, что Жаки ему открыто пригрозил. Организовал ли он вместе с Жераром кражу автоцистерны, чтобы потом перепродать бензин на какой-нибудь отдаленной бензоколонке в Домбах? Это могло бы объяснить, почему шофер не вовремя застрял в узкой улочке Гийоза. Но, с другой стороны, с 20-го прошло всего два дня, как они начали дежурить на складе. Хватило ли им времени, чтобы организовать дело, изучить привычки шоферов? Всегда ли в нефтяной компании цистерны заполнялись перед концом рабочего дня, чтобы рано утром шофер мог сразу отправиться в путь? Женис так не думал. По правилам безопасности это должно быть запрещено. Если ему удастся получить доказательство, что полные автоцистерны никогда не оставляли на всю ночь на складе, не установит ли он тогда вину Жаки и Жерара? Кто-то мог проникнуть на склад, сесть за руль и выехать через взломанные ворота. Но для того, чтобы наполнить цистерну, требуется немало времени. И в этом случае охранники не могли ничего не заметить.

Полиция, разумеется, придет к тому же выводу. Впрочем, какая ему разница? Он неисправим. Стоило ему почувствовать запах денег, которые ничего не стоило заработать, как он бросался на дело. Он постоянно плел сеть не очень-то законных махинаций, суеился, чтобы набить карманы деньгами, которые тут же тратил. И все же, если оба охранника заработали четыре миллиона в старых, Женис совсем не прочь заполучить часть этой суммы. Миллиончик никогда не помешает. Жаки посоветовал ему не лезть не в свое дело. Значит, тут было что-то подозрительное. Может, надо подождать? Полиция могла арестовать их в любую минуту, и лучше, если его имя не будет упомянуто.

Но вот что покзалось Женису чрезвычайно важным, так это то, что Жаки и Жерар работали на ту же контору, что и он. Он вел дело Пьера Давверя, а они несли в некоторой степени ответственность за его смерть. И в довершение всего Дардые, их общий начальник, просил его не заниматься больше всем этим. А вдруг он, движимый алчностью, сунул нос в дело куда более значительное, чем казалось с первого взгляда?

В Сен-Жане Женис зашел в рестораник. Он любил сытно поесть. Еще он любил, когда наступал момент платить по счету. Женис рассчитывался всегда крупными купюрами, ему нравилось смотреть на свои деньги, лежащие на блюде. В этот вечер он расплатился одной из пятисотфранковых бумажек, которые ему дал Барон. Для собственного удовольствия.

Он допил бутылку вина, заказал кофе, виноградную водку и долго согрел рюмку руками. Он был сыт, немного пьян. Он представлял, как Клер Руссе соглашается прийти к нему...

Вернувшись домой, Женис не смог удержаться и позвонил ей.

— Вы приняли решение?

— Еще нет, — сухо ответила Клер.

Забыв о своей обычной осторожности, Женис спросил ее, не мог ли кто-нибудь оплатить задолженности ее мужа непосредственно в кассе кредитного общества.

— Не понимаю, — сказала Клер. — О чем вы говорите?

— Попросту вчера во второй половине дня некая пожилая женщина пришла и оплатила наличными.

— Я не знаю никого...

— Может быть, ваша мать?

— Ей неизвестно, что у моего мужа были долги. Но в любом случае не думаю, чтобы она сочла нужным сама оплатить их.

— Я так и думал, — сказал Женис.

Глава VII

Клер приехала к 8 часам. Родители Пьера встретили ее довольно прохладно, что ее совсем не удивило. Они обвиняли во всем Клер, считали, что

их сын был хорошим мужем и хорошим отцом, и никак не могли понять, почему она рассталась с Пьером.

Но когда Клер подошла к гробу, ее свекровь больше не могла молчать.

— Этот ужасный гроб... Нам хотелось бы какой-нибудь подущше, из дуба по крайней мере... Но было невозможно перенести... тело. Вы видели, гроб опечатан...

— Это по плану ОРСЕК, — объяснил отец Пьера. (Он служил в префектуре Макона и всегда без разговоров подчинялся всем административным правилам.) — Префект Эна частично ввел план в действие, когда произошло это несчастье. Такие гробы предусмотрены правилами... У каждого гробовщика должно быть в запасе некоторое количество по норме, установленной в зависимости от размеров его предприятия.

Похороны тянулись долго, очень долго. Клер знала, что должна была бы привезти и Стефана. До поры до времени он не сможет понять, что такое смерть и что его отец никогда больше не вернется. Разумеется, родители Пьера сказали, что она правильно поступила, но ее все же мучила совесть.

Когда вернулись с кладбища, она отказалась остаться.

— Что скажут люди?

Родители Пьера никому не говорили, что они расстались.

— Вы привезете к нам Стефана?

— Когда захотите, — пообещала Клер.

После этого они согласились ее отпустить. Клер хотела спросить, не они ли уплатили два взноса за грузовичок «Рено», но не осмелилась. Не из опасения, что могут подумать, будто она придает большое значение денежным вопросам, а потому, что ей казалось: смерть Пьера и восьми других жителей поселка окружает какая-то тайна. Ей не хотелось взглянуть фантазеркой. Родители мужа не поняли бы ее, посчитали склочницей, которой всюду мерещатся тайные заговоры.

Вернувшись к матери, она застала здесь Антуана Пишо. У него был все тот же мрачный вид, и держался он напряженно.

— Прежде чем отправиться на похороны, которые состоятся сразу после 12 часов, я хотел сообщить вам последние новости. Во-первых, имейте в виду, что ведение дела поручено следователю из Бурга. Его имя Пейсак. Он вас вызовёт, но если хотите, можете пойти к нему прямо сегодня... Мы создали ассоциацию наследников погибших и наняли адвоката метра Шарвиля. Согласны ли вы, как все остальные, чтобы я представлял и вас в наших отношениях с этим лицом?

Клер согласилась почти без колебаний. Пишо дал ей подписать доверенность, что было чистой формальностью.

— Разумеется, нефтяная компания не считает, что должна нести полную ответственность. По словам ночных охранников, человек, который сел за руль автоцистерны, предъявил необходимые документы. Они были украдены у настоящего шофера, а он и не подозревал об этом. Следствие старается прояснить этот момент. Возможно, что шофер является соучастником вора или даже воров, хотя на складе около полуночи появился лишь один человек. У охранников не было никаких причин проявлять недоверие, тем более что они всего лишь подменяли тех, кто там работает обычно. Эти двое охранников служат в В.Р.Н., у которого отличная репутация... Мое предприятие как-то прибегало к их услугам.

— В.Р.Н.! — воскликнула Клер. — Не они ли занимаются взысканием задолженностей по кредитам?

— Значит, вы знаете? Это сокращение от Взыскания, Расследования, Наблюдения...

— Любопытное совпадение, — проговорила Клер. Пишо взглянул на нее поверх очков, которые нацепил на нос, чтобы читать свои записи. У него был обеспокоенный вид. Похоже, эта молодая женщина строила собственные предположения и ее мысли принимали странное направление. Один только «бензинный дождь», о котором она говорила, заставлял усомниться во всем ее рассказе о

событиях той трагической ночи. Пишо хотел бы дать ей это понять.

— У вас есть основания подозревать это общество?

— Ничего подобного, — сказала Клер. — Вы закончили?

— Нет. Произвели осмотр автоцистерны. Она застряла между домами, зацепила несколько выступов. Действительно, она была чересчур велика, чтобы там проехать. До сих пор ни одна подобная машина не пыталась этого сделать.

— Все это должно было сопровождаться ужасным грохотом, — заметила Клер. — Почему он не разбудил жителей и они не выглянули в окна?

— Этого мы не знаем.

— И сама я ничего не слышала.

— Ваш дом... Я хочу сказать, что дом вашего мужа не был непосредственно задет.

— Да, но цистерна не взрывается без шума, а я слышала только звук мотора. И еще: у шофера была какая-нибудь униформа, комбинезон?

Пишо взглянул в свои записи и раздраженно покачал головой.

— Не знаю. Это могут уточнить охранники.

— Я заметила убегающего человека во всем белом; светлом — уж наверняка.

— Вы думаете, это важно для защиты наших прав? Не надо запутывать следствие. Дело и без того сложное. Если мы хотим выиграть, надо все наши действия направить против нефтяной компании, а не против воров, которые, даже если и будут пойманы, окажутся неплательщиками. По мнению метра Шарвиля, вы с сыном можете рассчитывать минимум на триста тысяч франков, тридцать миллионов старых.

— Мосье прав, — проговорила мадам Руссе, которая до этого момента лишь слушала.

Антуан Пишо ей нравился. Он производил впечатление человека строгого и честного, надежного и упорного. Благодаря ему ее дочь и внук имели шансы получить крупную компенсацию, и она боялась, как бы Клер с ее обычным антиконформизмом все не испортила.

— Ну, будь же благоразумной... Что ты еще хочешь?

Пишо был явно доволен, что у него появился союзник.

— Говоря о тридцати миллионах, я имею в виду минимальную сумму. Вы можете рассчитывать и на большее.

— Сами вы должны получить еще больше, — сказала Клер.

Он, казалось, был шокирован, и мадам Руссе сделала Клер большие глаза. Клер мило улыбнулась.

— Мосье Пишо известна приблизительная сумма, которую я могу получить... Поскольку все мы составляем одну ассоциацию, справедливо, если я узнаю, на сколько рассчитывает он сам.

Во взгляде Пишо сменились удивление и раздражение. Поскольку Клер была женщиной, он считал это требование совершенно неуместным, но тем не менее был вынужден назвать цифру в шестьдесят миллионов старых франков.

— Я должен попросить у вас деньги в качестве аванса для адвоката... Пока с каждой семьи причитается по пятьсот франков.

— Не следует ли при определении этой суммы исходить из того, сколько должна получить каждая семья?

Тут мадам Руссе решила выйти из комнаты, а Пишо бросил на Клер гневный взгляд.

— Речь идет лишь об авансе... Когда дело будет окончено, мы произведем точные подсчеты.

Мадам Руссе вернулась, держа в руках пятьсот франков, но Клер не взяла их и пошла за своей чековой книжкой.

— Ты ужасно себя ведешь, — сказала ей мать, когда Пишо ушел. — Это очень приличный человек, и я ему доверяю. Только он может добиться справедливости.

— Мне плевать на деньги, — резко проговорила Клер. — Я только хочу узнать, почему умер отец Стефана. И все.

После двенадцати она отправилась во Дворец Правосудия Бурга и прождала около часа, прежде чем ее принял следователь Пейсак. Клер надеялась, что он молод и окажется членом профсоюза. Но возраст следователя приближался к пенсионному, и у Клер создалось впечатление, что он не придает большого значения этой истории.

— Вы единственный свидетель этой трагической ночи, — сказал он ей. — Передо мной записи того, что вы рассказали о ней жандармам... Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду, говоря о шуме дождя, который слышали до того, как цистерна взорвалась.

— Я вовсе не говорила, что она взорвалась, а если взрыв и был, то, наверное, когда я значительно удалилась от поселка.

— Вы уверены, что вам ничего не приснилось?

— Поднявшись с постели, я увидела в комнате капли... бензина... Он стекал с крыши. А если он просочился через потолок, значит, его было много.

— Вы говорите также, что заметили фигуру в белом у прачечной?

— Сначала я подумала, что это мужчина в рубашке с длинными рукавами и кальсонах... Но поскольку никто не выжил, а только пожилой человек из поселка мог спать в такой одежде, мне пришла в голову мысль, не был ли то шофер цистерны.

Клер хотелось рассказать о других загадочных деталях, спросить у этого следователя, почему прослушивается ее телефон.

Но она не могла утверждать, что это непосредственно связано с происшедшим несчастьем: Клер являлась членом экологической группы, и ее могли подозревать в подрывной деятельности. Следователь ответил бы ей, что это не в его компетенции. А может ли она подать жалобу в лионскую полицию, потребовать расследования?

— При чем тут план ОРСЕК? — спросила Клер.— Это ведь не катастрофа регионального масштаба... Меня это все же удивляет.

— Все совершенно естественно,— ответил следователь.— Имелся определенный риск, и затем надо было избежать разграбления жилищ.

— Там мало что осталось.
— Мадам, это нас не касается. Вернемся к делу. По мнению экспертов, в цистерне появилась течь, потом она взорвалась. Могло пройти некоторое время.

— Какое?
— В пределах часа.
— Не думаю. Я покинула горящий поселок...

Следователь поднял голову и в упор взглянул на Клер своими голубыми глазами.

— Вы уверены, что не поддались панике? Вы сказали, что ваш муж, с которым вы расстались, был болен.

— И я его умышленно бросила?!

Следователь не ответил. Секретарь прекратил печатать на машинке.

— В поселке были еще больные... Например, Гийоме. Их дочь сможет вам это подтвердить. Все эти пожилые люди, кажется, лечились обычно у одного и того же доктора по фамилии Рэйно из Шаламона. Вы можете освободить его от соблюдения профессиональной тайны и...

— Вы собираетесь мне указывать?— рассердился следователь.— Вы все запутываете... Болезнь вашего мужа и этих людей не имеет никакого отношения к следствию...

— Мой муж причиной своей болезни считал водопроводную воду,— сказала Клер.

— Ну и что? Хотите, скажу вам, что я думаю? Вы не смогли вытащить его из кровати и предпочли сбегать до того, как все загорелось.

— Нет, это неправда!— крикнула Клер.— Повсюду был бензин, и печка загорелась. Она взорвалась.

Следователь перечел показания, которые Клер дала жандармам.

— Вы отметили эту деталь... Взрыв был сильным?

— Да, довольно сильным...

— Вы не могли его спутать со взрывом цистерны?

— Ни в коем случае. Пламя уже появилось... Нет, это взорвалась не цистерна.

Следователь бросил на Клер косой взгляд.

— Ваши слова—на руку нефтяной компании. Она могла бы доказать, что загорелся ваш дом, а от него—застраившая цистерна. Секретарь, это не нужно записывать.

— Я рассказываю лишь о том, что пережила,— процептала Клер.— И ни о чем другом. Столько странных вещей...

— Вот и расскажите нам о них, для этого вы здесь.

— Но вы не хотите обращать на них внимания... Когда я приехала, поселок был погружен в темноту... Я говорю о домах, об окнах, которые должны были светиться...

— Был густой туман.

— Да, но я должна была бы заметить какие-то признаки жизни... А Пьер был серьезно болен. Его рвало кровью. У меня на глазах, и потом я видела следы крови в умывальнике... Когда я поднялась взглянуть, спит ли он, я почувствовала неприятный запах у него в комнате... Возможно, его опять рвало; я не зажгла свет.

— Что вы тут пытаетесь наговорить? Будто рассказываете фантастическую историю. Не находите ли вы в плену своего воображения? Вас глубоко потрясла эта драма, и, возможно, все, что вы видели и чувствовали до пожара, принимает теперь преувеличенные размеры.

— Я все время сохраняла ясный рассудок. Есть же точные доказанные детали. Эта корова—настоящий живой факел,—которая бежала за мной. На

дугу нашли ее обуглившийся труп. Были больные, которых навещал доктор Рэйно.

Следователь вздохнул, перелистал документы и неожиданно спросил:

— Каковы были ваши отношения с мужем?

— Мы разошлись.

— Официально?

— Нет...

— Ясно,— произнес он ехидно.— Вы считали, что правосудию в вашем случае делать нечего.

— Мы думали...

Клер быстро почувствовала ловушку. Он ждал только этого, ее реакции на эти слова.

— По взаимному согласию мы решили расстаться...

— Но вы приехали, чтобы провести ночь с ним?

— Он был болен, и я беспокоилась об отце моего сына. Кстати, я спала в отдельной комнате.

— Вы совсем не ладили?

— Мы сохраняли дружеские чувства по отношению друг к другу.

— У вас не было оснований ненавидеть его?

Клер подскочила.

— Абсолютно никаких!

Она поняла, куда он клонит. Якобы она бросила мужа умышленно, когда пожар еще не начался.

— Как бы я увидела горящую корову, если б поступила таким образом?— сухо спросила Клер.

Следователь дернулся. Он явно был в затруднении.

— Хорошо,— произнес он.— Расследование будет продолжаться. Я должен еще заслушать других свидетелей, первых спасателей... Но, возможно, вы мне еще понадобится, оставьте свой точный адрес.

— До конца каникул я буду у матери,— сказала Клер.

Выйдя из суда, она вся дрожала и вынуждена была зайти в бар выпить кофе. Никто не желал, чтобы она настаивала на своей версии событий. Эта история с дождем из бензина их раздражала, хуже того, приводила в бешенство.

Склонившись над чашкой, Клер вспоминала, что, к сожалению, не уточнила некоторые детали. Насчет похитителя цистерны, например, насчет небрежности шофера, который позволил, чтобы у него украли документы. И многое другое. Ей надо было все записать и высказаться, даже если б старый следователь ответил, что это не имеет отношения к делу.

Клер решила съездить в Гийоз, несмотря на туман и на то, что близилась ночь. Дорожное ведомство убрало надписи, и она подумала, что остатки цистерны уже не преграждают путь.

Однако у въезда в поселок по-прежнему стояла машина жандармерии и другие автомобили. Клер узнала машину Пишо. Должно быть, родственники погибших в пожаре приехали сюда после похорон.

При свете догорающего дня Клер пробралась туда, где была мастерская Пьера. Она искала кран.

К ее удивлению, он оказался цел. Медь не расплавилась, и Клер даже смогла его открутить. Потекла вода. Клер стала лихорадочно рыться в мусоре, но нашла лишь старый бидон из-под масла. Воду в качестве образца в него нельзя было набрать. Клер вернулась к машине, взяла фляжку из пластика и наполнила ее водой.

Когда она вышла из развалин дома, на улице стояли Пишо и какие-то люди, и Клер инстинктивно спрятала фляжку в карман.

— Вы были у следователя?— спросил Пишо.

Клер кивнула всем в знак приветствия, и они с некоторой сдержанностью ответили ей. Клер поду-

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

мала, что бухгалтер рассказал им о ее «нелепых» утверждениях. Ей хотелось спросить, не были ли их родные больны. Но, видя их недружелюбные лица, она не решилась.

— Полиция без усталости допрашивает шофера,— сообщил ей бухгалтер.— Пока он упорно утверждает, что не знает, где и когда у него украли документы.

— Может быть, так и есть,— предположила Клер.

— Как же!— со злостью воскликнула дочь Гийоме.— Он наверняка в сговоре с этими убийцами.

Глава VIII

Женис Монтелье лишь из газеты узнал о том, что шофера автоцистерны допрашивает полиция по официальному требованию следователя из Бурга. Двадцатипятилетний шофер Леон Карню вот уже три года работал в Лионской компании энергопродуктов. Он жил с женой и ребенком в загородном домике, купленном в кредит.

Поскольку было 23 декабря, работа шла не слишком напряженная. В 16 часов был даже предусмотрен аперитив. Об этом сообщила Женису Мирей, секретарша. Юридический отдел подготовил для него всего одно дело в самом Лионе; несложная работа.

На всякий случай Женис обратился к электронной картотеке, но на Леона Карню никаких данных не было. У Жениса была смутная надежда, что шофер уже имел дело с В.Р.Н. по поводу неуплаченных взносов.

Затем Женис сдал в бухгалтерию полученные накануне деньги, в том числе три из четырех купюр по пятьсот франков, которые ему отдал Барон, бармен из «Хоккея».

— Подожди минутку,— сказал кассир,— я проверю по списку... Ходят подозрительные купюры, а номера этих я, кажется, уже для себя отмечал.

Женис знал о существовании списков, в которых значились украденные или выплаченные в каче-

стве выкупа при киднаппингах деньги. Он принял равнодушный вид, но его сердце забилось сильнее. Не ждет ли его интересный сюрприз? Но кассир с сожалением покачал головой:

— Нет, я ошибся... Это чистые деньги.
— Однако обычно твоя память тебя не подводит,— заметил глубоко разочарованный Женис Монтелье.

— Точно... Но и я не без греха.
— Я могу записать эти номера?
Он внес их в свой блокнот и покинул здание В.Р.Н. Чтобы повидать своего единственного на этот раз клиента, Женис отправился в Круа-Рус. Он попал в скромную квартиру, где в этот день, судя по всему, занимались только украшением елки. Супруги—обоим было лет по тридцать—пришли в отчаяние. Но он проявил снисходительность, чего с ним обычно не случалось.

— Все же за вами три взноса. Они не так уж велики, каждый на сумму в 280 франков, но с издержками все это составит тысячу сто франков... Вы платите за плиту, не так ли? Обидно будет, если ее заберут накануне Нового года.

Женщина, довольно миленькая, посмотрела на мужа взглядом, выражающим полное отчаяние.

— Я должен получить тринадцатую зарплату на будущей неделе,— сказал он.— И смогу внести эту сумму.

— У вас счет в банке?
— Да.

— Это можно уладить... Выпишите мне чек. К моменту получения на вашем счету будут деньги?
— А так можно?

— Да. Но берегитесь, если счет окажется необеспеченным.

Обычно Женис брал небольшие комиссионные за такого рода операции, но на этот раз воздержался. Сдав чек в конце дня, он обеспечивает им возможность выиграть время до понедельника... Поскольку банк не тот же, что В.Р.Н., расхождение будет в несколько дней.

Женис позвонил из бара в В.Р.Н., чтобы узнать, нет ли еще дел на этот день. У юриконсультанта для него ничего не было, но телефонистка сообщила, что в первой половине дня его хотел видеть Дардье.

— Он уезжает потом в Куршевиль, так что не задержите его.

Женис на ходу выпил стаканчик вина и вернулся в центр города, гадая, что от него хочет патрон. Дардье приехал сюда из Алжира, где руководил в свое время подобным же обществом. Говорили, что он пользовался тайной политической поддержкой и был замешан в антиагосовскую борьбу, поскольку располагал полной картотеккой на проживавших там европейцев. Женис сам во время предвыборных кампаний служил телохранителем у некоторых представителей большинства. Помимо зарплаты, он тогда ежедневно получал крупное вознаграждение, а как-то провел в Марселе целую неделю в одном из лучших отелей города.

Дардье хотел, чтобы у его посетителей создавалось впечатление, будто они имеют дело с бывшим военным. У него был квадратный подбородок, резкий начальственный голос, волосы он стриг «под ежик».

— До сих пор, Монтелье, я был доволен вашей работой... Но мне не нравится, что вы вмешиваетесь в дела других служб. К чему ваш вчерашний визит на склады нефтяной компании?..

Женис изобразил наивность.
— Жаки и Жерар—мои приятели... Я знал, что у них неприятности, и хотел поинтересоваться, не могу ли им чем-нибудь помочь. Кажется, они этого не оценили.

— Если кто-нибудь и должен выяснять степень их ответственности в этой истории с кражей цистерны, то это я... Внутри В.Р.Н. нет неофициальной службы.

— Но я не выяснял...
— Оставьте это полиции. Тут просто цепь роковых совпадений, понимаете? Что именно наши охранники дежурили в эту ночь и что этот...
Он, казалось, пытался вспомнить имя, но Жениса его игра не обманула.

— Этот клиент из Гийоза... Ну, тот, что был должен за машину.
— Пьер Давьер.
— Пьер Давьер... Мы самая крупная организация в Лионе, и вполне естественно, что случаются такие совпадения. Понимаете?

— Поскольку вы просили, я больше не занимаюсь этим делом.

Дардье взглянул ему прямо в глаза, затем смягчился.

— Отлично... Желаю вам веселых рождественских праздников.
— Спасибо, мосье.

Женис со всей серьезностью воспринял это предупреждение. Ему не хотелось оставаться на работе, лучше он позвонит около полудня и узнает, не ждет ли его какое-нибудь дело.

Когда он проходил через приемную, Мирей подождала его.

— Вас просили зайти в кредитное общество.
— Кто звонил?

— Жюйе... Вы придете вечером на аперитив? Будет шампанское.

— Обязательно.
— У вас есть план на рождественский вечер? Мой муж до понедельника на службе.

Он работал на железной дороге. В другой раз Женис воспользовался бы случаем, но он знал, что его ожидает. Мирей надеялась, что весь вечер он будет ее угощать—в тысячу франков это обойдется наверняка, а в качестве вознаграждения она проведет с ним ночь, что не вызывало в нем энтузиазма.

— До скорого,—простился Женис, думая про себя, что на аперитиве он не появится.

Жюйе затаскил его в маленькое кафе и выбрал уединенный столик.

— С шестью тысячами за сгоревшую машину я ликвидирую дело Давьера. Вы видели типа из страховой компании?

— Еще нет.
Жюйе, хмуря брови, взглянул на Жениса.
— Вы собирались зайти туда.
— Не успел.

— Жена Давьера отказалась от получения страховки?

— Я не могу застать ее дома...
— Четыре тысячи на троих—это не так уж плохо, а?

— Но ваше общество потеряет по меньшей мере две тысячи франков.

— Судебные издержки обойдутся дороже. Юриконсульт меня послушает... Я наверстаю на другом деле, а в конце года баланс сойдется. Это касается только меня, но действовать надо быстро.

— То есть?

— До вечера. Повидайте вашего знакомого из страховой компании... Он в самом деле заведующий? Значит, он занимается спорными вопросами. В «Аргусе» машина стоит более миллиона старых франков. Если вдова откажется, они сэкономят немного денег... Должно получиться. Он отдаст вам формуляр на продажу машины, оформленный задним числом.

— Но он зарегистрирован в префектуре?

— Это уж моя забота. Вам что, не хочется получить сто тридцать три тысячи франков? Вы меня удивляете!

— Я согласен,—сказал Женис.

После первых же слов заведующий в страховой компании повел себя сдержанно.

— Скоро полдень, пойдем выпьем по стаканчику. Однако, подмигнув Женису, он дал ему нужный формуляр. За бокалом вина он заговорил свободней, но по-прежнему обильными.

— В «Аргусе» это превышает миллион старых франков плюс дополнительные суммы... Представьте себе, что в грузовичке был товар на двести или триста тысяч. Давьер развозил на нем заказы. Есть соглашение на четыреста тысяч франков. Даже выторговав половину, моя компания должна была бы заплатить по меньшей мере двенадцать тысяч новых франков... Значит, она выигрывает две тысячи... Никаких проблем. Дайте подписать вдове этот акт о продаже.

— Парень из кредитного легко получит нужную справку, но надо будет все пометить задним числом.

— Я об этом ничего не знаю.

Женис закурил.

— В сущности, пока в этой сделке фигурирую только я.

— Что касается меня, мне хватит тысячи франков. Пусть ваш приятель тоже пойдет навстречу.

Перевод с французского Надежды НОЛЛЕ

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение. Начало см. в №№ 1 и 2 журнала.)

ТРЕТИЙ ТУР

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

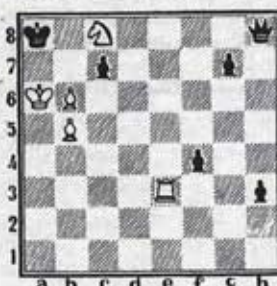
Ход черных. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях сторон? (3 балла).

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

ЭТОД—ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые делают ничью (2 балла).

НАША ВИКТОРИНА

1. d4 d5 2. e4 de 3. Kc3 Kf6 4. f3 ef 5. Ff3. Как называется это начало шахматной партии? (1 балл).

Заключительным заданием третьего тура является организация классификационного шахматного турнира, который можно провести в любом коллективе, независимо от того, работаете (учитесь) вы в нем или нет. Если участвовать

пожелают от 6 до 10 человек, то им придется сыграть в два круга, т.е. друг с другом по две партии. Если же в турниры запишутся от 11 до 21 любителя шахмат, то встречаются они между собой по одному разу. При 22 и более желающих целесообразно разбить их на две или несколько турнирных групп.

По окончании турнира чертится итоговая таблица (в ней участники располагаются в порядке занятых мест, а в случае одинакового показателя—по алфавиту) с фамилиями и инициалами всех игравших, результатами партий каждого и их адресами. Таблица эта должна быть скреплена подписями организатора (судьи) турнира и руководителя коллектива, где проводилось соревнование, а также печатью.

Всем товарищам, выполнившим классификационные нормативы (как правило, 60 процентов от общего количества возможных очков), «Смена» вышлет официальные справки о присвоении четвертого разряда по шахматам. Если нам будут присланы записи партий кого-либо из участников турниров, то не исключена возможность присуждения ему более высокого разряда (третьего или второго).

Как было обусловлено при открытии этой олимпиады, тем читателям, кто, к сожалению, не смо-

жет выступить в роли популяризатора шахмат и организовать турнир новичков, предлагается компенсационный тест—разобрать и прокомментировать интересную шахматную партию, текст которой следует ниже. Учтите, что примечания должны быть лаконичными, сопровождаться вариантами доказательств и приводиться с красной строки, отдельно от основного перечня ходов, сделанных партнерами.

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd 4. F:d4 Kf6 5. e5 Kc6 6. Cb5 Fa5+ 7. Kc3 F:b5 8. K:b5 K:d4 9. Kf:d4 de 10. Kc7+ Kpd8 11. Ka8 ed 12. Cf4 e5 13. C:e5 Cb4+ 14. Kpf1 Le8 15. C:d4 b6 16. K:b6 ab 17. C:b6+ Kpd7 18. c4 Kpc6 19. Ce3 Kg4 20. Cf4 Cf5 21. h3 Kf6 22. Ce3 Cd3+ 23. Kpg1 Ke4 24. Lad1 Ce2 25. Lc1 f5 26. c5 Ca5 27. a3 Cc7 28. Le1 Cc4 29. Lc1 Cb3 30. h4 Ce5 31. f4 Cf6 32. Kph2 Lb8 33. Lb1 Ca2 34. b4 C:b1 35. L:b1 Kc3 36. Lb3 Kpb5 37. Lb2 Kd5. Белые сдались.

За проведение турнира участнику олимпиады засчитывается 10 баллов, за выполнение компенсационного задания—от 1 до 10 баллов.

Открытию на этот тур посылайте в редакцию не позднее 15 апреля 1980 года. Таблицы турниров в конвертах разрешается отправлять нам до 15 мая с. г.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.12.79. Подписано к печати 04.01.80. А 06504. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 279. Заказ № 1719. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Продолжение следует

КЛУБ
-МУЗЫКА
С ТОВОЙ-

ЭТИ ЛЕТНИЕ ДОЖДИ

Музыка Марка МИНКОВА

Стихи Семена КИРСАНОВА

*Эти летние дожди,
Эти радуги и тучи,
Мне от них как будто лучше,
Будто что-то впереди.*

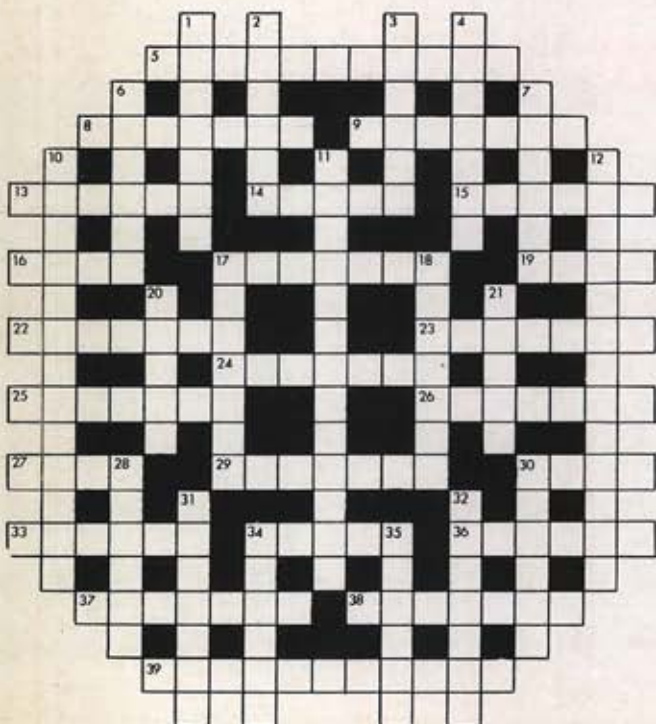
*Будто будут острова,
Необычные поездки,
На цветах—росы подвески,
Вечно свежая трава.*

*Будто будет жизнь, как та,
Где давно уже я не был,
На душе, как в синем небе
После ливня—чистота,
После ливня—чистота...*

*Но опомнись—рассуди,
Как непрочны, как летучи
Эти радуги и тучи,
Эти летние дожди.*

*Нет, не будет жизнь, как та,
Где давно уже я не был,
На душе, как в синем небе
После ливня—чистота,
После ливня—чистота...*

*Эти летние дожди,
Эти радуги и тучи,
Мне от них как будто лучше,
Будто что-то впереди.*

КРОССВОРД

Составил О. БАЛБЕКОВ,
Москва

По горизонтали:

5. Грузинский поэт XIX века. 8. Дизельное топливо. 9. Врач. 13. Оптическое стекло. 14. Стадо овец. 15. Карикатурист, народный художник СССР. 16. Поэма Н. А. Некрасова. 17. Зодиакальное созвездие. 19. Растение семейства лилейных. 22. Итальянский скрипач, композитор XVIII века. 23. Город в Краснодарском крае. 24. Элементарная частица. 25. Континент. 26. Один из героев романа И. С. Тургенева «Накануне». 27. Персонаж трилогии А. Дюма. 29. Круглый павильон с колоннами. 30. Венгерский пианист, композитор, педагог XIX века. 33. Музыкальная пьеса в стремительном темпе. 34. Город на севере Алжира. 36. Учебное занятие в вузе. 37. Хищник семейства кошачьих. 38. Французский математик, физик, философ XVII века. 39. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона.

По вертикали:

1. Красный стручковый перец. 2. Передвижной цирк. 3. Технологический процесс соединения металлических конструкций, деталей. 4. Одна из эпох геологической истории Земли. 6. Род художественной литературы. 7. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 10. Совокупность звездных систем. 11. Наука о вымерших организмах. 12. Русский живописец-портретист. 17. Высокопрочный кирпич. 18. Линия, разделяющая территории государств, рубеж. 20. Город в Калининской области. 21. Механическое соединение разнородных веществ. 28. Узбекский и таджикский духовой инструмент. 30. Фигурная линейка. 31. Повесть Н. В. Гоголя. 32. Винорадный сахар. 34. Препятствие в скачках, бегах. 35. Река в Якутии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2

По горизонтали:

6. Ратификация. 9. Сороки. 10. Ираксак. 11. Пони. 12. Барабан. 13. Дева. 17. Гичка. 18. Семга. 20. Алура. 21. Камертон. 22. Фигурист. 23. «Искра». 24. Пистолет. 25. Веретено. 27. Неман. 29. Робот. 30. Тимур. 32. Кекс. 33. Капитан. 36. «Таня». 39. Диалог. 40. Тритон. 41. Нивелировка.

По вертикали:

1. Радон. 2. «Синица». 3. Диаграмма. 4. Калина. 5. «Титан». 7. Войнич. 8. «Дереву». 11. Пограничник. 14. Александрия. 15. Кантилена. 16. Маргарита. 18. Санитар. 19. Алфавит. 26. Облигация. 28. Максимум. 31. Мрамор. 34. Ангрэн. 35. Астров. 37. Ильин. 38. Литке.

УЗОРЫ СТЕННЫХ ВЕТРОВ

Один из самых древних туркменских народных промыслов — ковроделие. Ковер издревле сопровождал туркмена от рождения до смерти. Ими устилали пол, закрывали стены, занавешивали дверной проем, украшали торжественные ритуалы.

Цветовая гамма туркменских ковров

А. АТАЕВ. КАРА-КУМЫ.

К. АТАЕВ. КОЛЬЕ.

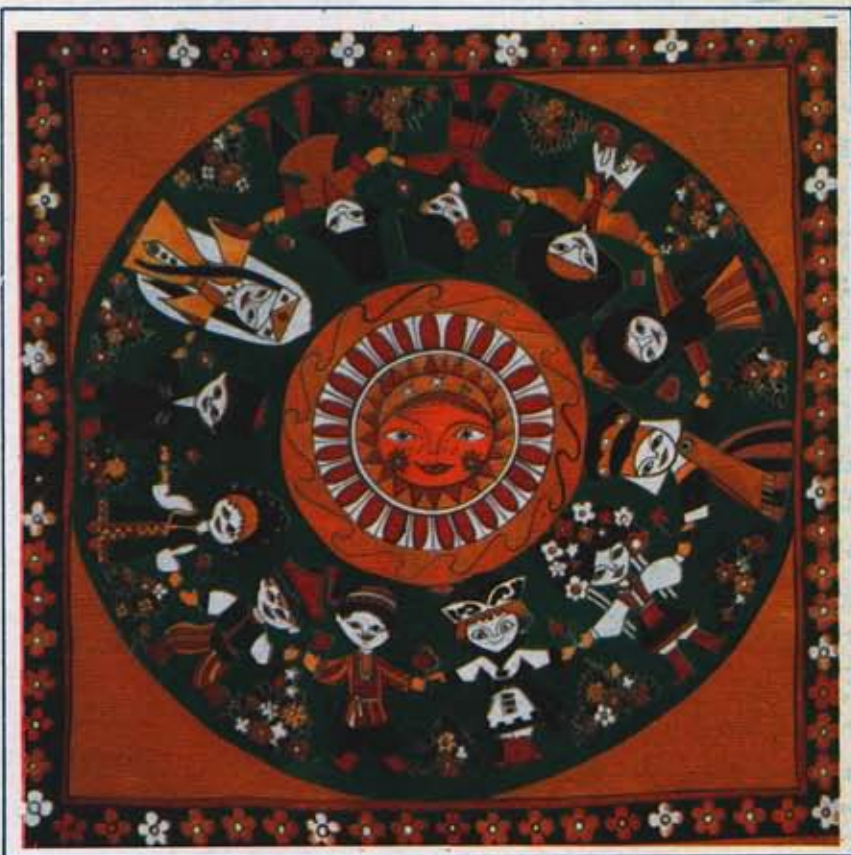
**В. ЧЫГЛЫЕВА.
СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО.**

сдержанна и благородна. Основной цвет — красный. В узорах он переходит то в густо-вишневый, то в лиловато-коричневый, а то ярко вспыхнет праздничным цветом весенних маковых лугов. Островки замкнутого красочного рисунка на однотонном фоне — «гели» — главный элемент орнамента.

Меняется жизнь — меняется образное мышление художников. И в традиционных орнаментах появляются новые черты, отражающие современную жизнь республики.

Одним из интереснейших изделий туркменских художников по праву считается ковер «Аул» по эскизу Джовзы Шахбердыевой. Композиция ковра традиционна, но вместо гелий на центральном поле в размеренном, спокойном ритме — изображения юрт.

На гобеленах ашхабадских мастеров появились образы наших современников. Переход от орнамента к портрету закономерен. Художники расширили привычный круг символов, старались найти новые формы конкретного воплощения сегодняшней жизни в изделиях

**Р. КИНЯКИНА.
НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНОЧКЕ.**

К. АТАЕВ. БРАСЛЕТ.

декоративно-прикладного искусства. На гобелене «Счастлиное детство» Веры Чыглыевой — туркменская девочка. Ее танцевальная поза, веселое выражение лица, яркость красок подтверждают название изделия.

В создании узоров, в их сочетаниях и цветовых гаммах фантазия художников поражает многообразием и смелостью. Среди стилизованных цветов и листьев встречаются композиции из фигурок животных, людей, домашней утвари.

Посмотрите на платки молодой художницы Розы Кинякиной и увидите, насколько неисчерпаемо воображение этого талантливого мастера, сколь неожиданно, но глубоко продумано сочетание старых традиций и собственных находок.

Если ковроделие, ткачество, вышивка — дело для рук и фантазии женщин, то разнообразные изделия из серебра изготавливаются, как и в древние времена, мужчинами. Основным материалом туркменских ювелиров с давних пор служили серебро и полудрагоценный камень — сердолик. Традиционный фон изделий — стилизованный растительный орнамент — «исмими». Ювелирным изделиям Туркмении, как и многим видам народного искусства, свойственно сочетание торжественности, благородной массивности с простотой и сдержанностью. Украшенные тяжелой бахромой подвесок, расцвеченные мерцающими огнями камней, браслеты и кольца лишены витиеватых деталей, изощренной филигранны, фантастических силуэтов. Однако ощущение волшебства, оживившего холодный камень и металл, не оставляет, когда рассматриваешь своеобразное национальное украшение «гульяка», что в переводе на русский язык означает «Цветок у ворота», изготовленное современным художником, великолепным мастером ювелирного дела Клычмурад Атаевым.

Туркменский народ обладает неизмеримым богатством декоративно-прикладного искусства, которое ярко и празднично раскрывает многообразие окружающего мира.

Мария БОГДАНОВА

